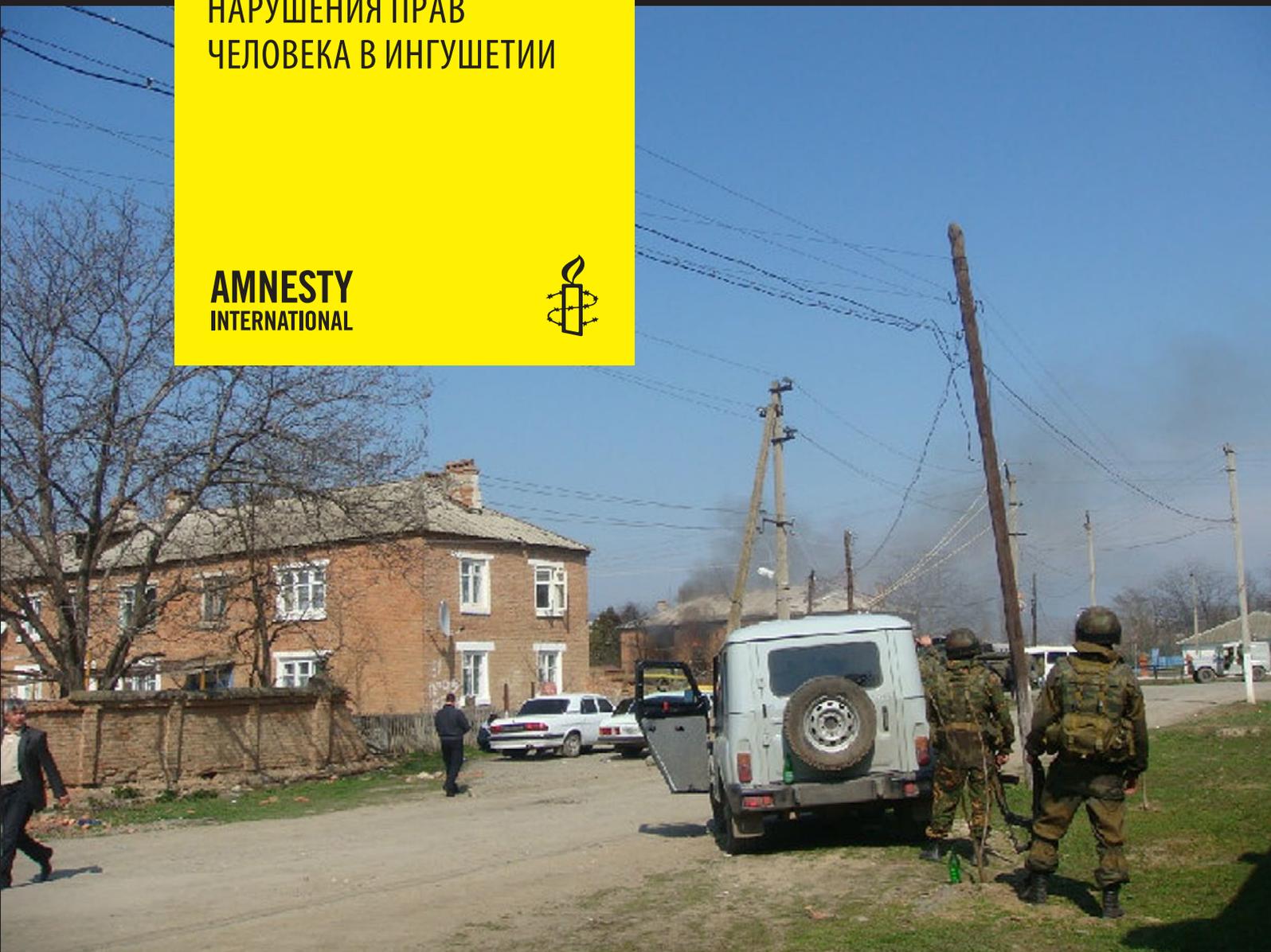

**ЗАМКНУТЫЙ КРУГ
НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ**
СПЕЦОПЕРАЦИИ И
НАРУШЕНИЯ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА В ИНГУШЕТИИ

AMNESTY
INTERNATIONAL

Amnesty International – всемирное движение, объединяющее свыше трёх миллионов человек в более чем 150 странах и территориальных образованиях. Члены, сторонники и активисты организации выступают за прекращение грубых нарушений прав человека.

Мы стремимся к тому, чтобы каждый мог пользоваться всеми правами, провозглашёнными во Всеобщей декларации прав человека и других международных стандартах в области прав человека.

Мы не зависим ни от каких правительственных структур и не руководствуемся какими бы то ни было политическими убеждениями, экономическими интересами и религиозными воззрениями. Основную часть средств организация получает за счёт членских взносов и добровольных пожертвований.

AMNESTY
INTERNATIONAL

Впервые опубликовано в 2012 году
Amnesty International Ltd
Peter Benenson House
1 Easton Street
London WC1X 0DW
United Kingdom

© Amnesty International, 2012 год

Индекс: 46/012/2012 Russian
Язык оригинала: английский
Отпечатано Международным секретариатом Amnesty
International, United Kingdom

Все права защищены. Данная публикация охраняется авторским правом, однако может бесплатно воспроизводиться в правозащитных целях, для проведения кампаний и в целях обучения, но не для перепродажи. Любое использование всегда должно быть предварительно согласовано с правообладателями для оценки воздействия.

При воспроизведении в иных целях, при переводе на другие языки либо адаптации требуется предварительное письменное согласие издателей, и может взиматься плата. Для получения разрешения, а также по другим вопросам просьба обращаться по адресу: copyright@amnesty.org

Фото на обложке: Спецоперация в станице Орджоникидзевская, Ингушетия, Российская Федерация, март 2009 года
© Правозащитный центр «Мемориал»

amnesty.org

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
ВВЕДЕНИЕ.....	9
Методология.....	9
Краткая справка.....	10
Общая информация по Ингушетии.....	10
Ситуация в сфере безопасности в Ингушетии.....	11
Незаконные вооруженные формирования, действующие в Ингушетии.....	14
Масштаб и цена насилия.....	16
Нарушения прав человека в контексте спецопераций с 2000 года.....	17
Правоохранительные органы в Ингушетии.....	18
НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНГУШЕТИИ.....	21
Насильственные исчезновения.....	21
Количество случаев предполагаемых насильственных исчезновений.....	24
Общие черты предполагаемых насильственных исчезновений ...	25
Внесудебные казни.....	35
Подозрения о применении внесудебной казни в Ингушетии.....	36
Неадекватность расследований сообщений о возможном применении внесудебной казни.....	41
Патолого-анатомическая экспертиза.....	42
Пытки и иные формы жестокого обращения.....	46
Применение пыток и иных форм жестокого обращения в Ингушетии.....	46
Механизмы предотвращения пыток, предусмотренные в российском уголовно-процессуальном законодательстве.....	49
Несоблюдение и действие в обход мер, направленных на недопущение пыток и иных форм жестокого обращения.....	52
БЕЗНАКАЗАННОСТЬ.....	67
Препятствия на пути эффективного расследования нарушений прав	

человека.....	71
Секретность спецопераций и анонимность проводящих их сотрудников правоохранительных органов.....	71
Отсутствие независимых свидетелей.....	73
Недостаточная независимость сотрудников следствия и прокуратуры.....	75
Официальное признание проблемы безнаказанности за нарушения прав человека.....	78
Европейский суд по правам человека: последняя надежда на справедливость?.....	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	83
РЕКОМЕНДАЦИИ.....	85
ПРИМЕЧАНИЯ.....	93

Карта Ингушетии и ее местоположения в регионе

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле 2009 года российские власти официально объявили об окончании «контр-террористической операции» в Чечне, формально проводившейся там с 1999 года, когда российские войска во второй раз были направлены в Чечню, чтобы вернуть де-факто независимую республику под федеральный контроль. Решение об окончании операции – во многом символический шаг, уже мало что менявший на деле. В действительности крупномасштабные военные операции и активность сепаратистов утихли еще несколькими годами ранее. Незаконные вооруженные формирования продолжали действовать в республике, а операции, проводимые силами военных и правоохранительных органов, продолжались, как и в прежние годы — и не только в Чечне. Действительно, по мере того как военная фаза конфликта в Чечне близилась к завершению в начале 2000-х, насилие стало выплескиваться за пределы республики. Незаконные вооруженные формирования, все больше разнившиеся по составу руководства и целям, начали действовать по всему Северному Кавказу; за ними последовали спецоперации силовых структур, вместе с которыми расширилась и география нарушений прав человека.

Сегодня положение на Северном Кавказе остается нестабильным. Незаконные вооруженные формирования продолжают действовать и осуществлять нападения — на представителей и силовых органов, и гражданского населения — в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Как показал взрыв бомбы, произведенной смертником в аэропорту Домодедово в январе 2011 года, цели в глубине территории России также остаются вполне достижимыми для незаконных вооруженных формирований с Северного Кавказа. Выгоревший остов бывшего здания ГУВД в центре Назрани, где смертник привел в действие взрывное устройство 17 августа 2009 года, убив 24 сотрудников милиции, является ярким напоминанием о тех опасностях, с которыми приходится сталкиваться прежде всего сотрудникам правоохранительных органов.

В последние годы российские власти попытались диверсифицировать подходы к угрозам, исходящим от незаконных вооруженных формирований, и прибегнуть к не силовым методам одновременно со спецоперациями.¹ В регион — особенно в Чечню — были вложены значительные средства в попытке стимулировать рост и преодолеть социально-экономические факторы, обуславливающие деятельность незаконных вооруженных формирований. В ряде республик большее внимание стали уделять — с переменным успехом — налаживанию широкого общественного диалога. Предпринимаются попытки (по крайней мере, формально) обратиться к членам незаконных вооруженных формирований и дать им возможность вернуться к нормальной жизни. Эти меры применяются не без успеха, но и получают свою долю критики. Однако силовые структуры в ответ на деятельность незаконных вооруженных формирований не стали более разборчивыми в выборе средств (чему главным образом и посвящен этот доклад). Они по-прежнему действуют практически без оглядки на принцип верховенства права, что приводит к многочисленным нарушениям прав человека. Принимаемые ими меры не только далеко не полностью и эффективно способны предотвратить угрозы, исходящие от незаконных вооруженных формирований, и совершаемые ими тяжкие преступления, но можно

даже услышать и жесткие аргументы о том, что эти меры, наоборот, способствуют их совершению. Для многих на Северном Кавказе угроза безопасности исходит не в меньшей степени от многочисленных силовых структур, деятельность которых протекает во многом вне рамок общественного контроля, чем от незаконных вооруженных формирований. Вряд ли подобное положение вещей способствует долгосрочному укреплению стабильности в регионе.

В настоящем докладе рассматриваются нарушения прав человека в Ингушетии, а также сложившаяся подходы и практика, которые приводят к ним. Ингушетия – не самый беспокойный регион Северного Кавказа. Действительно, за последние несколько лет там произошли определенные умеренные подвижки к лучшему. Amnesty International выбрала этот регион не из-за масштаба происходящих там нарушений, а по той причине, что системные проблемы, которые наблюдаются в Ингушетии, типичны для всего Северного Кавказа. Кроме того, в этой республике нарушения прав человека хорошо зафиксированы документально, и благодаря политике республиканского руководства местные, национальные и международные правозащитные организации обладают там некоторой свободой действий. Таким образом, хотя в данном докладе приводятся примеры по ситуации в Ингушетии, сам предмет представленного исследования носит более общий характер — это общий подход, организационные структуры и сложившаяся практика, которые допускают все новые нарушения прав человека по всему Северному Кавказу.

Перечень грубых нарушений прав человека в Ингушетии также является типичным для Северного Кавказа в целом, и не меняется уже длительное время. Это насильственные исчезновения, предполагаемые внесудебные казни, незаконные задержания, пытки и иное жестокое обращение и, вдобавок ко всему, почти полная невозможность добиться правовой защиты и восстановления своих прав. Недостижимость правосудия усугубляет огромные страдания жертв этих нарушений и людей, потерявших своих близких.

Действительно, безнаказанность за нарушения прав человека, совершающихся на Северном Кавказе, стала обычным явлением, практически одной из характеристик правоохранительной системы. Эта безнаказанность представляет собой не просто совокупность ряда объективных, непреднамеренных препятствий на пути установления истины или успешного расследования уголовных дел, - хотя и таких препятствий немало. Она является фундаментальной предпосылкой и краеугольным камнем, на котором выстроена вся система правоохранительной деятельности на Северном Кавказе, и не наблюдается политической воли со стороны Москвы на то, чтобы этой безнаказанности положить конец.

И пока это так, мир и долгосрочная стабильность на Северном Кавказе не могут быть прочными. Безусловно, на плечах российских властей лежит ответственность и прямая задача бороться с угрозой со стороны незаконных вооруженных формирований для жизни и безопасности всех людей на территории страны. Однако выполнять эту задачу необходимо в соответствии с принципом верховенства права, в полной мере соблюдая права человека. Для этого надо в корне пересмотреть принципы работы многочисленных силовых структур на Северном Кавказе и их взаимодействия между собой, а также прежде всего порядок их привлечения к

8 ПОРОЧНЫЙ КРУГ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ
Операции силовых структур и нарушения прав человека в Ингушетии

ответственности за совершаемые действия. Замкнутый круг несправедливости необходимо разорвать.

ВВЕДЕНИЕ

Методология

Доклад почти полностью основан на материалах, собранных в ходе двух исследовательских миссий в Республику Ингушетию в ноябре 2010 года и мае-июне 2011 года. Данные, полученные в ходе этих миссий, дополнены более ранними и последующими аналитическими работами. Amnesty International признательна коллегам из российских правозащитных организаций, работающих в Ингушетии и Москве, в частности, правозащитному центру «Мемориал» и организации «Машр», а также информационному агентству «Максимум», за их идеи, материалы и помощь в подготовке и в ходе миссий в Ингушетии. Кроме того, Amnesty International признательна тем, кто поделился случаями из своей жизни — рассказами о насилии, несправедливости, боли и горе. Многие пригласили представителей организации к себе домой, другие предпочли встретиться в менее заметных местах. Все они осознавали, что возможно идут на риск, встречаясь с нами и позволяя опубликовать свои рассказы.

Amnesty International побеседовала более чем с 60 людьми в Ингушетии, большинство из которых сами пострадали от нарушений прав человека либо приходится родственниками пострадавшим. Кроме того, организация беседовала с правозащитниками, профессиональными юристами, независимыми экспертами, журналистами, Уполномоченным по правам человека в Ингушетии и одним из старших сотрудников аппарата федерального Уполномоченного по правам человека. Организация также благодарна за встречи с Главой (Президентом)² Республики Ингушетия Юнус-Беком Евкуровым и многочисленными должностными лицами — как в Ингушетии, так и в Москве — из следующих ведомств: Следственного комитета Российской Федерации и Следственного комитета Республики Ингушетия, Министерства внутренних дел (МВД) по Республике Ингушетия, Генеральной прокуратуры и Прокуратуры Республики Ингушетия, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Совета безопасности Республики Ингушетия. Amnesty International имела возможность без ограничений перемещаться по всей республике.

Amnesty International обратилась с просьбой о встрече с представителями Управления Федеральной службы безопасности (ФСБ) по Ингушетии и Министерства внутренних дел Российской Федерации, но не получила ответов на эти просьбы.

Все интервью проводились на русском языке. Некоторые интервью с лицами, пострадавшими от нарушений прав человека, и их родственниками проводились на условиях конфиденциальности.

В подготовке доклада Amnesty International также использовала публичные заявления должностных лиц, материалы СМИ, медицинские заключения и официальные документы, которые доступны в интернете³ или были получены от коллег из других неправительственных организаций (НПО), независимых экспертов, адвокатов или лиц, пострадавших от нарушений прав человека, а также их родственников.

Краткая справка

Общая информация по Ингушетии

Ингушетия (полное официальное название — Республика Ингушетия) — самая маленькая составная часть (субъект) Российской Федерации. Примерно две трети из 413 000⁴ жителей республики составляют этнические ингуши; примерно пятая часть — этнические чеченцы.⁵ Эти две этнические группы говорят на схожих языках и имеют много общего в культурном укладе, в том числе сильные мусульманские традиции, которые подавлялись в советскую эпоху, а в последние два десятилетия стали возрождаться.

В 1930-е годы территории Ингушетии и Чечни, в то время автономных областей, объединили в единую административную единицу — Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ЧИАССР). Однако в 1944 году все ингушское и чеченское население было депортировано в Среднюю Азию и Сибирь. Им было позволено вернуться лишь в 1957 году, уже после смерти Сталина, когда ЧИАССР восстановили в несколько ужатых границах.

О создании Республики Ингушетия было объявлено 4 июня 1992 года. В то время жители Ингушетии явно выразили намерение остаться в составе Российской Федерации, тогда как чеченцы под предводительством Джохара Дудаева попытались выйти из состава РФ, что стало причиной двух конфликтов — в 1994–1996 годах и в 1999 — начале 2000-х годов.

Ингушетия граничит с Грузией на юге, а также с двумя другими республиками Северного Кавказа — Чеченской Республикой (Чечней) и Республикой Северная Осетия — Алания (Северной Осетией). На момент образования Ингушетии ее границы с Чечней не были демаркированы. До сих пор эти две республики нередко изображены на картах как одна территория, а некоторые из их приграничных территорий остаются спорными.

Отношения Ингушетии с соседней Северной Осетией складывались более сложно. В 1992 году имел место конфликт между осетинами и ингушами на территории, известной как Пригородный район, которая перешла от ЧИАССР к Северной Осетии после депортации 1944 года. В результате конфликта погибли около пятисот человек,⁶ оказались разрушены свыше трех тысяч домов. По разным оценкам, от 43 000 до 64 000 человек стали вынужденными переселенцами,⁷ большинство из них — этнические ингуши, перебравшиеся в Ингушетию. По некоторым оценкам, за период с 1994 по 2008 годы около 25 000 из них вернулись в Пригородный район, и около 7500 остались в Ингушетии. По оценкам неправительственных организаций, число вынужденных переселенцев в Ингушетии в начале 2010 года все еще составляло около 10 000 человек, хотя в их число вошли и те, кто бежал из Чечни во время произошедших там двух вооруженных конфликтов.⁸

Пригородный район официально оставался спорной территорией до 2009 года, когда в Ингушетии был принят закон, определяющий административные границы входящих в состав республики муниципальных образований. В том же году новый Президент

Ингушетии Юнус-Бек Евкуров публично признал суверенитет Северной Осетии над этой территорией, но при этом подчеркнул, что вынужденным переселенцам ингушской национальности из Пригородного района необходимо предоставить возможность беспрепятственно вернуться. Последнее условие, однако, не было выполнено до конца: по имеющимся сведениям, этнические ингуши сталкиваются с препятствиями, если хотят поселиться в Пригородном районе, и некоторые деревни фактически для них закрыты. Главный блокпост на границу между Ингушетией и Осетией (известный как «Черменский пост») действует в разрешительно-пропускном режиме, хотя большинство местных жителей без труда пересекают границу. Последствия конфликта до сих пор остро ощущаются в Ингушетии и играют важную роль в формировании чувства самосознания этнических ингушей.

Официальные лица часто называют одним из факторов нестабильности бедность региона. Однако вкладывание федеральных средств (91% бюджета республики составляют прямые федеральные субсидии⁹) пока не смогло значительно улучшить экономические показатели Ингушетии — одни из самых низких в Российской Федерации. Уровень безработицы здесь составляет 47,7% — самый высокий в стране.¹⁰

Ситуация в сфере безопасности в Ингушетии

Перед Ингушетией стоят серьезные проблемы в сфере безопасности. За последнее десятилетие активизировали свою деятельность незаконные вооруженные формирования, вызвав усиление присутствия многочисленных правоохранительных органов и регулярное проведение спецопераций различного масштаба, в основном точечных.

Ингушетии удалось избежать вовлечения в так называемую «первую чеченскую войну» (1994-1996 г.г.) после попытки Чечни выйти из состава Российской Федерации, что Ингушетия отказалась поддержать. Республика испытала на себе тяготы разразившегося в Чечне военного конфликта, справившись с притоком свыше 100 000 вынужденных переселенцев, за которыми последовала новая волна после начала в 1999 году «второй чеченской войны».¹¹ Однако 11 мая 2000 года чеченские боевики провели на территории Ингушетии первую крупную военную операцию, напав на колонну войск МВД и убив 18 солдат и офицеров.¹² После этого ситуация в сфере безопасности в Ингушетии стала постепенно ухудшаться. Резкое ухудшение произошло в 2004 году — после того как несколько сотен боевиков под предводительством чеченского полевого командира Шамиля Басаева напали на Назрань и Карабулак в ночь с 21 по 22 июня. Нападавшим фактически удалось взять эти два города под контроль на несколько часов, в течение которых они искали и расстреливали сотрудников правоохранительных органов, и захватили ряд важных государственных зданий, после чего почти беспрепятственно ушли. Во время этого рейда было убито 98 человек, большинство из которых — сотрудники правоохранительных органов и представители местной администрации, и 104 человека получили ранения.¹³

Российские власти в ответ активизировали действия силовых структур в республике, что однако не предотвратило новые нападения. По имеющимся сведениям, самые первые нападения на территории Ингушетии были совершены боевиками из Чечни,

однако впоследствии их ряды пополнялись местными жителями. Со временем участились нападения со стороны незаконных вооруженных формирований на представителей власти, включая обстрелы и подрывы сотрудников правоохранительных и других государственных органов, и их активность достигла пика в 2009 году. В числе таких нападений — попытки покушения на президентов Мурата Зязикова (в апреле 2004 года) и Юнус-Бека Евкурова (в июне 2009 года). Совершались нападения и на гражданских лиц, а также гражданские объекты, такие как магазины и кинотеатры; мирные граждане становились жертвами во время боестолкновений.

Ситуация в сфере безопасности заметно улучшилась в 2010 году, когда существенно снизилась интенсивность нападений со стороны незаконных вооруженных формирований. Во второй половине 2011 года появились признаки того, что вновь стали чаще как атаки с их стороны, так и спецоперации, проводимые правоохранительными органами, однако уровня 2009 года они не достигли.

С 2006 года информационный интернет-проект «Кавказский узел» ведет список инцидентов с применением насилия на территории Ингушетии — как тех, о которых сообщают власти и/или СМИ, так и тех, о которых сообщают его собственные корреспонденты в регионе. Ресурс собирает информацию о нападениях на сотрудников правоохранительных органов, государственных должностных лиц и обычных граждан, совершаемых членами незаконных вооруженных формирований или неизвестными вооруженными лицами, а также о случаях применения взрывных устройств и вооруженных похищениях людей. В списке происшествий, составленном «Кавказским узлом», имеются записи за 138 дней в 2007 году, 171 день в 2008 году, 254 дня в 2009 году, 165 дней в 2010 году и 127 дней в 2011 году (в некоторые дни сообщается более чем об одном происшествии).¹⁴ Количество сообщений о случаях насильственной смерти в Ингушетии также падает: в 2009 году таких случаев было 300, в 2010 году — от 130 до 160, а в 2011 году — около 80.¹⁵

Причин, по которым деятельность незаконных вооруженных формирований в Ингушетии идет на спад, может быть сразу несколько. Вот ряд возможных объяснений, которые Amnesty International приходилось слышать как от должностных лиц в Ингушетии, так и от независимых аналитиков: перекрытие каналов финансирования и снабжения незаконных вооруженных формирований; улучшение качества оперативной информации, что позволило силовым структурам лучше планировать и осуществить спецоперации, и ликвидировать либо арестовать ряд ключевых фигур из незаконных вооруженных формирований, действующих в Ингушетии; перенос деятельности боевиков на другие территории Северного Кавказа; более активное сотрудничество местных жителей с правоохранительными органами; улучшение профилактических мер со стороны местных властей, направленных на то, чтобы убедить молодежь не вступать в ряды незаконных вооруженных формирований или вернуть молодых людей «из леса» и помочь им найти свое место в обществе.

В интервью в конце мая 2011 года Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров высоко оценил перемены в подходе правоохранительных органов и подчеркнул, что в 2010 году впервые число уничтоженных предполагаемых членов незаконных вооруженных формирований, оказалось ниже числа задержанных.¹⁶ Он также довольно подробно

разъяснил условия добровольной сдачи членов незаконных вооруженных формирований, о которых ему удалось договориться с Прокуратурой и ФСБ в Ингушетии. От сдающихся требовалось чистосердечное признание и сотрудничество со следствием в обмен на смягчение приговора. Власти Ингушетии берутся ходатайствовать, чтобы сдавшиеся отбывали наказание в северокавказском регионе или как можно ближе к нему (в противоположность негласной практике, согласно которой заключенных из Северного Кавказа направляют в удаленные места лишения свободы), и раз в год оплачивать визит родственника к осужденному независимо от расстояния.¹⁷

Юнус-Бек Евкуров также разъяснил механизм добровольной сдачи. Родственники должны привести человека, подозреваемого в принадлежности к незаконному вооруженному формированию, в Совет безопасности (совещательный орган, осуществляющий подготовку решений и проведение политики под председательством Главы республики и входящий в состав его администрации), откуда его доставляют на допрос в ФСБ, а затем, как правило, в тот же день отпускают до следующего допроса. Такие допросы могут закончиться либо арестом подозреваемого и предъявлением ему официального обвинения, либо закрытием дела. По словам Евкурова, за истекший с 2011 года до момента интервью период таким образом добровольно сдались восемь или девять человек, а в 2010 году — 54 человека, из которых восемь на тот момент находились под следствием (предположительно, находились под стражей). Всем, кто сдался добровольно, но не был помещен под стражу, была обещана работа или место в учебном заведении. В сентябре 2011 года Глава Ингушетии учредил новую комиссию, задача которой — способствовать адаптации бывших членов незаконных вооруженных формирований к мирной жизни.¹⁸ Возглавляет комиссию Секретарь Совета безопасности, а в число ее задач входит содействие переселению некоторых семей в другие регионы Российской Федерации¹⁹ (предположительно, чтобы они могли жить, не опасаясь кровной мести, традиции которой все еще очень сильны в Ингушетии²⁰).

Улучшение ситуации в сфере безопасности смогли ощутить и представители Amnesty International даже за то короткое время, что прошло между двумя визитами — с ноября 2010 года по июнь 2011 года. Во время последней поездки на улицах городов и на блокпостах в республике было меньше вооруженных сотрудников правоохранительных органов, а сами сотрудники перестали постоянно носить балаклавы. Реже попадались машины с затемненными окнами и без номеров, которые в ноябре встречались повсеместно. Ключевые перекрестки по-прежнему патрулировались сотрудниками местной полиции, и некоторые из них открыто носили автоматы, но за исключением одного -двух случаев там больше не было бронетехники и вооруженных дополнительными средствами сотрудников силовых ведомств, а некоторые блокпосты с бетонными укреплениями теперь пустовали. Встретилось два или три усиленных патруля на главных улицах Назрани, вооруженных автоматами, но они шли пешком и не скрывали лиц под масками. Отдаленные выстрелы, которые в ноябре раздавались в Назрани почти ежедневно, особенно по ночам, стали редкими и, возможно, производились лишь в качестве салюта. Многие местные жители подтверждали, что стало спокойнее, однако некоторые не разделяли ощущения, что опасность уменьшилась или что правоохранительные органы стали реже нарушать права человека.

В настоящее время Ингушетия, судя по всему, меньше подвержена нестабильности и насилию, чем некоторые соседние республики, в частности, Дагестан, где в последние два года наблюдались признаки ухудшения ситуации. Однако грубые нарушения прав человека в Ингушетии продолжают и носят столь же серьезный характер, как и прежде, — равно как и нарушения на сопредельных территориях.

Незаконные вооруженные формирования, действующие в Ингушетии

Подробная и достоверная информация о составе и деятельности так называемых «незаконных вооруженных формирований» в Ингушетии практически отсутствует в открытом доступе. Судя по скудным имеющимся сведениям, эти группы, по-видимому, хорошо организованы, и их действия координируются. Ряд их членов определенно прошли подготовку в Ингушетии либо за ее пределами.²¹ Согласно официальным данным, на момент визита делегации Amnesty International общее количество членов незаконных вооруженных формирований в республике не превышало нескольких десятков. В декабре 2010 года на пресс-конференции Владимир Гурба, возглавлявший в то время Управление ФСБ по Ингушетии, сказал журналистам, что в Ингушетии на тот момент действовало около 30 активных членов незаконных вооруженных формирований. По его словам, ФСБ знало их всех поименно, но при этом у них имелись и сторонники (большинство из которых, предположительно, властям не были известны).²² В интервью, данном в конце мая 2011 года, Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров сослался на оперативную информацию о том, что в Ингушетии действует около 70 членов незаконных вооруженных формирований, из которых примерно 30 базируются в тайных лесных лагерях в гористой части республики, еще 20 — на равнинах, и около 20 — проживают на конспиративных квартирах, занимаясь обеспечением связи и хранением оружия.²³ По словам Юнус-Бека Евкурова, незаконные вооруженные формирования в Ингушетии поддерживают связи с руководством так называемого «Имарата Кавказ», который назначает местных ингушских лидеров («амиров») и направляет их деятельность.

«Имарат Кавказ» — подпольная сеть, охватывающая, по имеющимся сведениям, Дагестан, Чечню, Ингушетию²⁴ и Кабардино-Балкарию, а также ряд сопредельных территорий, и стремящееся к созданию исламского шариатского государства на Северном Кавказе, основанного на салафитской идеологии (в России часто называемой еще «ваххабитской»), и добивается своих целей вооруженными средствами.²⁵ «Имарат Кавказ» был провозглашен в 2007 году Докой Умаровым — непризнанным президентом так называемой «Чеченской республики Ичкерия» (самопровозглашенное образование, претендующее на то, чтобы представлять независимое чеченское государство, но ныне сводящееся к сети подпольных боевиков в Чечне и ряду самопровозглашенных руководителей и сторонников, проживающих в изгнании). В феврале 2010 года российский Верховный Суд признал «Имарат Кавказ» террористической организацией. Его последователи, организованные в группы — «джамааты» — под командованием назначаемых из центра «амиров», ведут вооруженную борьбу против российского государства на Северном Кавказе. Его члены нападают на сотрудников правоохранительных органов и других представителей власти, а также на гражданских лиц, которых подозревают в том, что по их вине применяются практики, нарушающие нормы ислама (например, продажа алкоголя), в том числе за пределами Северного Кавказа. Так, Доку Умаров взял на себя ответственность за самоподрыв смертника в московском аэропорту Домодедово

24 января 2011 года, в результате чего погибло 37 человек. Кроме того, он объявил гражданских лиц законной целью, поскольку они поддерживают режим, который угнетает мусульман на Северном Кавказе. Хотя корни «Имарата Кавказ» уходят в Чечню, часть его деятельности связана с Ингушетией и происходит на ее территории. Например, смертник, устроивший взрыв в Домодедово, приехал из Ингушетии, как и его предполагаемые сообщники. Время от времени поступают сведения о том, что и сам Доку Умаров, возможно, прячется на территории Ингушетии, по крайней мере, часть времени.

Насколько известно, у незаконных вооруженных формирований имеются разнообразные источники финансирования и снабжения. Различные российские должностные лица, имеющие отношение к правоохранительной деятельности, заявляли, что «Имарат Кавказ» имеет связи с «Аль-Каидой» (об этом заявлял в интервью и Юнус-Бек Евкуров, отмечая, однако, что иностранных «наемников» в Ингушетии нет²⁶). Сообщалось об уничтожении предполагаемых иностранных «наемников» в ходе операций «силовиков» в Чечне весной 2011 года,²⁷ а также в предыдущие годы. Российские власти регулярно подчеркивают, что незаконные вооруженные формирования на Северном Кавказе пользуются значительной поддержкой из-за рубежа, но приводят мало подробностей в поддержку этих заявлений или не приводят таковых вовсе. По имеющимся сведениям, есть и поддержка из местных источников. По словам Владимира Гурбы, на то время главы Управления ФСБ по Ингушетии, к таким источникам относятся замешанные в торговле наркотиками коррумпированные чиновники и преступники, занимающиеся угонами машин и вооруженными ограблениями.²⁸ Считается, что незаконные вооруженные формирования вымогают деньги у местного бизнеса, а также причастны к некоторым взрывам и поджогам в Ингушетии и в других республиках Северного Кавказа, направленным против малых предприятий, которые, возможно, попали под удар не столько по религиозным мотивам (например, из-за того, что продавали алкоголь — как утверждается на некоторых сайтах, связанных с незаконными вооруженными формированиями, и в других источниках), а из-за отказа их владельцев платить вымогателям.

За последние два года российские правоохранительные органы провели ряд операций против членов незаконных вооруженных формирований в Ингушетии, которые, судя по всему, серьезно подорвали возможности последних. В ходе одной из таких операций 28 марта 2011 года около села Мержи на юге Ингушетии была уничтожена лесная база, по сообщениям, принадлежавшая группе под руководством Хамзата Бютукаева (который, по словам некоторых сотрудников правоохранительных органов, нес ответственность за подготовку и координацию подрывников-смертников²⁹). Наземная спецоперация проводилась при поддержке авиации. По сообщениям, в результате было уничтожено от 12 до 19 членов группы, включая приближенных Доку Умарова. Помимо этой операции, сообщалось об уничтожении или захвате на территории Ингушетии ряда влиятельных лидеров, связанных с «Имаратом Кавказ». Среди них — местный идеолог движения Саид Бурятский (Александр Тихомиров), убитый 2 марта 2010 года, и два ближайших соратника Доку Умарова — Рыжий Супьян (Супьян Абдуллаев) и Хамзат Бютукаев, убитые 28 марта 2011 года. 9 июня 2010 года в Малгобеке был арестован один из наиболее известных местных лидеров по кличке Магас (Али Тагиев). Кроме того, в 2006 году на

территории Ингушетии ликвидировали одного из чеченских полевых командиров — Шамиля Басаева.

Несмотря на потери, многие годы незаконные вооруженные формирования на Северном Кавказе демонстрируют намерение и способность перегруппировывать свои силы и набирать новых сторонников. Важнейшая задача, стоящая перед российскими властями, — лишить их возможности пополнять свои ряды и не позволить им распространить свое влияние на другие регионы Северного Кавказа и за его пределы.

Масштаб и цена насилия

Ни по Ингушетии, ни по другим республикам Северного Кавказа нет исчерпывающих статистических данных о деятельности незаконных вооруженных формирований, о проводимых спецоперациях, о потерях среди сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц. Разные должностные лица называют порой не согласующиеся между собой цифры.³⁰ Независимые же оценки — например, регулярно публикуемые правозащитным центром «Мемориал»³¹ или «Антивоенным движением»³² — основаны на данных открытых источников, и в силу этого не могут быть полными.

В таблице ниже приведены данные, собранные сайтом «Кавказский узел» из открытых источников. И хотя они вряд ли являются полными и точными, по ним можно проследить тенденцию к снижению насилия.³³

Год	Число убитых			Число раненых	
2011	70			Не менее 38	
	Из них:			Из них:	
	сотрудники правоохранительных органов	гражданские лица	предполагаемые члены вооруженных формирований	сотрудники правоохранительных органов	гражданские лица
	19	11	40	32	6
2010	134			192	
	Из них:			Из них:	
	сотрудники правоохранительных органов	гражданские лица	предполагаемые члены вооруженных формирований	сотрудники правоохранительных органов	гражданские лица
	31	40	63	133	59
2009	268				
	Из них:				
	сотрудники правоохранительных органов	гражданские лица	предполагаемые члены вооруженных формирований	сотрудники правоохранительных органов	гражданские лица
	83	56	129	170	Нет данных

Таблица 1. Предположительное число жертв конфликта в Ингушетии. Источник: «Кавказский узел»

Однако эти цифры ничего не говорят о дополнительных гуманитарных последствиях конфликта, таких как потеря семьями своих кормильцев, или овдовевшие женщины (поскольку большинство убитых — мужчины) и дети, оставшиеся без отцов. Зачастую

такие жертвы остаются «за кадром», хотя для них последствия конфликта будут длиться всю оставшуюся жизнь.

Нарушения прав человека в контексте спецопераций с 2000 года

На протяжении последнего десятилетия нарушения прав человека документировались рядом правозащитных организаций, в том числе «Мемориалом», у которого с 2000 года имеется представительство в Назрани, а также ингушской НПО «Машр», опубликовавшей первый годовой доклад с обзором нарушений прав человека в республике в 2006 году.³⁴ Ситуацию в области прав человека освещали и международные правозащитные организации, в том числе Amnesty International и Human Rights Watch.³⁵

В 2006 году Народное собрание (парламент) Республики Ингушетия учредило временную комиссию для расследования нарушений прав человека, предположительно совершенных сотрудниками правоохранительных органов в предыдущие годы в Ингушетии. В феврале 2008 года комиссия представила доклад, в котором собрала и проанализировала информацию о нарушениях прав человека за период с 2002 по 2007 годы.³⁶ В мае 2010 года Комитет по юридическим вопросам и правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) опубликовал доклад о средствах правовой защиты в связи с нарушениями прав человека на Северном Кавказе. Некоторые разделы этого доклада были посвящены ситуации в Ингушетии. Комитет отметил *«вызывающий тревогу всплеск насилия»* в предшествующий визиту период, а также целый ряд нераскрытых дел о нарушениях прав человека, *«особенно убийств и исчезновений противников правительства и журналистов, по которым до сих пор не было принято никаких правовых мер»*.³⁷

Нарушения прав человека сотрудниками силовых структур, о которых иногда приходили сообщения из Ингушетии и в прежние годы, стали чаще и превратились в обыденность в 2000-х годах, когда спецоперации стали регулярно проводиться на территории Ингушетии. Полных данных о количестве сообщений о нарушениях прав человека, совершаемых в Ингушетии сотрудниками правоохранительных органов, нет. Местные правозащитные организации не ведут статистики по предполагаемым внесудебным казням, тайным задержаниям и пыткам, поскольку отчетливо осознают, что их сведения неизбежно будут носить обрывочный и неполный характер. Многие потерпевшие и их родственники не сообщают о произошедшем ни правозащитникам, ни властям. При со стороны властей, даже если им и становятся известны подобные утверждения, нет заинтересованности в том, чтобы их обнародовать.

Из всех серьезных нарушений прав человека в Ингушетии, в которых подозреваются сотрудники силовых ведомств, сравнению по годам поддается лишь число предполагаемых случаев насильственных исчезновений, поскольку соответствующие подозрения почти всегда регистрируются и широко освещаются, даже если некоторые случаи являются спорными и несколько по-разному подсчитываются разными организациями. Так, НПО «Машр» насчитала не менее 17 случаев в 2002 году, 46 — в 2003 году, 47 — в 2004 году и еще 12 случаев с неустановленной датой, происшедших за период с 2002 по 2004 годы, 11 случаев — в 2005 году, 10 — в 2006 году, 10 — в 2007 году, 10 — в 2008 году, 14 — в 2009 году, 13 — в 2010 и 19 — в 2011 году.³⁸ Больше всего насильственных исчезновений происходило в Ингушетии в 2003 и 2004

годах, а в течение каждого из последующих годов, по имеющимся сведениям, насильственным исчезновениями подвергалось от девяти до 19 человек (если учитывать жителей Ингушетии, пропавших в 2010 году во время поездок в соседние республики).³⁹

Правоохранительные органы в Ингушетии

Хотя в открытом доступе можно найти довольно много информации о результатах работы правоохранительных органов на Северном Кавказе, сравнительно мало известно о методах и сложившейся практике работы правоохранительных органов, задействованных в спецоперациях. Система правоохранительных органов в Ингушетии, как и на Северном Кавказе в целом, сложна и непрозрачна. Их сотрудники, часто собирательно называемые «силовиками», могут являться как местными жителями – сотрудниками местной полиции или других действующих на территории республики силовых структур, так и командированными из других регионов Российской Федерации. И те и другие — «местные силовики» и «федералы» (еще одно разговорное название сотрудников правоохранительных органов, командированных в Ингушетию из других регионов) — в конечном итоге принадлежат к правоохранительным структурам федерального уровня (в отличие от «гражданских» министерств с делегированными полномочиями, таких как, например, Министерство образования). К этим структурам относятся Управление Федеральной службы безопасности (УФСБ) по Республике Ингушетия, Внутренние войска и различные специализированные силы и подразделения, такие как Центр по борьбе с экстремизмом при Министерстве внутренних дел по Республике Ингушетия, и Вооруженные силы (в том числе такие структуры, как Главное разведывательное управление — ГРУ).

Ввиду федерального подчинения органов правоохранительной системы (включая Прокуратуру и Следственный комитет — орган, ответственный за расследование наиболее серьезных преступлений), политическое руководство Ингушетии не уполномочено руководить действиями правоохранительных органов на территории республики. Однако политическое влияние главы республики значительно, и не только благодаря координирующей функции посредством участия в антитеррористической комиссии (что поясняется ниже), но и по той причине, что Ингушетия — небольшая республика, где значительную роль играют личные отношения.

Сложная система силовых ведомств — наследие как советского прошлого (где правоохранительная деятельность была очень централизованной), так и конфликта в соседней Чечне, где различные ведомства, силы и подразделения действовали как раздельно, так и сообща, реагируя на меняющийся характер проблем в сфере безопасности.

Еще одна сложность обусловлена тем фактом, что сотрудники правоохранительных органов, действующие на территории Ингушетии, в действительности могут представлять «силовиков» из соседних республик (в частности, Северной Осетии и Чечни). По имеющимся сведениям, сотрудники правоохранительных органов из Северной Осетии часто проводят спецоперации на территории Ингушетии. Установить принадлежность сотрудников правоохранительных органов обычно

невозможно, и зачастую их единственной отличительной чертой является то, на каком языке они общаются между собой — русском, ингушском или каким-то еще из языков региона, либо они могут говорить по-русски с национальным акцентом. Вовлечение «силовиков» из других регионов либо подразделений, дислоцированных в соседней Северной Осетии, возможно отчасти объясняется тем, что руководство силовых структур опасается поставить под угрозу операции, если к участию в них будут привлекаться сотрудники из числа местного населения, ввиду традиционно сильных родственных связей и влияния тейпов в ингушском обществе.

Деятельность по противодействию и борьбе с незаконными вооруженными формированиями, включая гласную и негласную оперативно-розыскную деятельность, теоретически координируется Национальным антитеррористическим комитетом (НАК, на федеральном уровне) и Антитеррористической комиссией (на республиканском уровне).⁴⁰ Антитеррористической комиссией Республики Ингушетия руководит глава Ингушетии, а заместителем главы комиссии является начальник местного Управления ФСБ. В состав комиссии входят представители всех правоохранительных органов и ряда других ведомств. Задача НАК и республиканской комиссии — координация действий соответствующих служб и ведомств, выработка политики в сфере борьбы с терроризмом и контроль за ее выполнением на соответствующих уровнях.

Планирование и контроль за проведением спецопераций в Ингушетии формально является обязанностью Оперативного штаба при Антитеррористической комиссии. В состав Оперативного штаба входят главы Управления ФСБ, Министерства внутренних дел, Министерства чрезвычайных ситуаций, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Службы правительственной связи, а также представитель Вооруженных сил и высокопоставленное должностное лицо из президентской администрации Ингушетии. Возглавляет Оперативный штаб руководитель местного Управления ФСБ. Решения штаба являются обязательными для исполнения всеми задействованными ведомствами, а также местными администрациями. Время от времени в СМИ, в том числе на телевидении, появляются сообщения о заседаниях Антитеррористической комиссии Ингушетии. Однако в открытом доступе практически полностью отсутствует информация о работе Оперативного штаба, если не считать сообщений о его решениях ввести или отменить так называемый «режим контр-террористической операции» на той или иной территории. Информация о конкретных спецоперациях минимальна, а о роли в них конкретных ведомств не сообщается практически ничего.

Негласные «оперативно-розыскные мероприятия» секретны по своей природе, и соответствующее законодательство относит информацию об используемых в них силах, средствах, методах, планах и результатах к государственной тайне.⁴¹ Эти мероприятия могут проводиться рядом правоохранительных органов, и они не всегда будут согласованы с Оперативным штабом либо скоординированы с другими ведомствами, имеющими право проводить такие мероприятия.

Таким образом, по меньшей мере, некоторые из спецопераций планируются и проводятся отдельными ведомствами без ведома остальных силовых структур. Между ними не обязательно проходит обмен оперативными данными и информацией о своих мероприятиях. Каждое из них имеет интерес в расширении своего влияния и

ресурсов, но ни одно — даже ФСБ, играющее ведущую роль в подобных операциях, — не демонстрирует готовности взять на себя общую ответственность. В результате, при том, что общая политическая ответственность ложится на политическое руководство республики, глава Ингушетии предположительно может и не знать о некоторых спецоперациях.

Точно так же, когда знание о причастности той или иной структуры и ее сотрудников к определенному нарушению прав человека отрицается со стороны конкретного ведомства, это отрицание может быть искренним. Предполагаемыми виновными в конкретных нарушениях могут являться как местные «силовики», так и «федералы», причем как из Ингушетии, так и из какой-нибудь соседней республики (например, это могут быть сотрудники полиции из Чечни или «федералы» из Северной Осетии).

Нарушения прав человека в контексте спецопераций обычно совершают предполагаемые сотрудники правоохранительных органов в масках, не предъявляющие документов и не носящие никаких знаков отличия. Передвигаются они зачастую на автомобилях без номеров. В отсутствие центрального контролирующего органа крайне сложно установить, которое из ведомств ответственно за предполагаемое нарушение, не говоря уж об установлении личностей конкретных сотрудников. Такая ситуация определенно затрудняет работу следователей и прокуроров, однако большого стремления к ее изменению с их стороны также не наблюдается.

Теоретически ответственность за действия правоохранительных органов, действующих в Ингушетии, лежит на федеральных органах власти, вплоть до Президента Российской Федерации. На практике же эта ответственность делегируется на места. В ответах на жалобы жителей республики, направляемые Президенту России и в различные органы федерального уровня, неизменно сообщается, что жалоба направлена в соответствующие органы в Ингушетии.

Эта система дает возможность каждому ведомству заявлять о своей непричастности к предполагаемым нарушениям и своем неведении о причастности иных ведомств. В итоге деятельность сотрудников правоохранительных органов на Северном Кавказе оказывается за завесой, скрывающей их корпоративные интересы, за которой может происходить многое. Прокуроры и следователи могут оказаться как по одну, так и по другую сторону этой завесы; иногда они могут не желать расследовать нарушения, о которых им либо известно, либо могло бы стать известно в ходе эффективного расследования, а иногда могут быть не в состоянии этого сделать, даже если будут искренне к этому стремиться. Возможно, такая система сложилась непреднамеренно, но возникает впечатление, что это не та ситуация, которую они искренне желают изменить.

Изменить ее можно только начиная сверху, и сделать это необходимо без промедления, чтобы эффективнее бороться с деятельностью незаконных вооруженных формирований и навсегда покончить с нарушениями прав человека, подобными тем, о которых идет речь ниже.

НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНГУШЕТИИ

Насильственные исчезновения

«Я уже завидую тем родителям, которые находят трупы своих детей». (Борис Оздоев, отец жертвы насильственного исчезновения, в беседе с Amnesty International в июне 2011 года)

В ходе практически любой дискуссии о нарушениях прав человека в Ингушетии зачастую первой поднимается тема насильственных исчезновений. Это говорит о том, сколь велики и длительны страдания родственников жертв насильственных исчезновений, и сколь глубоко недовольство, порожаемое подобными происшествиями в связанном тесными узами ингушском обществе.

В статье 2 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений насильственное исчезновение определено как *«арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона»*.⁴² Согласно статье 4 данной конвенции, страны-участницы должны внести насильственное исчезновение в перечень уголовных преступлений, преследуемых национальным законодательством.

Россия не является участницей этой конвенции. Однако Европейский суд по правам человека признал, что насильственное исчезновение является «особенно грубым нарушением» Статьи 5 Европейской конвенции о защите прав человека, членом которой Российская Федерация является.⁴³

Уголовный кодекс Российской Федерации не проводит различия между обычными похищениями и насильственными исчезновениями в описанном выше смысле; на оба этих деяния распространяется действие статьи 126 «Похищение человека». Та же статья относит похищение в составе группы лиц и похищение, связанное с насилием, представляющим угрозу для жизни, к отягчающим обстоятельствам.

В той непростой обстановке с точки зрения безопасности, что сложилась в Ингушетии и на Северном Кавказе в целом, люди исчезают довольно часто, и далеко не все подобные случаи связаны с лишением свободы представителями властей (как видно из данных МВД, приведенных ниже, в особенности число людей, впоследствии найденных живыми). В ряде случаев причины исчезновения людей остаются

неизвестными и могут не иметь никакого отношения ни к операциям «силовиков», ни к деятельности незаконных вооруженных формирований.

Однако нет сомнений в том, что насильственные исчезновения в Ингушетии происходят. Представители власти обычно это отрицают, несмотря на исключительно убедительные доказательства по ряду дел, часть которых описана в настоящем докладе. Тем не менее, в феврале 2012 года глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров сделал очень откровенное признание. Выступая на первом конгрессе правозащитных НПО — объединенном «Кавказский форуме», он, согласно сообщениям о ходе этого мероприятия, признал, что в 2011 году было похищено восемь человек, и что *«среди них по пятерым мы видим следы спецслужб и силовых структур»*. Он также добавил: *«Когда рано утром приезжают на БТР, «Уралах» и другой военной технике и забирают людей, глупо утверждать, что это сделали не силовые структуры, а Доку Умаров, например»*.⁴⁴

Это признание общего характера не было подкреплено ни одним случаем, когда правоохранительные органы признали бы причастность своих сотрудников к конкретным инцидентам — даже к таким, в которых причастность «силовиков» по крайней мере на каком-то этапе последовательности событий, приведших к исчезновению человека, была признана. Никого ни разу не привлекли к уголовной ответственности, и тем более не осудили, за насильственное исчезновение в Ингушетии. Во всем регионе Amnesty International известен только один пример, когда в связи с насильственным исчезновением (в Чечне) был вынесен обвинительный приговор.⁴⁵

Секретность, свойственная спецоперациям, ведущим к насильственным исчезновениям, безусловно, способствует отрицанию ответственности. Этому же способствует и тот факт, что люди пропадают по разным причинам. Власти зачастую объясняют исчезновение людей в тех случаях, в которых подозреваются их представители, например, тем, что человек ушел «в лес» и присоединился к незаконному вооруженному формированию, что действительно случается.⁴⁶

Как и в иных случаях, приведенных в этом докладе, — случаях предполагаемых внесудебных казней, пыток и иных форм жестокого обращения — повсеместное непринятие достаточных мер по расследованию соответствующих сообщений и выяснению судьбы тех, кто пропал без вести при обстоятельствах, вызывающих серьезные подозрения относительно участия в них официальных структур, является прямым нарушением международных обязательств Российской Федерации по проведению незамедлительных и беспристрастных расследований таких сообщений.⁴⁷ Подобное непринятие мер по расследованию порождает очень глубокое недоверие в обществе и распространяет убежденность в причастности представителей государства даже к тем случаям, к которым они, возможно, не имеют отношения.

Подавляющее большинство лиц, предположительно ставших жертвами насильственных исчезновений (по подсчетам «Машр» за период с 2002 по 2011 год их общее число превышает 200 человек), — мужчины. Женщин среди предполагаемых жертв насильственных исчезновений менее пяти процентов. Очень многие мужчины в

Ингушетии женятся в возрасте от 20 до 30 лет, и к 30-летнему возрасту у многих из них несколько детей. Семья из нескольких человек, в которой пропал отец и муж, неизбежно сталкивается с экономическими последствиями, такими как потеря средств к существованию, что в регионе с очень высоким уровнем безработицы особенно сильно сказывается на женщинах. Кроме того, нередко страдает учеба и успеваемость детей, возникают социальные, поведенческие и другие проблемы.

Многие родственники пропавших без вести, с которыми беседовали представители Amnesty International, страдают от тяжелого душевного потрясения; в ряде случаев это отразилось и на их физическом состоянии.

БАТЫР АЛБАКОВ

Ранним утром 10 июля 2009 года несколько вооруженных мужчин — как в штатском, так и темной форме без знаков различия — пришли в квартиру семьи Албаковых. По словам родственников, судя по их речи, среди них был один русский, один ингуш и несколько чеченцев. Лиц они не скрывали, но отказались представиться или предъявить документы. Они проверили документы жильцов и сказали, что заберут Батыра Албакова в Назрановское РОВД. Родственники увидели несколько автомобилей с номерами, зарегистрированными в Чечне и Дагестане. Следовать за собой во двор они не позволили под угрозой оружия. Наутро в Назрановском РОВД родственникам сказали, что Батыра там нет.

В последующие дни родственники обратились в различные силовые структуры, но везде им было сказано, что Батыр Албаков под стражей там не содержится. Судя по всему, Следственный комитет ограничился проверкой информации о его предполагаемом насильственном исчезновении, но уголовное дело возбуждать не стал, и следствие не проводилось. Родственники неоднократно настаивали на том, чтобы были составлены фотороботы троих из тех мужчин, которые приходили в квартиру, но каждый раз под разными предлогами получали отказ.

21 июля 2009 года в СМИ появились сообщения о том, что Батыр Албаков был убит во время операции «силовиков» в соседней Чечне при оказании вооруженного сопротивления сотрудникам чеченских правоохранительных органов. Появились утверждения со ссылкой на МВД, что он находился в розыске как предполагаемый член незаконного вооруженного формирования, хотя до момента насильственного исчезновения он жил открыто у себя дома в Ингушетии и работал инженером в аэропорту «Магас». 22 июля 2009 года его тело передали родственникам. Перед похоронами было сделано несколько фотографий тела, которые впоследствии оказались в интернете. На фотографиях видны пулевые ранения, а также повреждения, которые некоторые комментаторы считают следами пыток. Согласно существующей практике, судебно-медицинская экспертиза тела должна была быть проведена, однако семье не дали возможности с ней ознакомиться. На протяжении нескольких месяцев власти раз за разом отказывали родственникам в возбуждении уголовного дела по расследованию обстоятельств насильственного исчезновения и убийства Батыра Албакова. Следователь, рассматривавший заявления семьи Албаковых, не установил личности тех, кто увез его из дома. Тем не менее, он пришел к выводу, что похитители отпустили Батыра, поскольку он был убит в ходе официальной спецоперации, и, по логике следствия, не мог находиться под стражей у

представителей правоохранительных органов. Родственники оспорили отказ следователя в возбуждении уголовного дела в связи с утверждениями о насильственном исчезновении, пытках и внесудебной казни Батыра Албакова, однако в марте 2010 года Сунженский районный суд отклонил их ходатайство.

Количество случаев предполагаемых насильственных исчезновений

Ряд неправительственных организаций пытается вести список предполагаемых жертв насильственных исчезновений в Ингушетии, но они пользуются различными методиками, и неизбежно получают разные цифры. Например, по данным организации «Машр», собирающей и ежегодно публикующей свой список, в 2007 году имело место не менее 10 подобных случаев, в 2008 — 10, в 2009 — 14, в 2010 — 13 и в 2011 году — 19 (большинство людей значатся как «похищенные» и небольшая часть — как «пропавшие без вести»). В эту статистику «Машр» включает и случаи, когда жители Ингушетии исчезали за пределами республики.⁴⁸ «Мемориал» не ведет статистику насильственных исчезновений, подобно «Машр», но сообщает об отдельных случаях, когда о них становится известно. Так, «Мемориал» сообщил о 10 лицах, предположительно похищенных сотрудниками правоохранительных органов в 2011 году на территории Ингушетии, и еще о трех случаях, которые могут являться насильственными исчезновениями, однако за недостатком информации установить это с большей достоверностью не представляется возможным.⁴⁹ Сводные данные «Мемориала» за предыдущие годы выглядят так: пять человек стали предполагаемыми жертвами насильственных исчезновений в Ингушетии в 2007 году (из которых один человек был впоследствии найден мертвым), восемь — в 2008 году (один найден мертвым), девять — в 2009 году (четверо найдены мертвыми), и три — в 2010 году.⁵⁰

На встрече с представителями Amnesty International 30 мая 2011 года Юрий Турыгин, занимавший в то время пост Прокурора Республики Ингушетия, привел статистические данные по пропавшим без вести за последние годы в Ингушетии, в том числе по возможным случаям насильственных исчезновений. Стоит отметить, что Прокурор Ингушетии использовал термины «насильственное исчезновение» и «похищение» как взаимозаменяемые, поэтому его цифры включают случаи предполагаемых насильственных исчезновений (в соответствии с определением, принятым согласно Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений), а равно и возможных захватов людей незаконными вооруженными, и иных похищений — например, с целью получения выкупа.

По данным Прокурора Ингушетии, в 2007 году имело место 13 подобных случаев (либо насильственных исчезновений, либо похищений), восемь — в 2008, девять — в 2009, два — в 2010 и один случай — в 2011 году (на момент интервью). Кроме того, в 2009 году сообщалось о 32 случаях пропажи людей, местопребывание 24 из которых было установлено (поиски оставшихся восьмерых продолжались, хотя их отсутствие не считалось похищением или насильственным исчезновением), о 37 подобных случаях — в 2010 году (местопребывание 30 человек установлено), и о 17 случаях — за истекшую часть 2011 года (местопребывание восьми человек установлено).

На сайте Министерства внутренних дел по Республике Ингушетия регулярно появляются сообщения о случаях пропавших без вести людей.⁵¹ С 9 октября 2010

года (дата первого подобного сообщения в списке на сайте) по 31 декабря 2011 года опубликовано не менее 72 таких сообщений, касающихся исчезновения по меньшей мере 57 лиц (включая 39 мужчин и 18 женщин; в некоторых из этих сообщений речь шла повторно об одних и тех же лицах). Среди них как минимум двое числились пропавшими без вести уже нескольких лет. Впоследствии на сайте МВД сообщалось о том, что 18 из ранее упомянутых (11 женщин и семеро мужчин) нашлись живыми при обстоятельствах, в которых не было преступных или подозрительных мотивов. По меньшей мере двое (включая Илеза Горчханова, см. ниже), по сообщениям, были найдены мертвыми при подозрительных обстоятельствах; один утонул, и еще екак минимум трое были убиты в ходе спецопераций. Все погибшие — мужчины. Не менее чем в 11 упомянутых случаях, есть подозрение (не отраженное на сайте МВД), что пропавшее лицо могло быть жертвой насильственного исчезновения. В числе таких людей — Акрман Угурчиев и Умалат Берсанов, Илез Даурбеков и Алисхан Кузиков, а также Исраил Торшхоев, дела которых описаны ниже. За тот же период поступали и другие сообщения о насильственных исчезновениях, не отраженные на сайте МВД.

Общие черты предполагаемых насильственных исчезновений

Часто, хотя и не во всех случаях предполагаемых насильственных исчезновений, пропавший без вести относится к той или иной «группе риска». Представители таких групп чаще других попадают в поле зрения правоохранительных органов. К ним относятся родственники или знакомые установленных или предполагаемых членов незаконных вооруженных формирований (см. дело Залины Елхороевой ниже), лица, которых ранее задерживали и допрашивали, или которые уже исчезали на непродолжительное время, но потом были отпущены неустановленными похитителями (предположительно, сотрудниками правоохранительных органов), например, Илез Горчханов, дело которого описано ниже, — его на непродолжительное время задерживали годом ранее, — а также особенно набожные мусульмане.

Подозрения о случаях насильственных исчезновений зачастую подкрепляются показаниями очевидцев, опрошенных родственниками пропавшего (часто на условиях анонимности), с описанием того, как человека взяли под стражу или похитили сотрудники (или предполагаемые сотрудники) правоохранительных органов. Эти показания вместе с другими сопутствующими обстоятельствами обычно имеют ряд общих признаков. Так, часто становится известно, что захват производила группа вооруженных лиц (в том числе, когда человека забрали из дома), обычно в камуфляжной форме, часто в балаклавах или закрывающих лицо масках, и в большинстве случаев — без знаков отличия, которые давали бы возможность установить личности участников захвата или хотя бы их ведомственную принадлежность. Они не предъявляют ни служебных удостоверений, ни каких-либо других документов, санкционирующих их действия, и обычно избегают всяческих объяснений. Правоохранительные органы в ответ на вопросы о подобных происшествиях обычно отрицают свою причастность и даже утверждают, что им ничего не известно об инциденте. Принимая во внимание, что операции зачастую проводятся «силовиками» без уведомления других ведомств, в ряде случаев утверждения представителей той или иной силовой структуры о своей неосведомленности может быть абсолютно искренним.

Однако в некоторых случаях насильственное исчезновение происходит в обстоятельствах, явно свидетельствующих о проведении силовой операции — например, когда о такой операции официально сообщают СМИ. В таких случаях у следствия должна быть возможность установить, представители какого ведомства принимали участие в произошедшем, но факт задержания исчезнувшего в ходе операции лица либо не признается, либо попросту отрицается, и следователи не продвигаются далее в ходе рассмотрения дела. В каких-то случаях инцидент явно связан со спецоперацией, однако факт ее проведения официально не признается, и тогда следствие приходит к выводу, что причастное к исчезновению ведомство «невозможно установить». В некоторых случаях официальные сообщения, интервью и другие обрывки информации, поступающие от правоохранительных органов, представляются взаимоисключающими, что неизбежно порождает подозрения о сокрытии или даже фальсификации части информации.

ИСРАИЛ ТОРШХОВ

По данным, опубликованным на официальном сайте МВД 16 апреля 2011 года, Исраил Торшхов пропал из дома 18 ноября 2010 года «при невыясненных обстоятельствах».⁵² Однако согласно ФСБ, ее сотрудники общались с Исраилом Торшховым уже после этой даты, а именно 26 ноября 2010 года; кроме того, обстоятельства его исчезновения из дома никак нельзя назвать «невыясненными».

По сообщениям независимых СМИ, в день исчезновения Исраила — приблизительно в 19:20 — неподалеку от его дома в Назрани неизвестные напали на машину, в которой ехали два человека. Во время нападения водитель, впоследствии опознанный как Ваха Гайсанов, был застрелен. Пассажир по имени Тимур Елхоров (брат Залины Елхоровой, дело которой описано ниже), получил ранение и был доставлен в больницу, а спустя несколько дней помещен под стражу прямо в больнице как предполагаемый участник незаконного вооруженного формирования. В момент перестрелки Исраил Торшхов, по словам его родственников, находился дома, всего в нескольких сотнях метров от места происшествия. Примерно через полчаса после того, как перестрелка прекратилась, он подъехал на машине к месту происшествия, чтобы узнать, что произошло.

По словам очевидцев, с которыми родственники Исраила Торшхова беседовали впоследствии, к моменту его прибытия на место происшествия сотрудники органов внутренних дел уже были там. Чуть позже туда прибыли еще около 50 «силовиков» в форме и масках на бронетехнике без опознавательных знаков. Исраил Торшхов выяснил, что убитым водителем оказался его троюродный брат. Он хотел забрать тело и отвезти в морг, но сделать это ему не позволили. По имеющимся сведениям, он критически высказался о том, что неизвестные убийцы наверняка являлись сотрудниками силовых структур, и добавил, что «силовики» несут ответственность за творящееся в Ингушетии беззаконие. После этого к Исраилу Торшхову подошли несколько сотрудников и, не представившись, потребовали у него удостоверение личности и документы на машину, которые он незамедлительно предъявил. Они настояли на том, чтобы проследовать к нему домой, где провели обыск дома и приусадебного участка на глазах у семьи, но ничего не нашли. Родственники потребовали, чтобы вооруженные люди пояснили, кто они такие и на каком основании они обыскивают дом. Один из двух мужчин в штатском — по-видимому, руководитель

группы — представился как Аушев (очень распространенная в Ингушетии фамилия), но не предъявил никаких документов, и ничего не объяснил. Примерно в 22:00 сотрудники правоохранительных органов посадили Исраила Торшхоева в один из своих автомобилей и увезли, забрав с собой его документы, телефон и машину.

Это был последний раз, когда родственники видели Исраила Торшхоева. С того момента его телефон все время оставался выключенным. Жена и братья забеспокоились, что Исраила без каких-либо объяснений увезли вооруженные «силовики». Они немедленно связались с исполняющим обязанности секретаря Совета безопасности Ингушетии, но тот ответил им, что в столь позднее время суток ничего сделать не может. На следующий день, 19 ноября, родственники подали заявление в Совет безопасности с просьбой установить местонахождение Исраила Торшхоева. Кроме того, по меньшей мере дважды они подавали заявление в Прокуратуру с просьбой возбудить уголовное дело. Помимо этого они обращались в милицию, ФСБ и к Уполномоченному по правам человека, но так и не добились ответа на вопрос, кто увез Исраила Торшхоева, и что с ним стало дальше.

23 ноября родственники получили письмо из Прокуратуры Ингушетии, в котором сообщалось, что их заявление направили в Прокуратуру Назрани для дальнейшего разбирательства. Оттуда его направили отдел Следственного комитета по городу Назрань, который в письме от 29 ноября 2010 года сообщил родственникам, что, поскольку имеются сведения, что Исраила Торшхоева «возможно, арестовали сотрудники правоохранительных органов», эти сведения «не требуют процессуальной проверки» (то есть официального расследования).

Тот факт, что Исраила Торшхоева задержали именно сотрудники правоохранительных органов (организованная группа вооруженных лиц, проводивших следственные действия на месте перестрелки), отрицать нельзя. Вполне возможно, что его задержали необоснованно. Налицо явное нарушение права его родственников знать о том, что с ним произошло. Тем не менее, власти не отреагировали должным образом и не признали, что его продолжительное отсутствие потенциально могло служить основанием для обвинения сотрудников правоохранительных органов в его насильственном исчезновении.

Сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека направили запросы по данному делу в МВД и Прокуратуру Ингушетии. В МВД ответили, что их сотрудники не задерживали Исраила Торшхоева, а соответствующее заявление было зарегистрировано и направлено в Отдел внутренних дел Назрани, куда к тому моменту родственники уже обратились сами, не получив, однако, никакого положительного результата. В декабре 2010 года Следственный комитет сообщил родственникам Торшхоева, что их письмо с жалобой направлено в Военный следственный отдел (специальное подразделение Следственного комитета, занимающееся уголовным расследованием в отношении военнослужащих или сотрудников ФСБ). В письме на имя родственников, датированном 3 февраля 2011 года, МВД сообщило, что установить местонахождение Исраила Торшхоева не удалось, но что его розыск продолжается.

Спустя четыре недели после исчезновения Исраила Торшхоева родственники получили повестку на его имя из ФСБ с вызовом на допрос в Следственное управление ФСБ 17 декабря 2010 года. Из этого можно было бы предположить, что ФСБ не было известно о его местонахождении, но некоторые родственники, на глазах которых его задержали, были по-прежнему убеждены, что именно сотрудники ФСБ принимали участие в его задержании. Ситуация стала еще более запутанной, когда родственникам исчезнувшего пришла копия письма, направленного в аппарат Уполномоченного по правам человека за подписью главы УФСБ по Ингушетии, в котором утверждалось, что Исраил Торшхоев добровольно явился в ФСБ 26 ноября 2010 года (якобы неделю спустя после насильственного исчезновения) и сознался, что является членом незаконного вооруженного формирования. В том же письме утверждалось, что ФСБ проверила эту информацию, но не имела оснований его задерживать или возбуждать уголовное дело.

Чтобы принять официальную версию о непричастности сотрудников правоохранительных органов к насильственному исчезновению Исраила Торшхоева, пришлось бы — вопреки всем имеющимся свидетельствам — поверить в то, что его похитили представители некой третьей стороны, освободили, и тогда он добровольно явился в ФСБ, где его вновь отпустили, после чего он снова пропал. При этом он ни на одном из этапов так и не связался с родственниками. Если его похищение было инсценировано в качестве «легенды» в связи с его уходом в незаконное вооруженное формирование, то совершенно непонятно, зачем ему после этого было добровольно являться в распоряжение ФСБ.

В феврале 2011 года один из братьев Исраила Торшхоева направил заявление в Военный следственный отдел с требованием сообщить о ходе расследования исчезновения своего брата, а также о том, возбуждено ли уголовное дело, и дать возможность ознакомиться с его материалами. В марте 2011 года Военный следственный отдел ответил, что причастность ФСБ к предполагаемому похищению Исраила Торшхоева «не была установлена», известив родственников о том, что дело направляется обратно в Следственное управление Следственного комитета для расследования в общем порядке.

На момент подготовки настоящего доклада судьба и местонахождение Исраила Торшхоева оставались неизвестными. Единственные дополнительные сведения появились в одном из пресс-релизов ФСБ, в котором сообщалось, что 21 февраля 2011 года был вынесен обвинительный приговор Тимуру Елхороеву (пассажиру, получившему ранение в упомянутой выше перестрелке в день насильственного исчезновения Исраила Торшхоева). В пресс-релизе упоминался «И.Т. Торшхоев» как бывший участник незаконной вооруженной группы Тимура Елхороева, добровольно явившийся в ФСБ (дата не называлась) и вышедший из состава группы.⁵³ Стоит отметить, что среди членов той же группы упоминался «В.М. Гайсанов» и еще один мужчина, который, как сообщалось в пресс-релизе, был «уничтожен... в 2010 году в ходе операций по обеспечению общественной безопасности, поскольку оказал вооруженное сопротивление сотрудникам правоохранительных органов». Едва ли можно сомневаться в том, что имелся в виду тот же Ваха Гайсанов, который был убит якобы неуставленными лицами в день насильственного исчезновения Исраила Торшхоева, но что на этот раз речь шла именно о спецоперации (несмотря на

отрицание этого факта ранее), и что участниками произошедшего были сотрудники силовых структур. Следовательно, крайне маловероятно, что самого Торшхоева могли увезти не представители официальных органов, а кто-то другой.

В сообщениях о насильственных исчезновениях часто фигурируют автомобили без номерных знаков из числа нескольких моделей, которыми обычно пользуются правоохранительные органы в Ингушетии и соседних республиках Северного Кавказа. В числе таких машин — микроавтобус УАЗ, внедорожник УАЗ, бронированный ГАЗ (армейский джип), микроавтобус «Газель», Лада «Приора» и грузовик «Урал», применяющийся для перевозки людей. В некоторых случаях сообщается и об использовании БТР. Если похищенный ехал на машине, впоследствии ее зачастую находят брошенной, обычно на некотором расстоянии от места происшествия.

АКРОМАН УГУРЧИЕВ И УМАЛАТ БЕРСАНОВ

Умалата Берсанова (33 года) Акромана Угурчиева (26 либо 27 лет) похитили в станице Орджоникидзе́вская (известной также как Слепцовская) 23 августа 2011 года примерно в 18:00. Они подъехали к воротам дома Умалата Берсанова на машине, которую тот недавно купил у Акромана Угурчиева. В этот момент, по словам некоторых соседей, рядом остановились два микроавтобуса «Газель» и одна Лада «Приора», все — с тонированными стеклами. Очевидцы запомнили, что регистрационный номер одной из «Газелей» включал число «491», а номер «Лады-Приоры» начинался с цифры «2». Из машин выскочили вооруженные люди в масках с криком «Стоять!» (на русском языке). Очевидцы также сообщили, что среди нападавших был мужчина явно славянской внешности без маски. Похитители ударили Акромана Угурчиева тяжелым предметом по голове, и тот потерял сознание. Умалат Берсанов лег на землю, и его жестоко избили. После этого обоих закинули в одну из «Газелей» и увезли. Их родственники сообщили о происшедшем в полицию и обратились за помощью в Прокуратуру, в Совет безопасности, к главе Республики Ингушетия, к местному Уполномоченному по правам человека и в правозащитные организации. Секретарь Совета безопасности в интервью журналистам заявил, что возбуждено уголовное дело, но власти не могут ни подтвердить, ни опровергнуть причастность к происшедшему сотрудников правоохранительных органов.⁵⁴ На момент подготовки доклада судьба и местонахождение Акромана Угурчиева и Умалата Берсанова оставались неизвестны.

Очевидцам, если те пытаются вмешаться или записать инцидент на видео, часто угрожают либо велят проходить мимо. Например, во время операции «силовиков» в Назрани 22 ноября 2010 года, когда был убит Руслан Газгиреев, а два его спутника, предположительно, стали жертвами насильственного исчезновения (дело Магомеда Горчханова и Аслан-Гири Коригова, о котором рассказывается ниже), по сообщениям, несколько прохожих пытались записать происходящее на видеокамеры своих телефонов, но к ним подошли сотрудники силовых структур, отобрали мобильные телефоны и сломали их. Неудивительно, что очевидцы обычно отказываются давать официальные показания, соглашаясь делиться информацией лишь на условиях конфиденциальности, опасаясь возмездия и репрессий.

Иногда косвенным, но весомым указанием на то, что пропавший человек стал жертвой насильственного исчезновения, является выраженный интерес «силовиков» к

пропавшему незадолго до его исчезновения либо вскоре после этого. Так, например, после ряда предполагаемых насильственных исчезновений, включая инциденты, у которых не было очевидцев, сотрудники силовых структур обыскивали дома лиц, исчезнувших во время поездок. Обычно обыск проводился в тот же день (как в описанном ниже примере), иногда даже до того, как кто-нибудь из родственников подал заявление о насильственном исчезновении. В последнем случае целью подобного обыска никак не может быть сбор информации, относящейся к возможному похищению человека. Хотя такой обыск явно указывает на интерес сотрудников правоохранительных органов к похищенному, никаких объяснений они обычно не дают (хотя иногда родственникам говорят, что пропавшего подозревают в участии в незаконном вооруженном формировании).

РУСЛАН ПОШЕВ

Руслан Пошев — молодой ингуш, житель деревни Донгарон в Пригородном районе соседней Республики Северная Осетия — пропал без вести 14 мая 2011 года. В последний раз его видели около полудня в Карабулаке (Ингушетия), куда он приехал повидаться с друзьями. Родственники считают, что он стал жертвой насильственного исчезновения, за которое ответственны сотрудники правоохранительных органов. Косвенно в пользу этого утверждения свидетельствует утверждение родственников о том, что примерно в 14:00 в тот же день, еще до того, как они сообщили властям о его исчезновении, в доме, где он жил с семьей, провели обыск сотрудники правоохранительных органов в масках. Родственники так и не узнали, из какого ведомства те были. Они говорили по-русски либо без акцента, либо с ингушским или осетинским акцентом, и сказали, что Руслан Пошев подозревается в участии в незаконном вооруженном формировании, однако ничего больше не объяснили. Родственники жаловались, что после обыска они обнаружили пропажу различных ценных вещей. Впоследствии на территории Ингушетии нашли машину Руслана Пошева с большой вмятиной на правой передней двери и следами борьбы внутри — в машине были сломаны сиденья. Родственники сообщили о случившемся властям, обратились к Уполномоченному по правам человека и встретились с секретарем Совета безопасности, но в течение двух недель им не удавалось выяснить, возбуждено ли уголовное дело. 27 мая Министерство внутренних дел по Ингушетии опубликовало пресс-релиз, в котором утверждалось, что ведется розыск Руслана Пошева.⁵⁵ Однако уголовное дело было официально возбуждено лишь 30 мая. На момент подготовки настоящего доклада судьба и местонахождение Руслана Пошева оставались неизвестными.

Официальные органы зачастую очень медленно реагируют на сообщения о насильственных исчезновениях. В результате возникает впечатление, что сотрудники правоохранительной системы, возможно, скрытно препятствуют возбуждению уголовного дела. В некоторых случаях имеется информация о важных уликах, которые могли бы пролить свет на случившееся, но которые не изучаются должным образом, а возможные версии не расследуются тщательно или своевременно, хотя это могло бы дать важные результаты.

Также поступают сообщения о случаях, когда сотрудники местной полиции или другие представители власти имели возможность на месте вмешаться в предположительно

незаконные действия других «силовиков» или принять меры к их пресечению, однако не сделали этого.

ВАХА ЖОВБАТЫРОВ

Примерно в 10 часов вечера 4 августа 2011 года житель станицы Орджоникидзевская (Слепцовская) Ваха Жовбатыров (которому на тот момент было 20 или 21 год) вышел из дома и направился в местную мечеть на вечернюю молитву. По словам очевидцев, когда он проходил мимо двух белых микроавтобусов «Газель», припаркованных на улице, из них выскочили люди в униформе и масках и схватили его. По имеющимся сведениям, они нанесли ему несколько ударов прикладами автоматов и, пока он сопротивлялся, ударили о кирпичную стену, после чего он потерял сознание, и его увезли в одной из «Газелей». По имеющимся сведениям, очевидцы сказали его родственникам, что он громко звал на помощь, но никто не решился вмешаться. Судя по сообщениям об этом случае, ранее в тот же день члены неуставленного правоохранительного ведомства оцепили микрорайон. Они останавливали в основном молодых людей, проверяли у них паспорта и фотографировали их. Когда на место происшествия прибыла местная полиция, руководитель проверявших документы «силовиков» показал прибывшим какой-то документ, после чего те не стали вмешиваться и уехали. Ваха Жовбатыров являлся одним из тех, у кого проверили паспорт. Родственники обратились с просьбой о розыске к правительству Ингушетии, местной полиции, Прокуратуре, Совету безопасности, к Уполномоченному по правам человека и в местные правозащитные НПО. Уголовное расследование началось 9 августа. На момент подготовки данного доклада его судьба и местонахождение остаются неизвестными.⁵⁶

Относительно новая тенденция, связанная с предполагаемыми насильственными исчезновениями жителей Ингушетии, заключается в том, что ряд случаев произошел за пределами республики, зачастую когда жертвы исчезновения отправлялись в краткосрочную поездку в соседние республики.

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ: ЗАЛИНА ЕЛХОРОВА

Залина Елхорова, которой на тот момент было 30 лет, 22 декабря 2010 года выехала на такси из Владикавказа (Северная Осетия) в Назрань (Ингушетия). По словам ее попутчиков, включая жену ее брата и водителя такси, дорога через село Чермен (около административной границы между Северной Осетией и Ингушетией) была перекрыта четырьмя или пятью машинами (три бронированными УАЗами и серебристой Ладой «Самара-2»), какими часто пользуются сотрудники правоохранительных органов. Вооруженные люди в форме и масках, говорившие по-русски без акцента, потребовали, чтобы они остановились, вышли из машины и предъявили документы. Оповзав Залину Елхорову, они увели ее в «Ладу» и увезли без объяснений. Водителю они велели направиться к расположенному неподалеку блокпосту (известному среди местных жителей как «Черменский — контрольно-пропускному пункту на административной границе, охраняемому вооруженными сотрудниками правоохранительных органов) и ждать пассажирку там. Однако Залину Елхорову больше не видели. Позже в тот же день родственники сообщили о ее похищении в местное отделение полиции и в Прокуратуру, а на следующий день — в ФСБ и Совет безопасности Ингушетии.

Во Владикавказ Залина Елхороева приезжала, чтобы навестить брата — Тимура Елхороева, находившегося под следствием по подозрению в причастности к вооруженному формированию. Он еще не выздоровел после ранений, полученных во время перестрелки 18 ноября в Назрани (после которой Исраил Торшхоев стал жертвой насильственного исчезновения — см. выше). После этого инцидента Тимур Елхороев оказался местной больнице, а в середине декабря был переведен в военный госпиталь во Владикавказе и взят под стражу. Оттуда его перевели прямо в СИЗО. По поводу похищения Залины Елхороевой высказывались предположения, что сделано это было с целью оказать давление на ее брата.⁵⁷ Так это или нет, однако после исчезновения сестры следствие по делу Тимура Елхороева завершилось очень быстро (в сравнении с другими подобными делами), и обвинительный приговор был вынесен уже 21 февраля 2011 года. Судебное решение принималось в так называемом особом порядке, когда обвиняемый признает свою вину, и ему выносят приговор на закрытом заседании, без проведения судебного разбирательства, а решение суда не обжалуется.⁵⁸ Из предъявленных ему обвинений следует, что Тимур Елхороев возглавлял незаконное вооруженное формирование с апреля 2009 года, вовлек в него нескольких участников, и координировал его террористическую деятельность. Его приговорили к четырем годам лишения свободы и одному году ограничения свободы.⁵⁹ Залину Елхороеву никто не видел с декабря 2010 года, и ее дальнейшая судьба и местонахождение остаются неизвестными. На момент подготовки доклада, результатов расследования по факту ее исчезновения опубликовано не было; никаких объяснений о ее местонахождении не давалось.

Неизменной чертой всех предполагаемых насильственных исчезновений является то, что они остаются нераскрытыми. Расследование, в тех случаях, когда оно вообще проводится, почти всегда безрезультатно. Из всех случаев, которые Прокуратура официально признала похищениями (а не исчезновениями в более широком смысле), представители нескольких ведомств привели на один случай в качестве аргумента против утверждения, что такие дела никогда не раскрываются. Этот случай — похищение трехлетней девочки Раяны Боголовой 25 сентября 2008 года в Назрани тремя вооруженными мужчинами в масках ради выкупа, и которую освободили сотрудники правоохранительных органов в соседней Чечне, в городе Грозный, 23 октября 2008 года. Однако не было раскрыто ни одно из дел в Ингушетии, в которых имеются веские основания предполагать, что в них замешаны сотрудники правоохранительных органов. Нераскрытость ни одного из таких дел подтвердил представителям Amnesty International в июне 2011 года Прокурор Ингушетии.⁶⁰

В большинстве случаев остается неизвестным, что в итоге стало с людьми, предположительно оказавшимися жертвами насильственных исчезновений. В некоторых случаях их находят мертвыми, или сообщается об их уничтожении в ходе спецопераций. Это в свою очередь порождает подозрения, что их могли казнить во внесудебном порядке.

То, что насильственные исчезновения имеют место, постоянно отрицается властями. В числе стандартных объяснений случаев, подобных описанному в настоящем докладе, — похищение незаконными вооруженными формированиями (с целью обеспечить алиби тем, кто вступает в их ряды) и обычная преступность. Можно

допустить, что в ряде случаев так оно и есть. Но крайне маловероятно, чтобы этим объяснялись все подобные случаи или даже большинство из них.

Власти имеют возможность отрицать факт насильственных исчезновений только потому, что сотрудники силовых структур во время спецопераций действуют инкогнито; но сомнения по поводу соответствующих утверждений будут оставаться до тех пор, пока «силовики» будут продолжать проводить операции, не имея никаких знаков различия и скрывая свою ведомственную принадлежность.

ИЛЕЗ ГОРЧХАНОВ

Родные 26-летнего Илеза Горчханова потеряли с ним связь 21 марта 2011 года. Он отправился на машине в Назрань. Впоследствии машину нашли брошенной у трассы Магас – Кантышево. В тот же день брат Илеза отследил весь его маршрут и встретился со свидетелями, которые рассказали ему о похищении. По их словам, в промежутке между 14:30 и 15:30 Илез Горчханов припарковал автомобиль у автобусной остановки в центре Назрани. Как только он вышел из машины, его схватили пять или шесть человек. Их окружили еще порядка десяти человек с бронированными щитами в руках - такими, которые применяются сотрудниками силовых ведомств. Некоторые из них были в штатском, другие – в камуфляжной форме, но без знаков различия. Они посадили Илеза Горчханова в один из четырех автомобилей, на которых приехали, и тут же скрылись с места события, забрав его с собой. Часть похитителей, как сообщается, говорили на русском языке без акцента, остальные – на ингушском. очевидцы запомнили ряд важных деталей, в том числе номер одной из автомашин. Впоследствии в интернете появилось видео, на котором, по всей видимости, было зафиксировано похищение Илеза Горчханова. Несмотря на то, что запись, сделанная скрытно из другого автомобиля, стоявшего в некотором отдалении, не дает возможности рассмотреть подробности (так например, самого Илеза Горчханова опознать нельзя), насколько известно, его машину узнать можно. Кроме того, место события и люди, попавшие в кадр, соответствуют свидетельствам очевидцев.

Родственники Илеза Горчханова незамедлительно обратились к властям в надежде установить его местонахождение. Ни одно из правоохранительных ведомств не признало факт взятия Илеза Горчханова под стражу. 23 марта, не получив никаких сведений о нем, родственники и другие сочувствующие их горю люди – всего порядка 80 человек – собрались на оживленной улице Назрани. Протестующие перекрыли одну из центральных магистралей города и потребовали от властей уведомить родных о местонахождении Илеза Горчханова, а также положить конец практике насильственных исчезновений в Ингушетии. На место прибыли несколько высокопоставленных сотрудников МВД и ряд других должностных лиц, вступившие в переговоры с митингующими. Они пообещали принять меры и установить местонахождение Илеза Горчханова, и попросили людей освободить проезд. Однако протестующие не удовлетворились их обещаниями, опасаясь, что ничего так и не будет сделано, и отказались разойтись. Вооруженные сотрудники правоохранительных органов начали разгонять их силой. Поступили сообщения, что некоторые участники акции протеста бросали в полицейских камни. По сообщениям, сотрудники полиции начали стрелять в воздух, а также применили для разгона

демонстрантов резиновые дубинки и приклады. В связи с этим протестом позднее были арестованы три человека (см. сведения по делу Магомеда Хазбиева, ниже).⁶¹

Родственники Илеза Горчханова несколько раз встречались с представителями ингушских властей, которые неоднократно заверяли их, что по факту исчезновения ведется следствие. Например, в день стихийного протеста, Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров провел совещание при участии руководителей правоохранительных органов, глав местной администрации, представителей Совета ингушских тейпов и родственников Илеза Горчханова, на котором обсуждался вопрос о его исчезновении. Однако из сообщений о встрече следует, что она была посвящена в первую очередь демонстрации, ее незаконному характеру и причинам разгона.

Насколько известно, Юнус-Бек Евкуров потребовал провести эффективное расследование по факту исчезновения Илеза Горчханова, а также уведомить родственников других исчезнувших людей о ходе следствия по их розыску.⁶² Однако обстоятельства исчезновения Илеза Горчханова так и остались до конца не выясненными, и факт причастности правоохранительных органов к его исчезновению остался неустановленным, несмотря на весьма веские основания в пользу версии о его насильственном исчезновении. Обстоятельства его похищения во многих отношениях схожи с другими случаями насильственных исчезновений: в прошлом Илез Горчханов находился под следствием по делу об участии в незаконном вооруженном формировании, но был освобожден спустя несколько месяцев без предъявления обвинений; похитители действовали открыто среди бела дня; похищение произошло на оживленной улице без вмешательства со стороны полиции или других правоохранительных органов. Что касается последнего пункта, один из сотрудников МВД сообщил Amnesty International о том, что похитителей Илеза Горчханова преследовал участковый инспектор, который первым поднял тревогу по поводу этого инцидента, но потерял их из виду, когда остановился, чтобы позвонить. По словам того же сотрудника МВД, одна из возможных альтернативных версий случившегося заключается в том, что исчезновение было организовано членами незаконного вооруженного формирования в целях создания видимости похищения или насильственного исчезновения. Выдавая себя за сотрудников правоохранительных органов, преступники, возможно, хотели напугать прохожих, чтобы избежать вмешательства с их стороны.

Тело Илеза Горчханова было найдено 19 апреля на берегу реки Асса, примерно в полутора километрах от станции Нестеровская в Сунженском районе. Его похоронили на следующий день. Как сообщал Правозащитный центр «Мемориал» со слов родственников Илеза Горчханова, на шее последнего имелись следы удушения; был сильно поврежден один глаз. В беседе с Amnesty International, один из сотрудников правоохранительных органов Ингушетии заявил, что, по заключению судебной экспертизы, признаков насильственной смерти обнаружено не было, все повреждения были получены в результате нахождения в воде и ударов о камни. В интернете были выложены фотографии лица покойного Илеза Горчханова крупным планом, а также утверждения о том, что это следы пыток. По мнению независимого судмедэксперта, к которому обращалась Amnesty International, на фотографиях нельзя различить явные следы насилия, однако на лице заметны признаки мумификации, нехарактерные для тела, извлеченного из влажной среды. Дело остается нераскрытым.

Внесудебные казни

Внесудебные казни – это незаконные и преднамеренные убийства, осуществляемые по приказу властей, либо при их явном или молчаливом согласии. Исполнителями могут выступать представители военных либо правоохранительных ведомств, члены особых подразделений, созданных вне установленных рамок подчинения таким ведомствам, или же гражданские лица, действующие совместно с правительственными силами либо при их поддержке.

Статья 2 Европейской Конвенции о защите прав человека запрещает произвольно лишать кого-либо жизни, и этот запрет распространяется на внесудебные казни. В 1989 года Организацией Объединенных Наций (ООН) были приняты Принципы эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней,⁶³ которые, помимо прочего, требуют проведения эффективного расследования случаев возможных внесудебных казней; привлечения лиц, признанных виновными, к уголовной ответственности и предоставления компенсации родственникам. В 2004 году Комиссия ООН по правам человека вновь напомнила:

*«[О]б обязанности всех государств проводить исчерпывающие и беспристрастные расследования всех предполагаемых случаев внесудебных казней, казней без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казней, выявлять и предавать суду лиц, несущих за это ответственность, обеспечивая при этом право любого лица на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, предоставлять в разумные сроки адекватную компенсацию жертвам или их семьям и принимать все необходимые меры, в том числе меры правового и судебного характера, с тем, чтобы положить конец безнаказанности и не допустить повторения практики таких казней».*⁶⁴

Многочисленные сообщения о внесудебных казнях приходили из Чечни с самого начала первого вооруженного конфликта в 1994 году. В течение последних десяти лет сообщения о подозреваемых случаях внесудебных казней поступали и из других республик Северного Кавказа. Однако, насколько Amnesty International известно лишь о трех случаях, когда предполагаемые виновные были привлечены к уголовной ответственности. Все три дела относятся к периоду конфликта в Чечне: дело Буданова (убийство молодой чеченской женщины в марте 2000 года; в июле 2003 года военнослужащего признали виновным); дело Ульмана (убийство шести гражданских лиц в январе 2002 года; в июне 2007 года признали виновными четверых военнослужащих); дело Аракчеева и Худякова (убийство троих чеченских граждан в январе 2003 года; двоих бойцов внутренних войск признали виновными в декабре 2007 года).

Проблема внесудебных казней была затронута Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в докладе за 2010 год на примере случая, имевшего место в Дагестане.⁶⁵ Эти вопросы регулярно поднимаются правозащитниками на Северном Кавказе и по всей России, однако даже самые громкие дела фактически не освещаются в центральных СМИ.

Подозрения о применении внесудебной казни в Ингушетии

Ежегодно из Ингушетии приходят сообщения о нескольких случаях, в связи с которыми высказываются подозрения о применении внесудебной казни. Как правило, в таких случаях убитые, по словам очевидцев или согласно другим свидетельствам, не представляли видимой угрозы и не оказывали сопротивления. В этой связи серьезные подозрения вызывают и сообщения о ликвидации кого-то в ходе перестрелки с силовиками при наличии сообщений о том, что этот человек ранее был официально задержан, и более родственники о нем не слышали до момента его ликвидации. Возможно, что случаев, в которых возникают подобные подозрения, больше, чем те, о которых становится известно, но о них, опасаясь последствий, не сообщают ни свидетели, ни родственники.

Действительно, предполагаемые внесудебные казни, как правило, крайне сложно зафиксировать документально, собрать доказательства и расследовать. В Ингушетии это осложняется завесой секретности вокруг спецопераций, распространенной среди сотрудников силовых структур практикой скрывать лица и свою ведомственную принадлежность в ходе задания, а опасениями за свою безопасность со стороны свидетелей.

Тем не менее, иногда свидетельства в пользу подозрений о возможном применении внесудебной казни представляются весьма убедительными. В редких случаях становились известными более явные свидетельства, указывающие на такие обстоятельства. Amnesty International известен как минимум один случай, когда в интернет попала видеозапись, сделанная, по-видимому, на месте проведения спецоперации. На ней запечатлена ликвидация 7 февраля 2007 года двух человек – Ибрагима (Адама) Гарданова и Магомеда Чахкиева. На записи видно, как сотрудники правоохранительных органов в масках быстро окружили припаркованную машину, в которой находились эти мужчины, после чего расстреляли их в упор, не предприняв видимых попыток взять их живыми, хотя, насколько можно судить по записи, ни тот, ни другой не оказали вооруженного сопротивления (как утверждалось в официальном сообщении об этой операции), и даже не имели на это времени.

Сообщения, в связи с которыми высказываются подозрения о применении внесудебной казни, зачастую имеют общие черты: правоохранительные органы сообщают об инциденте, который по их информации произошел при попытке остановить подозрительный автомобиль либо задержать лицо или группу лиц для проверки документов. Далее сообщается, что подозреваемые начали стрелять и были ликвидированы ответным огнем. На месте, по сообщениям, обнаруживаются улики в виде оружия либо взрывчатки, которые впоследствии позволяют утверждать о принадлежности убитого к незаконному вооруженному формированию. Затем возбуждается уголовное дело. Во всех известных Amnesty International случаях, предметом расследования служило сообщение о нападении со стороны убитых на сотрудников правоохранительных органов и сопутствующие преступления, например, незаконное владение огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами. Дело закрывается в связи со смертью подозреваемых. Обстоятельства, указывающие на иную версию событий, судя по всему, серьезно не изучаются.

Зачастую официальные сообщения со стороны правоохранительных органов об обстоятельствах спецоперации представляются полностью достоверными. Тем не менее, известны случаи, когда официальная версия событий оспаривается, в частности свидетелями или родственниками погибших, которые отрицают факт перестрелки или вооруженного сопротивления, либо утверждают, что оружие, найденное при обыске у погибшего, было подброшено самими силовиками, или утверждают, что убитый не мог быть в указанном месте в указанное время и свободно передвигаться, поскольку на тот момент находился под стражей и высказывают мнение, что, следовательно, убийство носило характер преднамеренной внесудебной казни. Не всегда доказательства в пользу предполагаемых нарушений неопровержимы; неоспоримые факты редко попадают в распоряжение родственников погибших и независимых наблюдателей, включая правозащитников. Однако иногда появляются важные свидетельства, порождая множество серьезных вопросов, касающихся обстоятельств смерти, на которые может дать ответ только всестороннее, независимое и беспристрастное расследование, объективно не имеющее предвзятости в пользу официальной версии событий. Проводимые в Ингушетии расследования, как представляется, такими не являются.

МУСТАФА МУЦОЛЬГОВ И ВАХА САПРАЛИЕВ

По данным пресс-релиза, опубликованного Управлением ФСБ России по Республике Ингушетия, 24 июля 2010 года сотрудники ФСБ и органов внутренних дел предприняли попытку остановить автомобиль «Лада-Приора», передвигавшийся по автодороге между селами Экажево и Сурхахи. Утверждалось, что находившиеся в автомобиле люди оказали вооруженное сопротивление и были убиты в перестрелке. Убитые были опознаны как Мустафа Муцольгов и Ваха Сапралиев – жители села Экажево.⁶⁶ Однако по свидетельствам очевидцев, которых разыскали родственники одного из погибших, автомобиль, в котором они ехали, был заблокирован по дороге несколькими армейскими машинами, и они были остановлены без сопротивления. После этого водителя и пассажира вывели наружу, надели на них наручники, отвели метров на 30 от дороги и застрелили выстрелами в голову и в область сердца.

Тела убитых были выданы родным. Насколько известно, на теле как минимум одного из них были заметны следы наручников. Родственники обратились к властям с требованием расследовать обстоятельства убийства, разъяснить, в чем убитые подозревались, а также объяснить наличие следов от наручников. На момент выхода этого доклада ответа на эти вопросы они, насколько известно, не получили.

Обращения, направленные родственниками одного из убитых в Генеральную Прокуратуру, главе Следственного комитета и президенту Российской Федерации, были переадресованы в Прокуратуру Ингушетии, куда как минимум одна из семей к тому моменту уже обращалась непосредственно. Оттуда дело направили в Назрановскую межрайонную прокуратуру. Родственники одного из убитых, кроме того, получили из Следственного комитета по Северо-Кавказскому федеральному округу и Военного следственного управления Следственного комитета подтверждения о том, что их заявления получены. Тем не менее, никаких существенных сведений в ответ на свои обращения родственники Муцольгова и Сапралиева не получили.

В упомянутом пресс-релизе УФСБ утверждалось, что Мустафа Муцольгов и Ваха Сапралиев совершили два убийства. Это заявление было с негодованием встречено родными погибших. Одно из обвинений (в убийстве мужчины в селе Плиево 8 июля 2010 года) впоследствии повторно появилось на сайте МВД.⁶⁷ Официальные сообщения ссылаются исключительно на данные «оперативно-розыскных мероприятий», не подкрепленных никакими доказательствами.

Спустя несколько дней после убийства – 7 и 8 августа 2010 года – в доме родственников Мустафы Муцольгова в селе Сурхахи дважды проводился обыск сотрудниками силовых структур в форме, чьи лица были скрыты масками. Во второй раз, как утверждалось, они нашли схрон с оружием недалеко от дома. По завершении обыска, насколько известно, они посадили 15-летнего брата Мустафы Муцольгова – Магомеда – в машину и увезли с собой. Родственникам не объяснили, куда его увозят и почему. По словам родных, отец Магомеда попытался защитить сына, за что его несколько раз ударили, в том числе прикладом, повалили на землю и удерживали под прицелом. Amnesty International ознакомилась с фотографиями, на которых видны полученные Магомедом телесные повреждения, подтверждающие рассказ его родных. Родственники потребовали от властей известить их о судьбе Магомеда, однако еще двое суток они оставались в неведении относительно его местонахождения. 8 августа они обратились в отдел внутренних дел в Назрани, где им ответили, что Магомеда Муцольгова туда не доставляли. На следующий день они обратились в МВД, Следственный комитет, Прокуратуру и к Уполномоченному по правам человека, но только днем 10 августа им сообщили, что Магомед Муцольгов находится в РОВД Назрани, и разрешили забрать его. По сообщениям, в течение этих двух дней Магомеда содержали в неустановленном месте, били и пытали электротоком, требуя признать, что схрон с оружием принадлежал его покойному брату Мустафе Муцольгову.

Спустя полтора года, Правозащитный центр «Мемориал» сообщил, что 2 декабря 2011 года Магомед Муцольгов вновь подвергся избиениям и запугиванию со стороны сотрудников силовых структур, личности которых не были установлены. Тем утром группа мужчин в камуфляжной форме и масках, по сообщениям, подъехала к студенческому общежитию в городе Малгобек, где жил Магомед. Его избили ногами, кулаками и прикладами на глазах других студентов. Некоторых студентов обыскали и сфотографировали. Кроме того, по сообщениям, люди в масках спрашивали, почему Магомед учится в Исламском институте, есть ли у него оружие, и пропагандирует ли он терроризм. Они ничем не объяснили свои действия и не представились.⁶⁸

Подозрения в том, что человек стал жертвой внесудебной казни, особенно сильны в тех случаях, когда предполагаемый член вооруженной группировки, погибший в ходе спецоперации или перестрелки, до этого был взят под стражу силовыми ведомствами и подвергся насильственному исчезновению. В тех случаях, когда пропавшего без вести последний раз видели взятым под стражу сотрудниками правоохранительных органов, даже если их личности и ведомственная принадлежность якобы не могут быть установлены, возникают серьезные подозрения о причастности государственных органов к насильственному исчезновению и внесудебной казни. В таких случаях на государстве лежит обязательство провести расследование и, при наличии достаточных доказательств, привлечь виновных к ответственности.

МАГОМЕД ГОРЧХАНОВ И АСЛАНА-ГИРИ КОРИГОВ

17-летний Магомед Горчханов пропал 22 ноября 2010 года на обратном пути домой от знакомого, у которого оставался ночевать. Ранее тем же днем он позвонил матери и сообщил, что скоро приедет, но домой так и не вернулся. Его мать быстро выяснила, что Магомеда согласился подвести на машине один из соседей – 26-летний Руслан Газгиреев. С ними вместе поехал еще один молодой человек – Аслан-Гири Коригов. В тот же день УФСБ по Республике Ингушетия опубликовало пресс-релиз, в котором сообщалось о ликвидации Руслана Газгиреева в ходе спецоперации. По сообщению УФСБ, Руслан Газгиреев отказался остановить автомашину, несмотря на распоряжение сотрудников правоохранительных органов, начал стрелять и был убит в перестрелке.⁶⁹ Аслан-Гири Коригов также исчез. Родственники Магомеда Горчханова не смогли разыскать свидетелей, но слышали от незнакомых им людей, что некие свидетели на месте спецоперации были и даже пытались снимать происходящее на мобильные телефоны, но что телефоны были изъяты сотрудниками силовых структур. Мать Магомеда Горчханова поехала в морг, куда отвезли покойного Руслана Газгиреева. Милиционеры, которых она не знала, сообщили ей, что вместе с Русланом Газгиреевым были еще двое парней. По их словам, эти двое остались живы, поскольку выбрались из машины до того, как началась стрельба, и сдались сотрудникам правоохранительных органов, и что их увезли сотрудники ФСБ. Тогда она обратилась в ФСБ, но там отказались подтвердить факт задержания Магомеда Горчханова.

27 ноября мать Магомеда Горчханова обнаружила конверт, который кто-то подбросил во двор дома. Внутри была карта памяти для мобильного телефона с видеозаписью. На записи, с копией которой ознакомились представители Amnesty International, был запечатлен горящий автомобиль, и несколько машин, стоящих в отдалении. На записи видно, как несколько человек подводят двух мужчин к машине, заталкивают их в багажник и закрывают его. Мать Магомеда Горчханова убеждена, что опознала сына в первом из тех, кого заперли в багажнике. Запись была сделана из укрытия недалеко от места проведения описанной выше спецоперации. Представители Amnesty International побывали там, где это случилось, и могут подтвердить, что запись была сделана именно на этом месте, и что это место спецоперации, о которой официально сообщалось. По словам местных жителей, никаких других случаев возгорания автомобилей на этом месте не было. В ходе спецоперации и некоторое время спустя, пока машина догорает, единственными присутствующими на месте ее проведения и в непосредственной близости, обеспечивая оцепление, могут быть только сотрудники правоохранительных органов. По видеозаписи невозможно опознать личности присутствовавших, однако, поскольку факт проведения этой спецоперации официально признан, установить личности ее участников не должно составить труда. Мать Магомеда Горчханова передала копии записи в Прокуратуру, Следственный комитет и Уполномоченному по правам человека. Однако с 22 ноября 2010 года и до момента подготовки доклада так и не было установлено, что именно случилось с Магомедом Горчхановым 22 ноября 2010 года.

Однако 25 ноября с матерью Магомеда связался следователь, который попросил ее сдать образец крови для проведения экспертизы ДНК. 21 декабря родственников

Магомеда Горчханова вызвали в Следственный комитет в Магасе для опознания останков человека, который, по словам следователя, был убит в ходе другой спецоперации. По официальной версии, 25 ноября 2010 года военнослужащие внутренних войск прочесывали лесной массив недалеко от села Плиево в поисках членов незаконного вооруженного формирования, которые якобы доставляли продукты для тайной полевой базы боевиков. По силовикам был открыт огонь. В результате боестолкновения были убиты двое членов формирования, военнослужащие не пострадали. Сообщалось, что убитые не опознаны.⁷⁰

Одному из родственников Магомеда Горчханова показали фрагменты одежды одного из убитых, и тот подтвердил, что узнает эту одежду. По сообщениям, оба тела сильно пострадали в результате взрыва, а затем обгорели. Поэтому для установления личностей потребовалась экспертиза ДНК. По настоянию родных останки, приписываемые Магомеду Горчханову, были выданы им для захоронения. В мае 2011 года пришли результаты экспертизы ДНК, которые подтвердили, что один из убитых – Аслан-Гири Коригов, однако второй, согласно этим результатам – не Магомед Горчханов. Несмотря на это, МВД впоследствии официально заявило, что в ходе спецоперации 25 ноября 2010 года были ликвидированы Аслан-Гири Коригов и Магомед Горчханов. В том же заявлении утверждалось, что они оба погибли в результате случайного срабатывания взрывного устройства во время перестрелки с сотрудниками силовых органов.⁷¹

После исчезновения Магомеда Горчханова родственники обратились в ФСБ, ГОВД города Назрани, Управление уголовного розыска МВД, военное следственное управление, Прокуратуру и к Уполномоченному по правам человека. Аппарат Уполномоченного по правам человека направил запросы в ФСБ и Прокуратуру от имени родственников. Из ФСБ им ответили, что жалоба была перенаправлена в Министерство внутренних дел, поскольку розыском без вести пропавших занимается МВД, а не ФСБ. Прокуратура, в свою очередь, сослалась на ответ ФСБ, согласно которому Магомеда Горчханова не задерживали, и отказалась принять дальнейшие меры. В феврале 2011 года военное следственное управление уведомило родственников о том, что дело передано в Следственный комитет по городу Назрани в связи с тем, что причастность сотрудников ФСБ или военнослужащих не была установлена. Несмотря на это, в марте 2011 года Следственный комитет по городу Назрани сообщил родственникам, что дело возвращено в военное следственное управление, без объяснения причин.

Магомед Горчханов и Аслан-Гири Коригов исчезли в тот день, когда проводилась официально подтвержденная спецоперация, в ходе которой был убит человек, в чьей машине они находились. Имеется видеозапись, на которой практически бесспорно запечатлена часть той самой операции и задержание двух человек людьми, которые могли являться только сотрудниками правоохранительных органов. Установить ведомства, проводившие спецоперацию, для следствия не должно составлять труда, как, впрочем, и личности тех, кто принимал в ней непосредственное участие. Таким образом, можно выделить несколько очевидных направлений для расследования, которые, по всей видимости, следствием не прорабатывались. Родственники так и не получили ответа ни на один из закономерно возникших вопросов. Как и в ряде других случаев, описанных в этом докладе, письма отправлялись, перенаправлялись,

получались, на них писались ответы, однако ни одно ведомство, по-видимому, не взяло на себя ответственность за проведение эффективного расследования.

Подобное непринятие мер по эффективному расследованию явно показывает, что в сложившейся системе на формальные запросы следователей силовые ведомства дают не менее формальные ответы, отрицая свою причастность или осведомленность о произошедшем, либо отвечая уклончиво. Ответ, по-видимому, принимается без дальнейших вопросов, после чего следуют попытки переложить ответственность на какое-то другое ведомство. Для родственников этот процесс представляется насмешкой над правосудием, что подчас даже хуже, чем отсутствие справедливости.

Неадекватность расследований сообщений о возможном применении внесудебной казни

Значимые свидетельства в пользу как минимум некоторых предположений о возможном применении внесудебной казни, а также явно поверхностный характер расследования таких дел (ни одно из них не дошло в Ингушетии до суда) дают основания утверждать, что в нарушение обязательств, предусмотренных международным правом в области прав человека, Российская Федерация не обеспечивает проведение независимого, тщательного, беспристрастного и эффективного расследования⁷² всех случаев, в которых существуют подозрения о применении внесудебной казни и насильственных исчезновений, и привлечение виновных к ответственности.

Изначальное нарушение права на жизнь тем самым усугубляется отсутствием надлежащей правовой защиты. Это создает условия для безнаказанности в контексте правоохранительной системы в Ингушетии, и сохраняет возможность для ее представителей нарушать права человека без каких-либо последствий.

Российское законодательство предполагает, что все случаи смерти в ходе спецопераций официально расследуются Следственным комитетом. Сведения о таких инцидентах, как правило, обнародуются. Однако, как следует из приведенных выше примеров, следствие чаще всего оставляет без ответа множество важных вопросов. По таким уголовным делам убитые, как правило, проходят в качестве подозреваемых, в результате чего производство быстро прекращается на основании часть 4 статьи 24 УПК («смерть подозреваемого»). Создается впечатление, что следователи безоговорочно принимают трактовку событий в изложении сотрудников силовых структур, причастных к инциденту, а прокуратура в свою очередь не ставит под сомнение заключения Следственного комитета. Таким образом, формально следствие проводится, но его нельзя рассматривать в качестве эффективного и беспристрастного согласно требованиям международного права.

Ниже более подробно рассматриваются факторы, препятствующие эффективному расследованию и уголовному преследованию по делам о предполагаемых нарушениях прав человека. Особенно это касается тех случаев, в которых высказывается подозрение о применении внесудебной казни. Есть ли желание, а равно и возможности, со стороны Прокуратуры и следствия добиваться полноценного правосудия в ходе производства по таким делам?

Пункт 10 Принципов эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней гласит:

«В случаях, когда установленные процедуры расследования не удовлетворяют требованиям в силу недостаточной компетентности или пристрастности, в связи с важностью вопроса и в связи с явным наличием систематических злоупотреблений, а также в случаях, когда поступают жалобы на эти недостатки от семьи жертвы, или по другим существенным причинам, Правительства проводят расследование с помощью независимой комиссии по расследованию или путем аналогичной процедуры. Членами такой комиссии избираются лица, известные своей беспристрастностью, компетентностью и личной независимостью. В частности, они должны быть независимыми от любой организации, учреждения или лица, которое может являться объектом расследования. Комиссия имеет право затребовать всю необходимую для проведения расследования информацию».

Российские власти должны со всей ответственностью рассмотреть возможность создания такой комиссии для рассмотрения обоснованных утверждений о случаях возможного применения внесудебной казни. Это станет важным шагом на пути к созданию системы ответственности за нарушения прав человека, восстановлению доверия к работе правоохранительных органов со стороны населения, а также предупреждению правонарушений в дальнейшем.

Патолого-анатомическая экспертиза

Имеются серьезные упущения в порядке проведения патолого-анатомических исследований по случаям, в рамках которых высказывались обвинения об использовании внесудебных казней в контексте спецопераций, а также в соответствующей нормативно-правовой базе. В таких случаях вскрытие может служить источником важных доказательств. Крайне важно, чтобы патолого-анатомическая экспертиза проводилась тщательно и независимо, а заключения доводились до сведения родственников убитых. По всей видимости, ни в Ингушетии, ни где-либо еще на Северном Кавказе этого не происходит.

В Ингушетии тела лиц, погибших в ходе официальных спецопераций, часто выдают родственникам для захоронения, что, возможно, расходится с требованиями действующего в стране законодательства.⁷³ В случаях, когда смерть, возможно, наступила в результате внесудебной казни, часто появляется информация, что на трупах заметны следы пыток и жестокого обращения, полученные, по-видимому, незадолго до смерти и указывающие на то, что обстоятельства гибели разнятся с официальной версией. Понятно, что состояние тела и характер повреждений могут быть неверно расценены неспециалистом. Так, выходные отверстия пуль и осколков могут показаться ножевыми ранениями, а трупные пятна (*livor mortis*) – следами побоев. Следовательно, до тех пор, пока родным не будут доступны результаты подробной и независимой патолого-анатомической экспертизы, и пока они будут доверять следствию как непредвзятому исследованию обстоятельств, указывающих на возможное правонарушение, сомнения будут только расти, как среди родственников, так и в обществе в целом.

Как уже отмечалось, в соответствии с международными нормами государства обязаны проводить исчерпывающее и беспристрастное расследование всех подозрений о применении внесудебной казни. Поскольку такие случаи, как правило, имеют место там, где нет случайных свидетелей, что осложняет или даже исключает возможность неофициального расследования, практически в каждом таком случае остаются существенные материальные улики, которые могут быть обстоятельно изучены официальным следствием. К их числу относятся и останки убитых, подлежащие патолого-анатомической экспертизе.

Согласно российскому законодательству вскрытие (судебная экспертиза) обязательно назначается, если необходимо установить причины смерти.⁷⁴ Как сообщили Amnesty International сотрудники российских следственных органов, тела погибших в ходе спецопераций всегда исследуются экспертом. Однако насколько детальной является такая экспертиза, и на какие вопросы пытается ответить эксперт, не вполне ясно (по указанным ниже причинам результаты экспертизы родственникам практически никогда не доступны). Указания только основной причины смерти может быть недостаточно для того, чтобы следователь нашел основания предположить, что, возможно, имела место внесудебная казнь или иное правонарушение. Для этого требуется исследовать также обстоятельства смерти. Другими словами, заключения о том, что погибший скончался от пулевого ранения в голову явно недостаточно. Угол вхождения пули, характер раны, возможные следы борьбы и телесные повреждения могут подробнее раскрыть обстоятельства смерти и, следовательно, указать на возможный незаконный характер применения оружия.

Важно, чтобы вскрытие осуществлялось опытным патологоанатомом, независимость которого не вызывала бы сомнений, а экспертные оценки считались авторитетными и заслуживающими доверия. Семья погибшего может ходатайствовать о назначении другого эксперта или повторной экспертизы, однако для этого требуется разрешение следователя, которое удается получить только в редких случаях. Теоретически, родственники могут обратиться к независимому (частному) медицинскому эксперту, но его заключения не будет иметь ту же доказательную силу, что и судмедэкспертиза. Действующее законодательство предусматривает положение о независимости судмедэкспертов. Так, например, законодательство прямо запрещает следователям, прокурорам, судебным органам, организациям, отдельным гражданам и прочим лицам оказывать на них воздействие.⁷⁵ Тем не менее, судебно-медицинские эксперты относятся к категории госслужащих, и в силу этого могут быть подвержены влиянию со стороны сотрудников государственных органов.

Результаты патолого-анатомического исследования не раскрываются. Потенциально, родственники погибших имеют возможность ознакомиться с ним, однако сделать это непросто. Право ознакомиться с заключением экспертизы имеют только участники уголовного судопроизводства. То есть, в этом случае необходимо, чтобы член семьи – как правило, близкий родственник – был официально признан потерпевшим. Для этого, в свою очередь, требуется, чтобы расследовались обстоятельства смерти (а не нападение на сотрудников силовых органов) и, как минимум, допускались подозрения, что она могла наступить в результате неправомерных действий.

Добиться этого отнюдь не просто, как показывает приведенный ниже случай. Необходимым условием является, чтобы власти признали возможность того, что смерть наступила в результате незаконных действий. В случаях же гибели предполагаемых участников незаконных вооруженных формирований в ходе спецопераций их смерть сама по себе в качестве подозрительной не рассматривается. Родственникам нужны веские доказательства в подтверждение предположения о внесудебной казни, иначе их утверждения отменяются как «неподтвержденные». Предоставить такие доказательства может судебно-медицинская экспертиза, но чтобы кто-то из родственников мог ознакомиться с ее результатами, смерть уже должна быть прежде признана в качестве подозрительной.

ИЛЕЗ ДАУРБЕКОВ И АЛИСХАН КУЗИКОВ

7 октября 2010 года Илез Даурбеков и Алисхан Кузиков,⁷⁶ которым было по 27 лет, отправились на машине из села Нижние Ачалуки в Назрань. Вскоре после отъезда их мобильные телефоны перестали работать, и они оба пропали без вести. По свидетельствам очевидцев, которых разыскали родственники, примерно в 16:00 машину, похожую на принадлежащую Алисхану Кузикову, видели на дороге у села Кантышево по пути в Назрань, недалеко от автозаправочной станции. Автомобиль был окружен вооруженными людьми в камуфляжной форме, часть из них в шлемах. Рядом стояли несколько других автомашин: патрульная полицейская иномарка, микроавтобус «Газель» и армейский грузовик «Урал» – все без номерных знаков. Как минимум один из свидетелей видел, как избивали какого-то человека. Еще один очевидец, проезжавший мимо, попытался остановиться, однако ему приказали следовать дальше. По словам свидетеля, который пожелал остаться анонимным, похитители забрали с собой обоих мужчин и их автомобиль. Хотя никто из очевидцев, насколько известно, не видел лиц похищенных, время и место совпадают с поездкой Илеза Даурбекова и Алисхана Кузикова. Кроме того, такими автомашинами в Ингушетии, как правило, пользуются силовые структуры.

На следующий день родственники обоих мужчин подали заявление о розыске пропавших в ГОВД города Малгобека, а также обратились в ФСБ. Они дали объявление на местном телевидении с призывом об их возвращении и просьбой сообщить любую информацию о местонахождении похищенных. Помимо прочего, они стали самостоятельно разыскивать свидетелей (на условиях анонимности) и тех, кому что-либо известно об Илезе Даурбекове и Алисхане Кузикове и их судьбе. Родственники встречались с исполняющим обязанности секретаря Совета безопасности и Уполномоченным по правам человека, а также 10 октября с Главой Республики Ингушетия Юнус-Беком Евкуровым. Все должностные лица, к которым обращались родственники, отрицали, что им известно местонахождение похищенных до тех пор, пока 10 октября (уже после встречи с Главой республики) полицейские не уведомили родственников о спецоперации, в результате которой, как сообщалось, погибли двое упомянутых мужчин.

Согласно официальному пресс-релизу УФСБ по Республике Ингушетия, 10 октября у села Сурхахи сотрудники ФСБ совместно с МВД попытались остановить автомашину, в которой находились четверо мужчин. Те отказались подчиниться и начали стрелять. Двое мужчин погибли в перестрелке, и еще двое, как сообщалось, укрылись в ближайшем лесном массиве. В соответствии с тем же пресс-релизом от 11 октября,

убитых предварительно опознали как Илеза Даурбекова и Алисхана Кузикова.⁷⁷ Позднее тела погибших передали для захоронения родным. Оба обгорели до неузнаваемости, на одном остался кусок электропровода, пригоревший к телу.

Родственники отрицали какую-либо причастность молодых людей к незаконным вооруженным формированиям. Ни пресс-релиз УФСБ, ни дальнейшее расследование не объяснили ряд важных моментов. Почему тела так сильно обгорели? Машина Алисхана Кузикова, вместе с которой пропали молодые люди, была установлена по номерному знаку. Однако как властям удалось предварительно опознать погибших как Илеза Даурбекова и Алисхана Кузикова, без проведения судебно-медицинской экспертизы и учитывая сообщение о том, что в машине также якобы находились двое других человек, сбежавших в лес? Почему у одного из погибших были выбиты несколько зубов? Почему к его телу пригорел оплавленный электропровод?

Даурбековы и Кузиковы попытались выяснить правду о похищении и подозрительной смерти своих близких, а также очистить их имя от обвинений в причастности к деятельности незаконных вооруженных формирований и нападениям на сотрудников силовых структур. Вместе с правозащитниками, они обратились к ингушским и федеральным властям с требованием провести расследование. Их обращения были перенаправлены в местные следственные органы и Прокуратуру. Следователь рассмотрел их заявления в рамках уголовного дела, по которому Илез Даурбеков и Алисхан Кузиков проходили в качестве обвиняемых, однако выделить в отдельное производство расследование обстоятельств их насильственного исчезновения и предполагаемого похищения тремя днями ранее он отказался – в связи со смертью подозреваемых (то есть, по его заключению, самих Даурбекова и Кузикова). Родственники оспорили это решение в судебном порядке, в результате чего производство по делу возобновили. Однако, дальнейшее следствие так и не ответило на вопросы родственников о похищении и смерти их близких.

Пытки и иные формы жестокого обращения

Согласно международному праву в области прав человека, никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему его достоинство обращению и наказанию. Это право носит абсолютный и неотъемлемый характер. Кроме того, государства обязаны безотлагательно и беспристрастно расследовать все утверждения о пытках и привлекать виновных к уголовной ответственности.

Конвенция ООН против пыток содержит следующее определение пытки:

«[Л]юбое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия».⁷⁸

Применение пыток и других видов жестокого обращения строго запрещено российским законодательством, в том числе Конституцией (статья 21), Уголовным кодексом (статья 117), положениями закона «О полиции» (часть 2 статьи 5,) и другими законодательными актами. Тем не менее, содержащееся в них определение пытки носит расплывчатый характер и не вполне отвечает термину, закрепленному в Конвенции ООН против пыток, хотя таковая была ратифицирована Россией. Так, например, статья 117 Уголовного кодекса «Истязание» говорит о причинении физических или психических страданий, а «применение пытки» упоминается какотягчающее обстоятельство. Однако, при этом не дается определения пытки, и не учитывается роль в этом преступлении государственных должностных лиц или иных лиц, выступающих в официальном качестве, участвующих прямым образом или посредством молчаливого согласия.

Применение пыток и иных форм жестокого обращения в Ингушетии

Amnesty International и другие правозащитные организации регулярно получают сообщения о том, что граждане, задержанные на территории Ингушетии, и ингуши, помещенные под стражу в соседних регионах, систематически подвергаются пыткам и другим жестоким и унижающим достоинство видам обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов. Действительно, имеются веские основания полагать, что в рамках борьбы с незаконными вооруженными формированиями пытки регулярно применяются для получения признательных показаний и свидетельств против других подозреваемых, а также как средство устрашения. Обвинения в применении пыток звучали в отношении представителей различных силовых ведомств и применительно ко всем типам мест лишения свободы, однако, что касается самой Ингушетии, то здесь применение пыток чаще всего предположительно имеет место вне стен подобных учреждений.

В ходе неоднократных встреч и в письмах, направленных в ответ на обращения Amnesty International, представители различных ведомств в Ингушетии, в том числе Прокуратуры, Следственного комитета и Министерства внутренних дел, не соглашались с утверждениями о том, что в республике имеют место пытки. Представители указанных ведомств признали лишь один случай пыток – в деле Зелимхана Читигова (см. ниже). На момент написания доклада, в связи с делом Зелимхана Читигова перед судом предстали двое бывших сотрудников полиции.⁷⁹ Когда начинались судебные слушания по этому делу, Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров дал весьма откровенное интервью, разительно отличающееся от официальных заверений об отсутствии пыток в республике, в котором признал многочисленные случаи пыток в Ингушетии. Кроме того, он скептически высказался относительно перспектив уголовного преследования за пытки в республике, назвав первостепенной задачей недопущение новых случаев.⁸⁰

За исключением дела Зелимхана Читигова, Amnesty International не известен ни один другой случай, когда жалоба на применение пыток к задержанным в Ингушетии или к жителям республики, содержащимся под стражей в соседних регионах, была бы эффективно расследована, а виновные установлены и привлечены к уголовной ответственности.

«ВЕЛЬХИЕВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

5 июля 2011 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) вынес решение по делу «Вельхиев и другие против России», в котором, наряду с другими нарушениями прав человека, признал факт применения пыток сотрудниками российских силовых ведомств в Ингушетии. Суд постановил, что Россия нарушила несколько статей Европейской конвенции о правах человека, в том числе право на жизнь, запрет на применение пыток и требование эффективно расследовать такие нарушения.⁸¹

Суд установил, что 20 июля 2004 года в дом Башира Вельхиева прибыли с обыском порядка 30 вооруженных людей в форме, которые забрали Башира и его брата Бекхана с собой. Им обоим надели наручники и завязали глаза, после чего доставили в Управление по борьбе с организованной преступностью (УБОП) при Министерстве внутренних дел Республики Ингушетия в Назрани. Там сотрудники органов внутренних дел, командированные в Ингушетию, развели задержанных по разным помещениям и подвергли пыткам. По словам Бекхана Вельхиева, его принуждали сознаться в том, что он участвовал в вооруженном нападении на Ингушетию 21-22 июня 2004 года. После нескольких часов пыток его, все так же с завязанными глазами и регулярно теряющим сознание, увезли и бросили одного в машине. Его брат Башир Вельхиев скончался вследствие пыток в УБОП. Травмы, полученные братьями, были засвидетельствованы медицинской экспертизой.

В июле 2004 года по факту утверждения о незаконном задержании, жестоком обращении и смерти Башира Вельхиева было возбуждено уголовное дело, которое 27 декабря 2004 года было приостановлено в связи с «невозможностью установить лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности». В марте следующего года производство по делу возобновили, в апреле приостановили, снова открыли в мае 2005 года и приостановили 10 июля 2005 года, чтобы в очередной раз возобновить 12 мая 2009 года. В ходе следствия был установлен лишь один возможный

подозреваемый – сотрудник УБОП, куда были доставлены братья Вельхиевы, заступивший в тот день на дежурство. В марте 2007 года суд признал его невиновным. На суде он показал, что непосредственный начальник приказал ему не вмешиваться в работу сотрудников федеральных органов, которые доставили Вельхиевых в управление.

Российское правительство признало факт нарушения права Башира Вельхиева на жизнь, установленный ЕСПЧ, однако настаивало на том, что расследование его гибели проводилось эффективно, невзирая на явное нежелание соответствующих органов установить виновных. Суд заключил, что из заявлений сотрудников УБОП «предельно ясно» следует, что братьев Вельхиевых задержали и подвергли жестокому обращению сотрудники федеральных подразделений органов внутренних дел, командированные в город Назрань. В этой связи суд назвал «немыслимым то, что в УБОП могли принять сотрудников федерального подчинения, а также участвовать с ними в совместных операциях, не располагая сведениями о том, кем они являются и к каким ведомствам относятся».⁸² Суд указал на целый ряд очевидных упущений в следственных действиях, в том числе на то, что «согласно представленным документам, досмотр места преступления не проводился». Кроме того, суд отметил «ничем не объяснимый длительный перерыв в расследовании с 10 июля 2005 года по 12 мая 2009 года».⁸³ По заключению ЕСПЧ, «невозможность установить лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, можно объяснить только нежеланием следственных органов проводить расследование».⁸⁴

Имеется множество свидетельств того, что сотрудники правоохранительных органов Ингушетии, и полиции в частности, прибегают в ходе своей деятельности к жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство видам обращения, в том числе за рамками спецопераций. Причем подробности таких сообщений о жестоком обращении (например, перевозка задержанных в багажниках автомобилей, завязывание глаз с помощью черного пластикового пакета) зачастую совпадают с описанием действий «силовиков» и в ходе спецопераций.

МАГОМЕД ХАЗБИЕВ

Магомеда Хазбиева и двух его братьев – Мурада и Берда – арестовали 23 марта 2011 года в их доме в городе Назрани вскоре после разгона стихийной акции протеста против насильственного исчезновения Илеза Горчханова (см. подробности дела выше). Их приговорили к различным срокам административного ареста – от двух до десяти суток – за организацию «массовых беспорядков». С краткой версией событий в интерпретации МВД можно ознакомиться на официальном сайте ведомства.⁸⁵ В ней подчеркивается, что протестующие перекрыли оживленную улицу, отказывались выполнить законные требования правоохранительных органов и бросали камни, в результате чего как минимум трое сотрудников получили травмы. Магомеда Хазбиева и сопровождавших его лиц обвинили в подстрекательстве участников протеста и «неоднократном участии в экстремистских акциях».

В беседе с представителями Amnesty International Магомед Хазбиев настаивал на том, что ни он, ни его братья не являлись организаторами акции протеста, а только присутствовали в качестве наблюдателей. По его словам, он уговаривал сотрудников правоохранительных органов не применять к протестующим силу и покинул место

событий до окончания митинга. Вскоре после возвращения братьев, к их дому на нескольких автомашинах подъехали сотрудники полиции и ворвались во двор. Amnesty International ознакомилась с записями камер видеонаблюдения, установленных рядом с домом. На них запечатлены не менее 17 мужчин в камуфляже, из которых только один одет в форму сотрудника полиции и не скрывает лицо. По словам Магомеда Хазбиева, его самого и одного из братьев закрыли в багажниках автомобилей, другого брата бросили в задний отсек служебного УАЗа, причем всю дорогу сверху на нем сидел один из бойцов. На записи видно, как двое мужчин в форме выносят кого-то со двора дома и бросают в багажник легкового автомобиля черного цвета, припаркованного на улице.⁸⁶

Магомеда Хазбиева отвезли в ОВД по городу Назрань. По его словам, перед тем как войти в здание, ему на голову натянули собственную футболку, после чего жестоко избили. Ночь он провел под стражей в одном из кабинетов. На следующий день в ОВД пригласили судью для того, чтобы заслушать дело на месте. Магомеда Хазбиева и трех его братьев приговорили к административному аресту. Хазбиевы имели возможность встретиться с адвокатом, и в тот же день их посетил Уполномоченный по правам человека. По сообщениям, одному из посетителей удалось сфотографировать Магомеда Хазбиева под стражей в ОВД. Фотографии Магомеда со следами синяков и ссадин на лице и голове были выложены в сеть Интернет.⁸⁷ Amnesty International также ознакомилась с заключением бригады скорой помощи, вызванной 25 марта, которая диагностировала у Магомеда Хазбиева сотрясение мозга и многочисленные телесные повреждения в области головы и паха.

Представители Amnesty International обсудили этот случай с одним из руководителей МВД Республики Ингушетия, который объяснил полученные Магомедом Хазбиевым травмы тем, что тот оказал сопротивление сотрудникам полиции, в результате чего они были вынуждены применить законную силу для его усмирения. По словам того же сотрудника МВД, Магомеда Хазбиева освободили досрочно в связи с неудовлетворительным состоянием его здоровья. В «Основных принципах ООН по применению силы и оружия сотрудниками правоохранительных органов» признается, что при определенных ограниченных обстоятельствах полиция может столкнуться с необходимостью применения силы. Возможно, что обстоятельства этого дела были из их числа, что, однако, не следует из известных фактов дела. Характер и степень тяжести телесных повреждений, полученных Магомедом Хазбиевым, а также обстоятельства его ареста (и то, и другое на редкость точно и подробно зафиксировано) указывают на то, что сила, примененная для его ареста и сдерживания, носила несоразмерный необходимости характер. Кроме того, ничем нельзя объяснить или оправдать транспортировку задержанных в багажнике автомобиля – практику, насколько известно, широко распространенную в Ингушетии (например, см. выше обстоятельства дела Мустафы Муцольгова).

Механизмы предотвращения пыток, предусмотренные в российском уголовно-процессуальном законодательстве

Российское уголовно-процессуальное законодательство и практика претерпели серьезные изменения с советских времен, и теперь предусматривают, как минимум в тексте законов, многие процессуальные и фактические механизмы, направленные на

предотвращение пыток, закрепленные международными нормами в области прав человека и рекомендованные международными правозащитными механизмами. Сюда относятся ограничения, определяющие, кто может быть задержан, какими органами, в каких местах и на какой срок. Положения, гарантирующие адвокатскую защиту, медицинское освидетельствование и свидания с родными, в целом соответствуют принятым международным стандартам. Доказательства, полученные под пыткой, не имеют силы в суде, равно как и заявления, сделанные задержанными без адвоката и отозванные ими суде. К сожалению, перечисленные выше существенные гарантии и процессуальные требования часто не соблюдаются как в Ингушетии, так и в других регионах Северного Кавказа.

і. Правовые нормы, регулирующие содержание под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступления

Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации лицо, подозреваемое в совершении тяжкого преступления, может быть подвергнуто задержанию на срок до 48 часов. В срок не более трех часов с момента задержания должен быть составлен протокол, в котором указывается точное время и причины задержания.⁸⁸ В этот момент задержанным должны разъясняться их права.⁸⁹ В течение 12 часов с момента задержания, о нем должны быть уведомлены Прокуратура и родственники.⁹⁰ Не позднее, чем через 24 часа⁹¹ задержанные должны быть допрошены должностным лицом, проводящим следственные действия (либо дознавателем — работником правоохранительного органа, осуществившего задержание, либо следователем — сотрудником Следственного комитета).

Задержанные имеют право на присутствие защитника на допросе, а также на конфиденциальное двухчасовое свидание с ним до первого допроса.⁹² Письменные показания подозреваемого будут считаться недопустимыми, если они подписаны в отсутствие защитника (даже в случае отказа от защитника), кроме случаев, когда он сам подтверждает их в суде.⁹³

По истечении 48 часов задержанный подлежит освобождению, в противном случае его должны доставить к судье, который вправе продлить срок задержания не более чем на 72 часа либо избрать в отношении подозреваемого меру пресечения в виде заключения под стражу.⁹⁴ В последнем случае его должны перевести в следственный изолятор (СИЗО),⁹⁵ подведомственный Федеральной службе исполнения наказаний, которая относится к Министерству юстиции.

Общий срок содержания под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца, однако суд вправе продлить его до шести месяцев; в случае тяжких преступлений — до двенадцати месяцев; в исключительных случаях — до восемнадцати месяцев (статья 109 УПК).

Кроме того, граждан могут вызвать в полицию, ФСБ или к следователю в Следственный комитет для дачи показаний в качестве свидетеля. Свидетель также вправе требовать присутствия адвоката в ходе беседы.

Закон требует, чтобы все задержанные проходили физический осмотр в момент поступления в места содержания под стражей, при этом сведения обо всех имеющихся телесных повреждениях должны заноситься в протокол.⁹⁶ Задержанных должны безотлагательно осмотреть медицинские работники при ухудшении состояния здоровья либо в случае получения телесных повреждений. Задержанные вправе запросить копию заключения о медицинском освидетельствовании.⁹⁷

Еще один важный механизм – это положение о том, что ведомства, которые играют ведущую роль в вопросах противодействия и расследования актов вооруженного насилия и действий незаконных вооруженных формирований в Ингушетии, в частности ФСБ, Центр по противодействию экстремизму при МВД, а также Следственный комитет, не имеют ни собственных мест содержания под стражей, ни права содержать задержанных под стражей; таким образом, по крайней мере в теории, следственные органы отделены от тех, которые отвечают за содержание под стражей.

ii. Наблюдательные механизмы

Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»⁹⁸ (вступивший в силу 10 июня 2008 года) учредил новый наблюдательный механизм, а именно – общественные наблюдательные комиссии. В состав Общественной наблюдательной комиссии, сформированной в Ингушетии в рамках этого закона, на момент составления доклада входили независимые эксперты из целого ряда правозащитных организаций и местного отделения Российского общества Красного Креста, в том числе несколько человек, известных своей критической позицией в отношении политического руководства Ингушетии.⁹⁹

Закон требует, чтобы комиссия уведомляла соответствующие власти о планируемых посещениях мест принудительного содержания, однако никаких специальных разрешений членам комиссии для таких посещений не требуется.¹⁰⁰ Их встречи с лицами, содержащимися под стражей, всегда проходят в присутствии представителей администрации соответствующего места содержания под стражей.¹⁰¹ Насколько известно Amnesty International, власти Ингушетии не препятствовали комиссии в исполнении возложенных на нее функций контроля, и члены комиссии могли беспрепятственно встречаться и беседовать с лицами, находящимися в местах содержания под стражей, за исключением двух случаев в городском отделе внутренних дел (ГОВД) города Малгобека.¹⁰² Так, 28 сентября 2011 года представителям комиссии не разрешили встретиться с задержанными в изоляторе временного содержания, несмотря на то, что МВД было надлежащим образом уведомлено о посещении. Аналогичный случай произошел в июне 2010 года (см. дело Беслана Цечоева ниже). И в том, и в другом случае имелись веские основания полагать, что причиной отказа являлось то, что задержанных пытали и избивали.

Уполномоченный по правам человека в Ингушетии и сотрудники его аппарата также вправе посещать места лишения свободы и встречаться с задержанными. Они регулярно пользуются этим правом, в том числе предупреждая о своем визите за

минимальный срок. Как минимум однажды им также было отказано в посещении места содержания под стражей (в том же самом случае в июне 2010 года в Малгобеке).

Общественная наблюдательная комиссия выполняет консультативные функции и предлагает рекомендации соответствующим органам власти. В целом, общие меры, предложенные комиссией для улучшения условий содержания под стражей, судя по всему, были приняты во внимание.¹⁰³ Ни общественная наблюдательная комиссия, ни Уполномоченный по правам человека не наделены полномочиями для проведения расследования. Оба указанных механизма вынуждены полагаться на реакцию со стороны Прокуратуры и Следственного комитета в вопросах проверки информации и расследования сообщений о пытках и иных формах жестокого обращения, полученной в ходе посещений или из иных источников. Судя по имеющейся информации, в Ингушетии содержащиеся в изоляторах временного содержания (ИВС) при отделах полиции и СИЗО редко жалуются на жестокое обращение, но при этом чаще всего сообщалось о применении пыток вне стен официальных мест содержания под стражей, а также в процессе конвоирования задержанных.

Несоблюдение и действие в обход мер, направленных на недопущение пыток и иных форм жестокого обращения

Перечисленных выше предписанных законом мер и превентивных механизмов, несмотря на ряд бесспорно положительных моментов, оказывается недостаточно для того, чтобы положить конец пыткам и иным формам жестокого обращения, в которых обвиняются сотрудники правоохранительных органов в контексте борьбы с незаконными вооруженными формированиями и вооруженным насилием в Ингушетии. Не решают эти меры и проблему широкой безнаказанности виновных в совершении подобных преступлений, и их неподотчетности за свои действия.

1. Тайное содержание под стражей

Наиболее распространенный и эффективный способ, позволяющий сотрудникам правоохранительных органов обходить изложенные выше гарантии, заключается в использовании тайного содержания под стражей. Он заключается в том, что задержанный находится под стражей в таком месте, которое официально для этого не предназначено, и при этом скрывается не только его местонахождение, но и сам факт задержания человека. Практика тайных задержаний прямо нарушает международное право в области прав человека, усугубляет риск применения пыток и сама по себе является нарушением прав человека. Тайное задержание на сколь-либо значительный срок равнозначно насильственному исчезновению.

С точки зрения сотрудников правоохранительных органов, тайное задержание может иметь ряд очевидных преимуществ. Людей можно удерживать под стражей и получать от них информацию любыми методами, не опасаясь свидетелей, не ограничивая себя в сроках, без вмешательства защитников, которые консультируют задержанных и препятствуют совершению процессуальных нарушений, не обращаясь к врачам, которые фиксируют следы пыток и жестокого обращения. Кроме того, тайное содержание под стражей позволяет исполнителям действовать инкогнито и скрывать

ведомственную принадлежность, что, безусловно, затруднит работу следствия, если по факту нарушения когда-либо будет возбуждено уголовное дело.

Очевидно, что информация, полученная непосредственно в рамках тайного содержания под стражей, не может быть использована в суде, однако это не делает ее «бесполезной». Тайное содержание под стражей может использоваться для того, чтобы силой заставить подозреваемых оговорить себя после официального взятия под стражу, в том числе в присутствии защитника. Оно, помимо прочего, может позволить силовым ведомствам добыть оперативную информацию – в том числе например таким ведомствам, как ФСБ и Центр по борьбе с терроризмом при МВД, у которых нет собственных мест содержания под стражей.

Во всех случаях предполагаемого тайного содержания под стражей в Ингушетии просматриваются определенные тенденции и общие черты. Например, неоднократно сообщалось о похищении людей – на улице или дома – неизвестными вооруженными людьми в форме, чаще всего в масках, – предположительно сотрудниками правоохранительных органов – которые не представлялись и увозили задержанных в неизвестном направлении без объяснения причин. С этого момента ситуация развивается по нескольким сценариям. Похищенный может впоследствии обнаружиться мертвым. Как правило, официальное следствие по факту смерти не может установить личности виновных (см., например, дело Илеза Горчханова, ниже). В ряде случаев сообщается, что пропавший погиб при оказании вооруженного сопротивления сотрудникам правоохранительных органов (см. дело Илеза Даурбекова и Алисхана Кузикова, а также Магомеда Горчханова и Аслан-Гири Коригова, выше).

Некоторые семьи не узнают никогда, как сложилась судьба пропавшего близкого человека. Подобные случаи рассматривались выше в главе «Насильственные исчезновения». Третий вариант развития событий – это передача похитителями задержанного впоследствии в официальное место содержания под стражей. С этого времени их местонахождение перестает быть тайной, и им, как правило, разрешают встретиться с адвокатом и контакт с родственниками (см. дело Зелимхана Читигова ниже). Тем не менее, имеется еще один сценарий, при котором похищенного удерживают в неустановленном месте, а затем отпускают – иногда в тот же день, но чаще всего спустя несколько суток. Похитители, как правило, отвозят узника в уединенное место и отпускают, не предъявляя никаких обвинений и не признавая сам факт задержания сотрудниками правоохранительных органов.

Жертвы краткосрочных тайных задержаний и насильственных исчезновений неизменно утверждают, что подверглись пыткам и другим видам бесчеловечного и унижительного обращения. Жертвы тайных задержаний жаловались, что их заковывали в наручники, надевали на голову черный пакет и заклеивали его на уровне глаз клейкой лентой, чтобы они не знали о том, кто и куда их доставляет. По словам некоторых пострадавших, к месту принудительного содержания их доставили в багажнике автомобиля. Ряд похищенных утверждают, что непрозрачный пакет с их головы не снимался большую часть времени либо не снимался вообще за все время плена. Поэтому похищенные не видели, кто их пытал и где. По утверждениям

некоторых, пластиковые пакеты снимали (как правило, в другом помещении), давая лишь краткую передышку между допросами и пытками.

В ряде случаев перед освобождением похитители, как сообщалось, приказывали задержанному «забыть о случившемся» и «держать язык за зубами», а иногда – «объяснить» окружающим свою отлучку отпуском или поездкой по делам в другой регион. Возможно, именно поэтому в ряде случаев пострадавшие от краткосрочных тайных задержаний отказывались встречаться с Amnesty International. Вопреки всему, правозащитным организациям, работающим в Ингушетии, удалось документально зафиксировать несколько подобных случаев, подкрепив их убедительными фотографическими свидетельствами пыток и телесных повреждений, причиненных в результате побоев, а также показаниями, совпадающими с другими аналогичными случаями, подробно описанными выше.¹⁰⁴ Ниже можно ознакомиться с одним из таких дел.

ДЕЛО ЗУРАБА АЛБОГАЧИЕВА

Один из случаев насильственного исчезновения с последующим освобождением похищенного в отдаленном месте после тайного задержания, получивший огласку в СМИ – дело 26-летнего водителя такси из Назрани Зураба Албогачиева. Согласно опубликованному сообщению, 20 июля 2011 года примерно в 22:00 Зураб Албогачиев и его знакомый находились в машине недалеко от таксопарка в Назрани. В этот момент к ним подъехали два автомобиля марки «Лада» без номерных знаков. Из них вышли несколько вооруженных мужчин в камуфляже и потребовали у Зураба Албогачиева предъявить документы. Прежде чем тот успел достать их, один из мужчин, как сообщалось, ударил его прикладом, а другие стали избивать его ногами. Знакомому Зураба велели не двигаться и наставили на него оружие. Затем они запихнули Зураба Албогачиева в один из автомобилей и уехали, забрав машину похищенного. Знакомого Зураба Албогачиева оставили на месте. На следующий день сотрудники правоохранительных органов провели обыск в доме Зураба Албогачиева. Тем временем его родственники обратились в Совет безопасности, Прокуратуру Назрани, местную полицию и Следственный комитет. Везде им было сказано, что там ничего не знают о местонахождении Зураба Албогачиева. Ни одна из перечисленных структур не подтвердила факт задержания.¹⁰⁵

24 июля Глава Ингушетии провел совещание с представителями правоохранительных органов и потребовал найти Зураба Албогачиева. Как сообщалось, 27 июля его обнаружили у дороги недалеко от станции Серноводская в сопредельной Чеченской Республике.¹⁰⁶ Сообщалось, что тот не смог опознать похитителей, известно лишь, что они говорили по-русски. Насколько известно, его избивали, пытали электрическим током и другими способами, принуждая сознаться в принадлежности к незаконным вооруженным формированиям. В день освобождения похитившие Зураба Албогачиева люди отвезли его в какое-то место, сказав, что это Ингушетия, и отпустили. Вскоре после освобождения с Зурабом Албогачиевым встретился секретарь Совета безопасности Ингушетии. Кроме того, у него были взяты показания следователем. В Ингушетии было возбуждено уголовное дело по факту похищения Зураба Албогачиева, однако на момент составления доклада никаких новых сведений о том, кто стоял за похищением, не сообщалось.

Все случаи насильственного исчезновения, незаконного лишения свободы и пыток должны безотлагательно, эффективно и беспристрастно расследоваться, виновные привлекаться к уголовной ответственности, а пострадавшие иметь возможность прибегнуть к эффективной программе защиты свидетелей в связи с угрозой подвергнуться дальнейшему преследованию со стороны виновных. К сожалению, как и в других случаях предполагаемых нарушений прав человека, в которых подозреваются сотрудники правоохранительных органов, пострадавшим крайне тяжело доказать факт тайного задержания. Более того, требуя проведения официального расследования, пострадавшие и их родственники подвергают себя серьезному риску.

«ТЫ ЧТО, ИЗ АДА?» ДЕЛО ЗЕЛИМХАНА ЧИТИГОВА

В феврале 2010 года Зелимхан Читигов, этнический чеченец, которому на тот момент исполнилось 20 лет, переехал вместе с беременной женой и двумя малолетними детьми к своей матери в Карабулак. 26 апреля 2010 года к нему домой явились вооруженные люди, однако он в тот момент был на работе. В тот же день он добровольно явился в отделении милиции, где ему было сказано, что его никто не разыскивал. На следующий день, как стало известно, в 7:30 в дом ворвались порядка 30-40 вооруженных человек, которые без объяснения причин увели Зелимхана с собой. По его сообщениям, его затолкнули в машину без номерных знаков, надев на голову пластиковый пакет и связав клейкой лентой руки за спиной. По пути в неустановленное место его избили. По прибытии Зелимхана снова избили, на этот раз сразу семь или восемь человек. Ему так и не объяснили причины задержания, не сняли пакет с головы и оставили руки связанными за спиной. Зелимхан утверждает, что допрашивавшие выкрикнули несколько имен якобы его знакомых. Однако эти люди были ему неизвестны, о чем он и сообщил. Он отрицал факт причастности к какой-либо террористической деятельности, как того добивались его похитители. Описывая пытки, Зелимхан рассказал, что его били, пытали током, вырвали ногти на ногах, выкручивали кожу плоскогубцами, а также подвешивали на решетке. По его словам, во время допроса в помещение приводили сначала одного, потом другого задержанного, которых заставляли «подтвердить», что это «он нажимал кнопку». По словам Зелимхана, оба были в крови, сильно избиты и «подтвердили» обвинения (один из них, Аслан Плиев, впоследствии отказался от своих показаний против Зелимхана Читигова как от данных под пыткой). Между побоями и на ночь Зелимхана запирали в маленькой комнате. Оттуда в день похищения ему удалось отправить матери текстовое сообщение с мобильного телефона, лежавшего у него в кармане. Он просил о помощи, но не мог объяснить, где находится. Тем временем родственники уже заявили о его похищении властям, однако никто не мог сообщить им, где находится Зелимхан и кто его забрал.

Впоследствии благодаря этому текстовому сообщению удалось установить время и место содержания под стражей. Как сообщается, им оказался Центр по противодействию экстремизму при Министерстве внутренних дел (не имеющий официальных помещений для содержания под стражей) в Назрани. Несмотря на три дня пыток, которые, по описанию Зелимхана, продолжались почти непрерывно, он по-прежнему отказывался «сознаться» в преступлениях. Зелимхан рассказал, что

пытавшие его люди удивлялись, что за это время он не «раскололся» и не умер, и с их слов было понятно, что такие случаи прежде уже бывали. Со слов Зелимхана, что похитители обсуждали, стоит ли убить его сразу или лучше подождать, пока у него отрастет борода и его можно будет убить и выдать за «амира Карабулака» (главаря местного незаконного вооруженного формирования). Тем не менее, они передумали и отдали его «русским» (неким федеральным «силовикам», прикомандированным в Ингушетию), которые также обсуждали возможность убить Зелимхана, но решили этого не делать (по словам Зелимхана, они заявили, что им надоело «за ингушами убирать»). По показаниям Зелимхана, «русские» продолжили избивать его, но «не сильно, просто били руками и ногами». Один из них согласился дать Зелимхану воды – впервые за все три дня заключения. Он приподнял черный пакет с лица Зелимхана, и его так поразило изуродованное лицо пленника, что он не удержался и спросил: «Ты что, из ада?!».

«Русские» передали Зелимхана Читигова тем, кто его изначально задерживал, и они отвезли его в ГОВД в Карабулаке. Там его в официальном порядке взяли под стражу и составили протокол о задержании от 30 апреля. Зелимхана допрашивали два следователя, которые, как он утверждает, добивались от него признания в хранении взрывного устройства, а также требовали подписать добровольный отказ от адвоката, но он не подчинился. Помимо прочего, Зелимхан Читигов рассказал, как сотрудники правоохранительных органов пытались угрожать адвокату и врачам, которые его осматривали.¹⁰⁷

1 мая Зелимхана доставили в суд для того, чтобы продлить срок содержания под стражей. Насколько известно, он уже не мог ходить самостоятельно, поэтому его привезли в инвалидном кресле. В зале суда Зелимхан потерял сознание, и бригада скорой помощи забрала его в больницу. Он находился под стражей в больнице до 1 июля. Затем его освободили под подписку о невыезде. Российские правозащитники добились разрешения на его выезд и лечение за пределами Ингушетии. К тому моменту Зелимхан, по сообщениям, не мог ни ходить, ни говорить, наполовину потерял слух, и испытывал частые приступы паники. Врачи, среди прочего, диагностировали у него закрытую черепно-мозговую травму, повреждения позвоночника и внутренних органов, полученные предположительно, по их оценке, в результате побоев и пытки током при котором электрод помещался ему в рот.

Пока Зелимхан находился на лечении за пределами Ингушетии, его мать обратилась к республиканским и федеральным властям с требованием установить и наказать лиц, виновных в его тайном задержании и пытках.

Тем временем, 10 августа 2010 года, сотрудники ГОВД города Карабулака провели митинг протеста, отказываясь подчиняться, как они утверждали, «преступным приказам по применению насилия» со стороны начальника ГОВД.¹⁰⁸ В результате руководителя ГОВД сняли с занимаемой должности, а его заместителя отстранили от исполнения обязанностей. Им обоим предъявили обвинения по целому ряду эпизодов. Эти события привлекли дополнительное внимание СМИ к заявлению Зелимхана Читигова, который опознал заместителя начальника ГОВД среди сотрудников правоохранительных органов, причастных к его тайному задержанию, что легло в основу одного из предъявленных обвинений. Дело привлекло особое

внимание Главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова.¹⁰⁹ По всей вероятности, его личное внимание к этому делу способствовало возбуждению уголовного производства против бывшего начальника ГОВД и его заместителя.

На момент подготовки доклада исход дела Зелимхана Читигова оставался неясным. По обвинениям, связанным с собственно тайным задержанием Зелимхана Читигова, к уголовной ответственности привлекли только одного бывшего сотрудника правоохранительных органов – бывшего заместителя начальника ГОВД Карабулака. Личности других так и не были установлены. Действительно, утверждение об истязании Зелимхана Читигова – лишь один эпизод из целой серии обвинений, выдвинутых против бывшего начальника и заместителя начальника ГОВД Карабулака за превышение полномочий. Как сообщалось в СМИ, следователь, ведущий дело Зелимхана Читигова, попытался попасть в Центр по противодействию экстремизму для проведения следственных действий, но ему отказали в праве зайти туда и даже угрожали. Тем временем, насколько известно, в адрес родственников Зелимхана Читигова также прозвучали угрозы со стороны лиц, вероятно связанных с теми, кто его пытал. В декабре 2011 года мать Зелимхана обратилась в суд с ходатайством о применении к ней как свидетелю мер государственной защиты. Ранее она заявляла, что один из подсудимых угрожал ей и ее дочерям, по факту чего было возбуждено уголовное дело. Тем не менее, судья оставила ходатайство без удовлетворения в связи с тем, что к нему не было приложено постановление о возбуждении уголовного дела по соответствующему заявлению пострадавшей.¹¹⁰

В ходе миссии Amnesty International в Ингушетию в мае-июне 2011 года ряд должностных лиц, представлявших органы прокуратуры, следствия и полиции, привели дело Зелимхана Читигова в качестве примера того, что власти реагируют на заслуживающие доверия сообщения о пытках и проводят эффективное расследование с последующим наказанием виновных. Однако, насколько известно Amnesty International, на момент составления доклада этот пример оставался единственным таким случаем в Ингушетии. Те же должностные лица отрицали, что имели место другие случаи пыток и иных форм жестокого обращения в республике, в том числе в контексте тех дел, которые описаны в настоящем докладе (например, в рамках дел Беслана Цечоева, Магомеда Хазбиева, либо случая с обвиняемыми, проходившими по «Делу одиннадцати» — см. раздел ниже «Предполагаемое избиение 11 задержанных при этапировании»).

Из дела Зелимхана Читигова видно, что имело место не одно, а несколько взаимосвязанных нарушений прав человека, включая предполагаемое насильственное исчезновение, тайное содержание под стражей и пытки. Рассказ Залимхана Читигова раскрывает некоторые мотивы виновных в этих преступлениях. В то же время, он наводит на ряд важных вопросов. Этот случай демонстрирует, что при подобных обстоятельствах для привлечения виновных к ответственности потребовалось уникальное стечение обстоятельств, - в данном случае, протест милиционеров против своего начальства в Карабулаке, активное подключение правозащитников и широкая огласка в СМИ, политическая воля, проявленная Главой Ингушетии и, что не менее важно — смелость самого потерпевшего, который не побоялся публично рассказать о случившемся с ним, все еще находясь в России (позднее он покинул страну). Во всех прочих случаях, описанных в этом докладе,

столь же активного и тщательного расследования не наблюдалось, что шло в разрез с международными обязательствами Российской Федерации, и отсутствовало политическое давление по привлечению виновных к ответственности. Зачастую следствие – в случаях, где расследование начиналось вообще – оно, насколько можно судить по сообщениям об обстоятельствах дел, проводилось предвзято, несвоевременно и неэффективно.

ii. Содержание под стражей без связи с внешним миром, отказ в адвокатской и медицинской помощи

Задержанный находится под стражей без права связи с внешним миром (инкоммуникадо), когда ему отказывают в каких-либо контактах с родственниками, адвокатами и независимыми врачами. Жертвы насильственных исчезновений и задержанные тайно также содержатся инкоммуникадо, но этот раздел доклада посвящен теме содержания инкоммуникадо в тех случаях, когда место содержания задержанных не скрывается и известно их близким. Содержание под стражей без связи с внешним миром противоречит как нормам российского законодательства, так и международного права в области прав человека.¹¹¹

Содержание инкоммуникадо в официальных местах содержания под стражей — относительно редкое явление в Ингушетии. Чаще всего сообщения о таких случаях касаются содержания под стражей жителей Ингушетии за пределами республики. В то время, пока подозреваемого удерживают под стражей без связи с внешним миром, на него могут оказывать давление, пользуясь тем, что у него нет возможности пожаловаться на жестокое обращение либо пройти медицинское освидетельствование, что само по себе многократно повышает риск применения пыток и иных форм жестокого обращения.

Как отмечено выше, задержанные должны проходить физический осмотр по прибытии в место содержания под стражей, а также в любое другое время, если того требует состояние их здоровья. В ряде известных Amnesty International случаев, о двух из которых рассказывается ниже, в этом праве либо было отказано, либо утверждалось, что на медиков оказывали давление с целью принудить их проигнорировать следы пыток и иных форм жестокого обращения с задержанными. Медицинский персонал, проводящий осмотры в ИВС и СИЗО, относится к сотрудникам самих этих учреждений, поэтому медики не могут избежать влияния со стороны их руководства. Задержанный или его защитник могут запросить независимое медицинское освидетельствование, но для этого требуется разрешение начальника места содержания под стражей либо следователя (их отказ в проведении такого освидетельствования можно обжаловать в Прокуратуре либо в суде).¹¹²

Более того, по некоторым сообщениям, имело место запугивание и давление на гражданский медицинский персонал (например, работников скорой помощи и больниц) со стороны сотрудников правоохранительных органов с тем, чтобы не дать им документально зафиксировать следы пыток и иных форм жестокого обращения либо предоставить медицинское заключение потерпевшим и их адвокатам. Amnesty International известно, по меньшей мере, об одной такой жалобе; о прочих

предполагаемых подобных случаях можно узнать из докладов других правозащитных организаций.¹¹³

ДЕЛО БЕСЛАНА ЦЕЧОЕВА

Согласно ряду сообщений, 8 июня 2010 года в дом семьи Цечоевых в селе Сагопши прибыли несколько десятков людей в форме (некоторые — в масках) и провели там обыск. Позже выяснилось, что обыск был связан с расследованием взрыва в магазине в селе Сагопши 4 июня 2010 года, в результате которого один милиционер погиб и несколько человек получили ранения. Не представившись и не предъявив удостоверений и ордера на обыск, сотрудники правоохранительных органов обыскали дом и заявили, что обнаружили элементы самодельного взрывного устройства, но по утверждениям семьи, его подбросили во время обыска. Братьев Беслана и Адама Цечоевых «силовики» забрали в Малгобекский РОВД. Тревожась за братьев, их родственники собрались у ворот райотдела. По их словам, в 20:35 того же дня к зданию РОВД подъехала скорая; она вновь приезжала 11 июня и, по меньшей мере, еще один раз. Адвокат семьи получил копию медицинского заключения первой бригады скорой помощи. В нем говорилось, что у Беслана Цечоева тяжелая черепно-мозговая травма, а также ушиб спины. Однако последующие справки получить не удалось, предположительно, из-за того, что милиция оказала давление на медиков.

О жалобах на пытки братьев стало известно Общественной наблюдательной комиссии и Уполномоченному по правам человека. 10 июня они попытались встретиться с задержанными братьями, однако милиционеры не допустили в ИВС ни их самих, ни нанятого семьей адвоката. Братья оставались под стражей инкоммуникадо вплоть до 14 июня, когда к ним наконец допустили Уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия — их первого посетителя извне, помимо бригад скорой помощи. Уполномоченный зафиксировал следы побоев и других видов жестокого обращения, и сфотографировал телесные повреждения, полученные Бесланом Цечоевым. Адвокат Цечоевых, которого позже также допустили к братьям, потребовал от властей перевести Беслана в больницу для полного медицинского обследования и лечения, но ему отказали.

Уполномоченный обратился с жалобой в Прокуратуру Ингушетии, но ему отказали в возбуждении уголовного дела по заявлению о пытках. Родственники братьев Цечоевых также пожаловались в местную Прокуратуру, но у них, как сообщается, отказались принять заявление и предложили им обратиться в милицию. Однако в таком случае им пришлось бы жаловаться в тот же самый орган, где предположительно пытали братьев.

17 июня 2010 года Адама Цечоева освободили, но Беслан оставался под стражей до декабря 2010 года, когда его тоже освободили, не предъявив обвинений. По словам адвоката, ему не оказывали необходимую медицинскую помощь в связи с травмами. В ходе миссии в Ингушетию в мае-июне 2011 года представители Amnesty International обсуждали этот случай с представителями Прокуратуры, МВД и следственных органов Ингушетии. Им было сказано, что Беслан и Адам Цечоевы сопротивлялись аресту и подлежали сдерживанию, и что телесные повреждения, зафиксированные Уполномоченным по правам человека, были следствием этого.

Если пытки и другие виды жестокого обращения применяются в официальных местах содержания под стражей и впоследствии скрываются, то задержанные могут беспрепятственно подвергаться запугиванию, быть принуждены подписать протокол с показаниями (а иногда и просто чистый лист бумаги), а позже «подтвердить» свои показания в присутствии адвоката защиты под страхом повторения пыток. Amnesty International получила ряд сообщений подобного характера, касающихся ингушей, содержащихся в СИЗО за пределами республики. Организация также получала сообщения о том, что некоторых их вынуждали отказаться от адвоката по выбору (как правило, ингушского адвоката, нанятого родственниками) в пользу адвоката по назначению. Адвокат по назначению может быть менее щепетильным, чем частный адвокат, и в том числе посмотреть сквозь пальцы на незаконные методы давления на обвиняемого, не потребовать медицинского освидетельствования и не зафиксировать жалобы подзащитного на пытки. В 2010-2011 годах сообщения о том, что задержанным мешали воспользоваться услугами адвоката по выбору, неоднократно поступали из Северной Осетии. Один из примеров тому — дело Иссы Хашагульгова.

ДЕЛО ИССЫ ХАШАГУЛЬГОВА

Жителя ингушского города Карабулак Иссу Хашагульгова задержали 25 сентября 2010 года. Он подозревался в причастности к организации взрыва смертника во Владикавказе в соседней Северной Осетии 9 сентября 2010 года, в результате которого 19 человек погибли и более 160 получили ранения.¹¹⁴ Двое суток родственники ничего не знали о его местонахождении, и сообщили ингушским властям, что он подвергся насильственному исчезновению. 27 сентября им стало известно, что Исса Хашагульгов содержится в СИЗО Лефортово в Москве.¹¹⁵ 20 октября 2010 года директор ФСБ Александр Бортников заявил, что организатором вышеупомянутого взрыва является Исса Хашагульгов.¹¹⁶ По словам адвокатов Иссy Хашагульгова, сам он постоянно отрицал это обвинение. 28 октября 2010 года Хашагульгову предъявили обвинения в организации незаконного вооруженного формирования и хранении оружия (но не в организации взрыва).

В связи с этим делом сообщалось о многочисленных процессуальных нарушениях, в том числе об отказе в свидании с адвокатом и медицинской помощи. В начале апреля 2011 года в Москве адвокатам Хашагульгова сообщили, что его перевели во Владикавказ, но позже сказали, что он все еще находится в Москве. Однако, когда один из адвокатов попытался увидеться с ним в Лефортово, допущен к клиенту он не был. Родственники Хашагульгова обратились к ингушским властям за информацией о его местонахождении, однако, насколько известно, определенного ответа не получили. Журналисты связались с администрацией СИЗО во Владикавказе, но им сказали, что его там нет.¹¹⁷ Брат Иссy Хашагульгова Султан-Гирей пригрозил собрать митинг, если власти продолжат скрывать местонахождение Иссy. Вскоре после этого, 10 апреля, Султан-Гирей Хашагульгов был тяжело ранен при взрыве, произошедшем возле его дома в Назрани и затронувшем только его. В Ингушетии высказывались предположения, что взрыв был связан с его попытками оказать давление на власти.

Лишь 14 апреля 2011 года адвокатам Иссy Хашагульгова удалось узнать, что он находится во Владикавказе.¹¹⁸ Во время обоих эпизодов краткосрочного исчезновения родственники опасались, что Исса Хашагульгов подвергается пыткам и другим видам жестокого обращения с целью заставить его сознаться в преступлениях.

С тех пор в их жалобах на жестокое обращение с ним появились детали. Жена Иссы Хашагульгова сообщила Amnesty International, что в ночь на 19 января 2012 года его увезли из камеры в неизвестном направлении, избили и угрожали повторным насилием, пытаясь принудить его к самооговору на предстоящем перекрестном допросе с участием еще одного обвиняемого, проходящего по тому же делу (ей стало известно об этом от одного из адвокатов, который позже виделся с Иссой).¹¹⁹ Исса Хашагульгов попросил о проведении медицинского освидетельствования для документального подтверждения полученных им телесных повреждений, однако его просьба была проигнорирована. Сообщалось, что состояние его здоровья значительно ухудшилось, но его жене не позволили передать ему необходимые лекарства. Она также пыталась жаловаться в Прокуратуру и Общественную наблюдательную комиссию в Северной Осетии, но безуспешно. Как стало известно, 6, 7 и 8 февраля 2012 года адвокатам Иссы Хашагульгова многократно отказывали во встрече с ним, когда его в дневное время суток перевозили из СИЗО в ИВС. По имеющимся сообщениям, все эти дни перевод осуществлялся без уведомления адвокатов, которые в результате не могли попасть в ИВС, так как на это, в отличие от СИЗО, у них не было разрешения следователя, которое от них потребовали. В ходе этих неоднократных инцидентов нарушалось право Иссы Хашагульгова на доступ к адвокату, а его родственники и адвокаты считали это формой давления с целью выбить признание.

iii. Неисключение из уголовного судопроизводства доказательств, полученных под пытками

Лица, обвиняемые в членстве или связях с незаконными вооруженными формированиями, регулярно заявляют в зале суда о том, что их пытали с целью выбить признание и заставить оговорить других людей. Международное право запрещает принимать к рассмотрению свидетельство, полученное под пыткой или с помощью иных форм жестокого обращения,¹²⁰ – так же, как и российское право. Как отмечалось выше, обвиняемый вправе заявить ходатайство в суде о признании недопустимыми доказательств, полученных следствием незаконными методами,¹²¹ и это прямым образом касается показаний, полученных под пытками. В случае такого ходатайства бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на стороне обвинения, которая должна продемонстрировать, что доказательства были получены законным путем.¹²² Судья вправе затребовать дополнительные доказательства в подтверждение жалобы, в том числе запросить соответствующую информацию или вызвать в качестве свидетелей в суд должностных лиц, а также экспертов. Судья также может отсрочить заседание до получения требуемых материалов и показаний свидетелей.

Если суд признает какую-либо часть доказательства недопустимой, он вправе вынести частное определение, в котором обращается внимание соответствующих организаций на факты нарушений закона с тем, чтобы те приняли решение о возбуждении уголовного дела по выявленным обстоятельствам.¹²³ Однако, в ходе того же судебного разбирательства судья не вправе проводить дальнейшее судебное расследование по подозрению в совершении иного преступления, такого как применение пыток,¹²⁴ и не может прямым образом обязать следственные органы возбудить соответствующее уголовное дело. На деле же такая ситуация остается

довольно умозрительной, поскольку судьи весьма редко (если вообще когда-либо) признают доказательства недопустимыми по причине того, что те получены под пытками. Amnesty International не известно ни об одном случае в Ингушетии, когда судья вынес бы частное определение о расследовании жалобы на пытки, озвученной в зале суда.

Не вызывает сомнений, что судьи в Ингушетии испытывают значительное давление, при котором от них ожидается вынесение обвинительных приговоров в отношении предполагаемых участников незаконных вооруженных формирований.¹²⁵ В последние годы по нескольким подобным делам вынесились оправдательные приговоры, однако несостоятельность обвинений по ним была столь очевидна, что судье невозможно было ее проигнорировать. В то же время, судья по многим сообщениями, обвинительные приговоры довольно регулярно выносятся почти полностью на основании признательных показаний и показаний других подозреваемых. При этом зачастую имеются веские основания полагать, что такие показания были получены под пытками.

Как рассказал Amnesty International один из ингушских судей, заявления о применении к ним пыток нередко используются подозреваемыми в качестве тактики защиты.¹²⁶ Возможно, что это мнение разделяют многие судьи. Даже допуская, что это действительно является часто применяемой тактикой защиты, в случаях, когда звучат обвинения о применении пыток, слишком часто судьи предпочитают не задаваться вопросами о безупречности соответствующих доказательств, представляемых стороной обвинения. Как следствие, они не защищают права обвиняемых, а в результате подрывается доверие общества в целом к судебному разбирательству и уверенность в справедливости выносимых судом обвинительных приговоров.

Учитывая серьезность и систематический характер этого вида нарушений прав человека, по каждому случаю жалоб на то, что показания добыты с помощью пыток, под давлением либо посредством иного принуждения, надлежит проводить отдельное судебное заседание, прежде чем такое доказательство будет допущено к рассмотрению в суде. Если в ходе такого разбирательства выяснится, что заявление сделано недобровольно, его следует исключить как свидетельство из любого судебного производства, за исключением производства по делу против лиц, подозреваемых в применении пыток с целью получения показаний.

«ДЕЛО ДВЕНАДЦАТИ»

2 февраля 2011 года Ставропольский краевой суд вынес обвинительные приговоры по так называемому «Делу двенадцати».¹²⁷ Большинство обвиняемых были арестованы в 2005 и 2006 годах и, после нескольких лет в предварительном заключении, осуждены в связи с нападением на Республику Ингушетия в ночь с 21 на 22 июня 2004 года (см. выше). Их приговорили к лишению свободы на сроки от 20 лет до пожизненного. Троем обвиняемым по делу назначили более короткие сроки наказания.

Адвокаты защиты неоднократно жаловались на применение пыток и нежелание суда рассмотреть их ходатайства о признании соответствующих доказательств недопустимыми. Суд не исследовал жалобы на пытки, и отклонил ходатайства

адвокатов, несмотря на убедительные медицинские заключения и другие доказательства, представленные ими. Так, решение об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе на пытки одного из подсудимых — Магомеда Коздоева — было обжаловано в суде, но безуспешно, и теперь его адвокат обратился в Европейский суд по правам человека.¹²⁸ Адвокат еще одного обвиняемого — Мурата Эсмурзиева — подчеркнул, что обвинения против его клиента были целиком основаны на показаниях других обвиняемых по делу, которые были взаимно противоречивы и потому ненадежны. Кроме того, адвокат указал, что через месяц после ареста в сентябре 2005 года Мурата Эсмурзиева заставили подписать заявление об отводе адвоката, нанятого его родственниками, и замене его тем государственным защитником, со стороны которого следователь не ожидал протеста по поводу применения пыток. В день замены первого адвоката Мурат Эсмурзиев был допрошен и почти сразу же доставлен в больницу для хирургического лечения тяжелых внутренних повреждений. В ноябре 2005 года родственники Эсмурзиева наняли ему нового адвоката, который ходатайствовал о расследовании жалоб на применение пыток, но получил отказ. Родственники обратились в Генеральную прокуратуру, откуда их жалобу передали в местную Прокуратуру, а та, в свою очередь, отказалась возбудить уголовное дело. Позже Мурат Эсмурзиев пожаловался суду на применение пыток, но снова безуспешно. В феврале 2011 года его признали виновным в нескольких тяжких преступлениях и приговорили к 25 годам лишения свободы. Другие подсудимые, проходившие по тому же делу, также жаловались на пытки — с тем же результатом.

«Дело двенадцати» получило широкую огласку в СМИ из-за его политической резонансности. Признанные виновными по этому делу в итоге оказались единственными осужденными с связи с самым кровавым нападением в истории Ингушетии, предпринятым незаконными вооруженными формированиями. Приговоры были обжалованы, однако 23 сентября 2011 года Верховный суд Российской Федерации оставил в силе вынесенное ранее решение суда.

iv. Непринятие мер по эффективному расследованию пыток и привлечению виновных к уголовной ответственности

Согласно международному праву, на российских властях лежит обязанность по расследованию сообщений и пытках.¹²⁹ В Российской Федерации существуют примеры успешного уголовного преследования лиц, виновных в применении пыток. Как правило, такие дела затяжные, они требуют активного участия правозащитных организаций, которые играют решающую роль в опротестовании бездействия следователей и прокуроров, и оказании правовой помощи потерпевшим. Однако таких случаев гораздо меньше, чем сообщений и жалоб, представляющихся достоверными, но которые так и не стали предметом беспристрастных и эффективных расследований.

В случаях, когда дело все же доходит до суда, обвиняемых чаще всего привлекают к ответственности за превышение должностных полномочий согласно статье 286 Уголовного кодекса, а не за истязание согласно статье 117 или за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью согласно статьям 111 и 112 соответственно. Несмотря на то, что статья 286 предусматривает максимальный срок

наказания в виде 10 лет лишения свободы, по ней зачастую выносятся условные приговоры.¹³⁰

Что касается Ингушетии, на сегодня Amnesty International не известно ни об одном случае, в котором был бы вынесен обвинительный приговор по обвинению в применении пыток. Возможно, что описанное выше дело Зелимхана Читигова станет первым таким случаем, однако оно получило ход благодаря совокупности исключительных обстоятельств, а жалобы на пытки — лишь часть из нескольких обвинений, прозвучавших в адрес подсудимым; при этом за исключением одного из подсудимого не заметно достаточно активных усилий со стороны следствия по выявлению иных лиц, предположительно причастных к пыткам. На территории Северного Кавказа в целом отмечалось лишь несколько уголовных дел, завершившихся привлечением к уголовной ответственности лиц, виновных в пытках и иных видах жестокого обращения.

В Ингушетии жертвы пыток и других форм жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов сталкиваются с многочисленными препонами при попытках восстановить справедливость. Сам факт пыток зачастую сложно доказать, поскольку, как правило, отсутствуют независимые свидетели. Даже в случаях точного освидетельствования травм, что в Ингушетии происходит далеко не всегда, никогда не исключена возможность, что злоупотребившие полномочиями должностные лица будут утверждать, что сила применялась законно с целью сдерживания агрессивного задержанного.

Тем не менее, даже с учетом этих трудностей сложно не прийти к выводу о том, что прокуроры и следователи неохотно проверяют и расследуют действия сотрудников правоохранительных органов, предположительно применивших пытки, и не стремятся привлечь их к ответственности. На ум приходят и такие случаи, как описанное выше дело Зелимхана Читигова, и как «Дело одиннадцати», изложенное ниже (см. раздел «Предполагаемое избивание 11 задержанных в процессе конвоирования»), когда едва ли было сделано все возможное для отработки всех версий расследуемых событий.

Однако к числу трудностей, с которыми сталкиваются жертвы пыток, относится и сам процесс возбуждения уголовного производства. Как и в случае с сообщениями об иных преступлениях, на основании поданных в Прокуратуру или полицию заявлений о пытках и иных видах жестокого обращения проводится предварительная проверка.¹³¹ Эта процедура, которая предшествует собственно возбуждению уголовного дела Следственным комитетом (следственным органом, расследующим наиболее серьезные виды преступлений), и как правило завершается выводом о неподтверждении факта применения пыток, исходя из чего дальнейшее расследование не проводится. Исходя из ряда сообщений применении пыток, создается впечатление, что такая проверка, если она имеет место, заключается не более чем в направлении формального запроса об инциденте в тот же правоохранительный орган, в отношении которого поступила жалоба. Дело не передается следствию, и, соответственно, никакого официального расследования не проводится. Граждане также могут жаловаться непосредственно в Следственный комитет, который, как представляется, чаще отклоняет жалобы, нежели принимает решение об официальном расследовании, ссылаясь на неподтверждение

информации или отсутствие состава преступления. Трудность, с которой зачастую сталкиваются заявители, заключается в недостаточности доказательств, требуемых на деле для того, чтобы убедить Прокуратуру и следствие возбудить дело, поскольку их в свою очередь, как правило, можно получить лишь в результате тщательного расследования. Отказ Следственного комитета в возбуждении дела можно обжаловать в суде. Суд может обязать следователей возбудить дело, и иногда так и делает, однако результат остается тем же: следствие приходит к выводу о том, что факты пыток не подтвердились, либо что невозможно установить виновных, и дело вновь закрывается.

Принципиальным препятствием для эффективного расследования является то, что позиция Прокуратуры и следствия, особенно на местном уровне, на деле не является полностью независимой с точки зрения проведения тщательных и беспристрастных расследований по жалобам на пытки в соответствии с нормами международного права в области прав человека. Они сами являются частью правоохранительной системы на местном уровне, и вынуждены каждодневно работать бок о бок с другими правоохранительными органами, по большей части преследуя одни и те же цели. Прокуратура и органы следствия в Ингушетии не могут быть в полной мере нацелены на эффективное расследование утверждений о нарушениях прав человека, предположительно совершенных в рамках процессов, которые призваны привлечь к уголовной ответственности подозреваемых участников незаконных вооруженных формирований – так как преступления со стороны последних они также обязаны расследовать и раскрыть, причем в сотрудничестве с другими правоохранительными органами.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ИЗБИЕНИЕ 11 ЗАДЕРЖАННЫХ В ПРОЦЕССЕ КОНВОИРОВАНИЯ

31 мая 2011 года 11 жителей Малгобека в возрасте от 18 до 28 лет, проходящих в качестве обвиняемых по одному и тому же делу (известному как «Дело одиннадцати»)¹³² были доставлены из пятигорского СИЗО (Ставропольский край) в ИВС МВД Ингушетии в Назрани. Их присутствие в Назрани требовалось в связи с предварительным судебным слушанием. Во время заседания 1 июня родственники видели их в зале суда, после чего обвиняемых вновь этапировали в Пятигорск. В тот же день группа близких родственников некоторых из этих мужчин пожаловалась Уполномоченному по правам человека и правозащитным НПО, утверждая, что задержанных жестоко избили по прибытии в ИВС. Второго июня родственники пожаловались в Прокуратуру, Совет безопасности и Главе Ингушетии.

Делегаты Amnesty International также встретились с некоторыми родственниками, и те вновь повторили свои заявления и пожаловались на систематические пытки и иные виды жестокого обращения с обвиняемыми в ходе следствия с целью получения «признаний» и взаимно-инкриминирующих показаний в преступлениях, связанных с деятельностью незаконных вооруженных формирований в Малгобеке. Несколько человек, с которыми беседовали представители организации, также выразили тревогу тем, что их близким, находящимся под стражей, могут отомстить лишь по причине

жалоб родственников, и попросили Amnesty International не выделять в пересказе кого-либо конкретного из обвиняемых по этому делу.

1 июня 2011 года задержанных посетили представители Общественной наблюдательной комиссии, причем с одним из них представитель Amnesty International беседовал в тот же день, а также представители аппарата Уполномоченного по правам человека в Ингушетии. В ходе беседы с ними задержанные рассказали, что по прибытии на территорию ИВС им приказали по одному выйти во двор из автозака, в котором их перевозили, после чего их якобы избили неустановленные мужчины в масках и в форме без каких-либо знаков различия. Сообщалось, что задержанных, закованных в наручники, поставили на колени и избили дубинками и железными прутьями, нанося удары по ступням ног. Рассказывалось, что сотрудники полиции, перевозившие их, и персонал ИВС не вмешивались в происходящие, пока побои не прекратились. После этого этапированных зарегистрировали как вновь прибывших, сделав записи об имеющихся у них при поступлении телесных повреждениях в журнале, и отвели в камеры. Нескольким понадобилась медицинская помощь, которую им оказала медсестра, проводившая их осмотр, а пятерых отвезли в больницу в Назрани для оказания дальнейшей помощи. Представители Общественной наблюдательной комиссии и аппарата Уполномоченного по правам человека, посетившие их 1 июля, видели их раны, в том числе кровоподтеки и порезы, а также записи о телесных повреждениях в журнале регистрации.¹³³

Уполномоченный по правам человека направил письмо прокурору Ингушетии с просьбой рассмотреть эти утверждения о пытках и запросил письменные объяснения от МВД по поводу инцидента и необходимости применения силы. В июле 2011 года по данному факту было возбуждено уголовное дело по статье 286 Уголовного кодекса (превышение должностных полномочий). Позже следствие было прекращено за невозможностью установить виновных. МВД сообщило аппарату Уполномоченного о внутреннем расследовании, которое установило, что применение силы носило законный характер, поскольку задержанные отказались подчиниться законным требованиям.¹³⁴

Обращает не себя внимание некая нестыковка в том, что, согласно одному утверждению, виновных установить не удалось, а согласно другому — применение силы носило законный характер. Кроме того, с трудом верится, согласно первому утверждению, что личности нападавших в масках не удалось установить — как будто бы у Назрановской полиции принято допускать на закрытую территорию неизвестных в масках и позволять им беспрепятственно проводить какие-то действия.

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ

Очень высокий уровень безнаказанности за нарушения прав человека на Северном Кавказе уже давно вызывает серьезную тревогу; о нем свидетельствуют многочисленные решения Европейского суда по правам человека, причем многие из них вынесены по делам о нарушениях, совершенных более десяти лет назад.¹³⁵ Непроведение органами Прокуратуры и следствия эффективных проверок и расследований в отношении всех, за исключением одного, дел, описанных в настоящем докладе, указывает на то, что за последние годы никаких улучшений в этой области не произошло. По всей видимости, это можно объяснить как отсутствием политической воли к проведению эффективных расследований, так и рядом объективных трудностей со сбором достаточного объема доказательств. И хотя подобные трудности действительно имеют место, по всей видимости, представители следствия и Прокуратуры зачастую используют их как дымовую завесу: они могли бы достичь большего, если бы подробно прорабатывали все возможные версии и более тщательно и критично допрашивали сотрудников правоохранительных органов, потенциально причастных к предполагаемым нарушениям прав человека.

Как и в других юрисдикциях, основная ответственность по надзору за соблюдением законности и гарантии правовой защиты в случаях нарушений прав человека возлагается на Прокуратуру. Ее функции включают в себя надзор за исполнением законов и соблюдения прав человека государственными органами и должностными лицами, в том числе органами, осуществляющими правоохранительные функции и оперативно-розыскную деятельность, администрациями пенитенциарных учреждений, а также уголовное преследование и координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.¹³⁶ Прокуратура рассматривает сообщения о нарушениях прав человека, в том числе жалобы от частных лиц, и «принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба».¹³⁷

До 2011 года Прокуратура отвечала как за расследование предполагаемых преступлений, в том числе нарушений прав человека сотрудниками правоохранительных органов, так и уголовное преследование их в судах. В январе 2011 года Следственный комитет — орган, отвечавший за расследование тяжких преступлений — стал полностью независимым (ранее, с момента своего создания в 2007 году, он действовал автономно как часть Прокуратуры). На сегодняшний день разделение следственной и прокурорской функций, по-видимому, не способствовало каким-либо заметным улучшениям по части эффективности уголовного расследования нарушений прав человека на Северном Кавказе.

Прокуратура обязана реагировать как на непосредственные заявления о преступлениях от потерпевших, так и на другие сообщения или признаки совершения преступления, о которых ей становится известно.¹³⁸ Прокурор обязан проинформировать заявителей о результатах их жалоб, мотивируя свое решение. Если Прокуратура считает, что существуют достаточные основания для подозрений в

совершении преступления, она обращается в Следственный комитет с запросом о возбуждении уголовного дела.¹³⁹

Прокуратура не может напрямую обязать Следственный комитет возбудить уголовное дело либо не допустить его прекращения или приостановки, хотя она может отменить решение следователя не возбуждать дело, направив материалы вышестоящему сотруднику Следственного комитета, чье решение затем становится окончательным.¹⁴⁰ Частные лица также могут обращаться с жалобами в Следственный комитет и полицию. Жалоба должна официально регистрироваться, а заявителю должны своевременно сообщить о принятых по ней решениях и мерах. В итоге все внушающие доверие жалобы на серьезные преступления должны попадать в Следственный комитет для тщательного расследования.

Основаниями для приостановления и прекращения уголовного дела следователем могут служить отсутствие события преступления (например, в случае обвинения о пытках, если установлено, что сотрудники правоохранительных органов законно применяли силу), невозможность установить виновных, истечение срока давности преступления либо смерть подозреваемого.¹⁴¹

По завершении следствия прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело. Прокурор принимает решение — либо утвердить обвинительное заключение для передачи дела суд, либо вернуть дело следователю на доследование, изменения формулировки обвинения или устранения выявленных недостатков.¹⁴² Кроме того, Прокуратура может не согласиться с решением следствия о закрытии дела или его приостановке, и запросить возобновление следствия по прекращенному делу.

Как и прочие органы федерального подчинения, Прокуратура и Следственный комитет также имеют подразделения федерального, регионального и местного уровня. В принципе, первоначально дела находятся в ведении местных прокуроров и следователей, но они также могут передаваться в производство должностным лицам на уровне федерального округа или в федеральный центр, либо последние могут сами забрать дело в производство, хотя критерии при этом не всегда ясны.

Еще одной характерной особенностью российской системы уголовного правосудия (и это особенно важно для Северного Кавказа) является то, что Прокуратура и Следственный комитет подразделяются на гражданскую и военную структуры. В то время как первые уполномочены расследовать преступления, совершенные гражданскими лицами, в том числе должностными лицами и сотрудниками большинства правоохранительных органов, лишь вторые вправе расследовать и привлекать к уголовной ответственности виновных в преступлениях из числа военнослужащих и сотрудников ФСБ.

На деле же большинство лиц, чьи права оказались нарушены, и их родственники подают заявления и жалобы во все соответствующие ведомства, в том числе органы внутренних дел, Следственный комитет, Прокуратуру (на всех уровнях), а также руководству Ингушетии и, нередко, Президенту Российской Федерации.

Приведенные в настоящем докладе случаи раз за разом демонстрируют, что, как правило, жалоба, попадая в систему, проходит ряд инстанций, и при этом ни одно из них, по-видимому, не берет на себя ответственность настоять на эффективном расследовании либо провести таковое.

Органы федерального уровня снимают с себя ответственность, спуская жалобы вниз региональным прокурорам и следователям, а те, в свою очередь, отправляют их местным коллегам. В рамках Прокуратуры и следственных органов жалобы зачастую перенаправляются друг другу соответствующими гражданскими и военными структурами, как это происходило в случаях с предполагаемыми насильственными исчезновениями Исраила Торшхоева, Илеза Даурбекова и Алисхана Кузикова. Складывается впечатление, что в ходе проверки и следствия они в лучшем случае задают формальные вопросы правоохранительным органам в рамках соответствующих полномочий, и получают в ответ формальное отрицания причастности к расследуемым событиям. После долгого перекалывания ответственности по цепочке, соответствующее ведомство (как правило, местного уровня) в конце концов отвечает заявителям, что уголовное производство по делу приостановлено, прекращено либо не открыто вообще. Иногда недоумевающие и раздосадованные жертвы нарушений прав человека называют этот процесс «пинг-понгом»: как правило, он длится несколько месяцев, а порой даже лет, в течение которых несобранные доказательства исчезают, а перспектива эффективного расследования, и без того небольшая, становится еще более иллюзорной.

Официальная реакция на нарушения прав человека, описанные в настоящем докладе, обычно соответствует одному из следующих сценариев: в ответ на заявления о пытках, как правило, сообщается, что по итогам предварительной проверки принято решение не возбуждать уголовное дело за отсутствием признаков или состава преступления; родственникам насильственно исчезнувших лиц как правило в итоге сообщают, что следствие по делу приостановлено за невозможностью установить личности виновных; тем, кто подает заявления с требованием проверить подозрения о том, что их близкие стали жертвами внесудебной казни, сообщают, что следствие по соответствующему эпизоду прекращено по причине смерти подозреваемого (под которым имеется в виду сама предполагаемая жертва возможной внесудебной казни).

Действия или бездействие любого компетентного государственного органа, включая Следственный комитет и Прокуратуру, можно обжаловать в суде. Теоретически, это важная мера правовой защиты. Однако по опыту многих потерпевших, она является естоль же неэффективной, как и предшествующее расследование или проверка. В целом ряде случаев, о которых рассказывается в настоящем докладе, потерпевшие и их родственники пытались опротестовать решения прокуроров и следователей в суде. В некоторых случаях суды удовлетворяют ходатайства о возобновлении приостановленного либо прекращенного следствия по делу. Однако чаще всего суд соглашается с мнением следователя или прокурора, принявшего решение не продолжать расследование. В свою очередь, это решение можно обжаловать в суде более высокой инстанции. Для жертв нарушений прав человека это длительный и тяжелый процесс. Конечный результат даже в случаях, когда выносится решение о возобновлении расследования, нередко остается тем же. Поэтому многие

отказываются от дальнейших действий и не обращаются в суд, если в их планы не входит довести дело до Европейского суда по правам человека.¹⁴³

ДЕЛО ИБРАГИМА ГАЗДИЕВА

Как сообщалось, Ибрагим Газдиев подвергся силовому захвату в Карабулаке 8 августа 2007 года на глазах у соседей. Вооруженные люди в камуфляжной форме увезли его в неизвестном направлении, и с тех пор его не видели. Власти отрицали, что удерживают его либо что они причастны к его похищению. 10 августа 2007 года его отец Мухмед Газдиев встретился с Президентом Ингушетии Муратом Зязиковым (который, по совпадению, являлся его бывшим учеником), и тот пообещал помочь найти Ибрагима. Как рассказал Мухмед Газдиев, из слов Мурата Зязикова он понял, что его сына удерживают сотрудники правоохранительных органов, и отпустят того после допроса. Тем не менее, судьба и местонахождение Ибрагима Газдиева так и остались неустановленными.

По факту его исчезновения было возбуждено уголовное дело, но затем следствие было прекращено, возобновлено, и вновь прекращено за невозможностью установить виновных. Мухмед Газдиев неоднократно обжаловал решение о прекращении дела в суде и настаивал на вызове Мурата Зязикова для дачи показаний об известных ему обстоятельствах исчезновения его сына. Сотрудники следственных органов утверждали, в том числе на встречах с Amnesty International, что все возможные следственные действия по исчезновению Ибрагима Газдиева были исчерпаны — за исключением одной. Несмотря на попытки, следствие так и не смогло допросить Мурата Зязикова, поскольку его статус как советника президента Российской Федерации освобождал его от обязанности являться для дачи показаний по повестке следователя. В ноябре 2010 года в Магасском районном суде состоялось заседание, на котором Мухмед Газдиев вновь попытался опротестовать решение властей о прекращении уголовного дела по факту исчезновения его сына. На этом заседании также присутствовали делегаты Amnesty International. В ходе заседания представитель Следственного комитета заявил, что все версии и возможные следственные действия исчерпаны. Он также утверждал, что нет необходимости допрашивать бывшего Президента Ингушетии Мурата Зязикова, поскольку у следствия уже имеются достаточные показания свидетелей, данные рядом высокопоставленных ингушских должностных лиц. Представитель Прокуратуры зачитал краткое заявление, которое соответствовало позиции следствия. Судья отклонил ходатайство Мухмета Газдиева о возобновлении дела. 11 января 2011 года Верховный суд Республики Ингушетия оставил это решение в силе.

Препятствия на пути эффективного расследования нарушений прав человека

Секретность спецопераций и анонимность проводящих их сотрудников правоохранительных органов

Одним из наиболее существенных препятствий, с которыми сталкиваются следователи, является секретный характер спецопераций, а также сокрытие личности и ведомственной принадлежности сотрудников силовых структур, участвующих в них. Почти все предполагаемые случаи нарушений прав человека, приведенные в настоящем докладе, совершались неустановленными вооруженными людьми, причем имеются веские основания считать, что они являлись сотрудниками тех или иных силовых структур. Не вызывает сомнения, что сотрудники правоохранительных органов систематически скрывают свои личности и ведомственную принадлежность, часто передвигаются на машинах без опознавательных знаков, задерживают людей и обыскивают частные дома, никак не представляясь и не давая никаких объяснений. Тот факт, что личности предполагаемых виновных установить невозможно, по крайней мере невозможно для потерпевших и потенциальных свидетелей, упрощает отрицание со стороны правоохранительных органов какой-либо причастности к расследуемым событиям, а следователям дает возможность принять на веру их отрицание, как это описано выше.

Европейский кодекс полицейской этики (документ, принятый Комитетом министров Совета Европы, а, следовательно, относящийся и к России) гласит: «Сотрудники полиции при проведении своих операций, как правило, должны иметь возможность продемонстрировать свою принадлежность к составу полиции и свой профессиональный статус».¹⁴⁴ Комментарий к этой рекомендации подчеркивает, что это требование тесно связано с необходимостью гарантировать ответственность сотрудников правоохранительных органов за действия и упущения с их стороны, поскольку без возможности установить конкретного сотрудника полиции «личная ответственность становится, с точки зрения общественности, пустыми словами». В комментарии также отмечено, что «идентификация кого-либо из сотрудников полиции не обязательно предполагает разглашение его имени», а также подчеркивается необходимость обеспечить баланс между интересами общественности и безопасностью сотрудников полиции.¹⁴⁵

В Кодексе полицейской этики не отрицается, что в определенных случаях могут иметься законные причины для применения особых мер защиты. К примеру, в условиях опасной обстановки на Северном Кавказе сотрудники правоохранительных органов, ведущие борьбу с незаконными вооруженными формированиями, зачастую рискуют жизнью в ходе профессиональной деятельности. Этот принцип может применяться к сокрытию личностей отдельных сотрудников полиции в определенных, строго оговоренных обстоятельствах. Однако полное отсутствие какого бы то ни было отличительного знака, например, нагрудного жетона с индивидуальным номером или эмблемы ведомства, к которому принадлежит данный сотрудник, оправдать крайне сложно, равно как и систематическое применение данной меры, ставшей, по сути, пропуском к безнаказанности.

Эти защитные меры должны применяться лишь в строго ограниченных чрезвычайных обстоятельствах. В противовес им необходимы надежные и эффективные механизмы подотчетности, которые гарантируют полное соблюдение прав человека и законности сотрудниками, которые прибегают к таким мерам. Таким образом, даже если в исключительных обстоятельствах возникает необходимость скрыть личности некоторых сотрудников правоохранительных органов для целей конкретной операции, должна действовать система, которая позволяет следователям установить в последствии их личности в случае поступления жалоб на нарушения прав человека. По всей видимости, ни в Ингушетии, ни в других республиках Северного Кавказа такая система не функционирует. В силу этого сотрудники Прокуратуры, осуществляющей надзор за законностью в ходе силовых операций, а также Следственного комитета, ответственного за расследование сообщений о нарушениях, регулярно заявляют, что не располагают информацией о фактах проведения соответствующих операций, и создается впечатление, что у них нет возможности установить, кем они проводились, на основе записей о мероприятиях предположительно задействованных ведомств — по крайней мере на основе тех записей и документов, к которым, как представляется, у них есть доступ.

Секретный характер спецопераций частично основан на положениях российского законодательства. Правоохранительные органы наделены значительными полномочиями, а ряд законов и подзаконных актов ограждает их от общественного контроля,¹⁴⁶ — например, нормативно-правовые акты, регулирующие оперативно-розыскную деятельность и контртеррористические операции. Согласно закону «Об оперативно-розыскной деятельности», такие мероприятия включают в себя негласные операции, проводящиеся соответствующими органами ФСБ, МВД, внешней разведки и рядом других ведомств с целью, помимо прочего, расследования и предупреждения преступлений и выявления виновных, добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности. В частности, статья 12 классифицирует как государственную тайну сведения, относящиеся к силам, средствам, методам, а также организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий. Статья 5 закона «О государственной тайне» относит к этой категории «сведения... в области противодействия терроризму». Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, уполномочены использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, их ведомственную принадлежность, а также, помимо прочего, принадлежность используемых ими транспортных средств.¹⁴⁷

Прочие законы, регулирующие структуру, функции и деятельность конкретных правоохранительных органов, также предоставляют их сотрудникам дополнительные полномочия и права. Так, закон «О Федеральной службе безопасности» предоставляет ее сотрудникам защиту государства при исполнении служебных обязанностей и исключает возможность их обыска, в том числе обыска используемого ими транспорта (статья 17).

Вместе с тем, законы, регулирующие деятельность по противодействию терроризму, обеспечению безопасности и сбору оперативных данных, включают лишь краткие и довольно расплывчатые описания механизмов подотчетности и контроля над органами, ведущими эту деятельность. Например, статья 20 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» гласит:

«Контроль за оперативно-розыскной деятельностью осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации в пределах полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами».

В свою очередь, Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» практически слово в слово повторяет эту формулировку (статья 23) за исключением того, что в нем после правительства также упоминаются судебные органы и добавляется, что депутаты российского парламента вправе получать сведения о деятельности органов федеральной службы безопасности «в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации».

Оба закона включают несколько более подробные статьи, относящиеся к прокурорскому надзору за соответствующей деятельностью и органами. Его механизмы и параметры подробнее описаны в ряде подзаконных актов, например, в данном случае в Указании Генеральной прокуратуры РФ от 18 апреля 2002 года № 20-27/10.¹⁴⁸ Согласно этому документу, уполномоченный прокурор вправе проверять законность действий сотрудников ФСБ, а также «принимать меры к устранению выявленных нарушений закона» и привлечению к ответственности виновных сотрудников ФСБ (пункт 4). Однако это же указание, а также вышеупомянутые федеральные законы подчеркивают ограниченные полномочия Прокуратуры при таких проверках. Так, указание предусматривает, что «сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления контрразведывательной и разведывательной деятельности органов федеральной службы безопасности в предмет проверок не входят» (пункт 2).¹⁴⁹

Эффективное расследование дел, в которых подозреваются сотрудники таких влиятельных и порой действующих негласно служб, неизбежно натывается на ряд препятствий, и одна из первых задач при этом — выяснить, сотрудники какого именно правоохранительного ведомства предположительно участвовали в расследуемых событиях. Сотрудники таких структур зачастую пользуются — в том числе необоснованно — возможностью скрывать свою личность и ведомственную принадлежность, и принадлежность используемых ими транспортных средств. Если силовое ведомство заявляет о своей непричастности к определенной спецоперации либо отрицает осведомленность о ней, то нередко у следователя зачастую остается мало возможностей для исследования правдивости соответствующего заявления,¹⁵⁰ — если конечно нет дополнительных убедительных улик, указывающих на причастность этого ведомства. Нередко обоюдным приемлемым исходом таких дел становится прекращение следствия в связи с «невозможностью установить» лиц, причастных к преступлению.

Отсутствие независимых свидетелей

Многие нарушения прав человека, о которых рассказывается в настоящем докладе, расследовать трудно по определению. Во многих случаях помимо самого потерпевшего и предполагаемых виновных, как правило «неустановленных», других свидетелей события нет. В случаях насильственных исчезновений и подозрений о применении внесудебной казни сами предполагаемые потерпевшие отсутствуют без

вести либо мертвы, а нашедшиеся жертвы похищения скорее всего провели все время в неволе с завязанными глазами. Поэтому у следователей практически нет улик, которые они могли бы предъявить, если силовые структуры отрицают свою причастность к инциденту. Однако нельзя констатировать полное отсутствие улик во многих случаях, приведенных в настоящем докладе. Напротив, главной причиной включения их в документ стало то, что нередко имелись свидетели хотя бы некоторых эпизодов из цепи событий, составивших соответствующие предполагаемые нарушения, чьи показания, наряду с прочими обстоятельствами дела, со значительной степенью вероятности указывают на возможную причастность к произошедшему сотрудников правоохранительных органов.

Одной из главных трудностей является то, что свидетели зачастую боятся давать показания следственным органам или суду, не желая идти на большой личный риск. Представителям Amnesty International не раз давали понять, что свидетели не готовы выступить открыто из-за страха мести в связи с предполагаемыми насильственными исчезновениями (например, в делах Илеза Даурбекова и Алисхана Кузикова, или Илеза Горчханова), возможными внесудебными казнями (например, дело Мустафы Муцольгова и Вахи Сапралиева) и другими случаями с предположительным участием сотрудников силовых структур.

Свидетели, готовые дать показания, нередко либо жалуются на запугивание со стороны неких «силовиков», либо свою позицию не поясняют, но даже в отсутствие жалоб с их стороны возникают подозрения, что свидетели напуганы, когда они позже отказываются от своих показаний. Например, в описанном выше деле Зелимхана Читигова, мать потерпевшего жаловалась на поступавшие в ее адрес угрозы. Как сообщалось, некая неизвестная женщина предостерегла ее, что она пожалеет, если даст показания в суде против одного из подсудимых, и что ей лучше «подумать об [остальных] своих детях». Несмотря на эту и предыдущие угрозы, мать Зелимхана Читигова выступила на судебном заседании в качестве свидетельницы. При этом, как сообщил представитель правозащитной организации «Гражданское содействие», посетивший это судебное заседание в начале октября 2011 года, из 13 человек, признанных потерпевшими по этому делу против двоих сотрудников правоохранительных органов, имеемо на это заседание в суд явилась только сторона Зелимхана Читигова. Несколько человек отозвали свои жалобы.¹⁵¹ Сообщалось, что позже на судебном заседании другие свидетели обвинения давали показания, противоречащие предыдущим — весьма возможно, по причине страха.¹⁵²

Люди весьма редко открыто жалуются на угрозы со стороны сотрудников правоохранительных органов. Эту проблему подчеркнул Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров в интервью СМИ в сентябре 2011 года. В ответ на вопрос журналиста о том, почему никого из сотрудников правоохранительных органов не привлекли к ответственности за такие нарушения прав человека, как насильственные исчезновения и пытки, Евкуров упомянул нежелание людей подавать официальные жалобы, поскольку, как они ему объяснили, они сами опасались стать жертвами насильственных исчезновений.¹⁵³ При этом он добавил, что люди также не хотят «поднимать шум», зная, что их исчезнувшие родственники замешаны в деятельности незаконных вооруженных формирований. Возможно, это последнее объяснение в ряде случаев соответствует действительности. Тем не менее, состояние

потерпевших и их родственников, боящихся прямой мести со стороны «силовиков», в ходе бесед с представителями Amnesty International проявлялось как искренний и оправданный страх. Например, сторонний наблюдатель может предположить, что неустановленные сотрудники силовых структур возможно избили Магомеда Муцольгова в декабре 2011 года с целью заставить его родственников прекратить попытки добиться расследования подозрений о возможной внесудебной казни Мустафы Муцольгова (см. выше). Кроме того, страх мести характерен и для тех свидетелей, среди родственников которых нет предполагаемых участников незаконных вооруженных формирований.

Дело Магомеда Горчханова и Аслан-Гири Коригова (см. выше) — яркий пример такого опасения. Родственники Магомеда Горчханова получили видеозапись, на которой было запечатлено похищение двух молодых мужчин сотрудниками правоохранительных органов. Запись подбросил неизвестный очевидец, сам не являвшийся участником операции (видео снято на мобильный телефон с некоторого расстояния из укрытия, место которого удалось установить делегатам Amnesty International). Телефонная карта памяти с видеозаписью находилась в конверте без подписи и была оставлена у порога дома семьи Магомеда Горчханова.

Российское законодательство предусматривает возможность принятия мер государственной защиты в отношении свидетелей. Меры защиты варьируются от присутствия вооруженного сотрудника полиции до временного помещения в безопасное место и выдачи нового комплекта документов, удостоверяющих личность.¹⁵⁴ Представитель Следственного комитета в Ингушетии сообщил делегатам Amnesty International, что эти меры государственной защиты много раз применялись в отношении сотрудников правоохранительных органов, однако, насколько ему известно, никогда не запрашивались свидетелями в Ингушетии, даже несмотря на то, что свидетели всегда ставятся в известность о возможности предоставления такой защиты.¹⁵⁵ Amnesty International известно, что мать Зелимхана Читигова попросила о предоставлении ей государственной защиты в качестве свидетеля, но получила отказ со стороны судьи (правда, это имло место уже после встречи представителей организации со Следственным комитетом). Тем не менее, независимо от того, известно общественности об этой возможности или нет, многие с недоверием относятся к мерам государственной защиты, поскольку их обеспечивают правоохранительные органы, представители которых сами могут иметь отношение к расследуемым инцидентам, либо которые тесно сотрудничают с другими силовыми ведомствами. Это недоверие особенно сильно, когда шансы успешного завершения уголовного преследования по делу невелики.

Недостаточная независимость сотрудников следствия и Прокуратуры

Случаи, приведенные в настоящем докладе, а также другие случаи из республик Северного Кавказа, о которых сообщала Amnesty International и другие правозащитные НПО за последние десять лет, показывают, что расследования нарушений, в которых подозреваются сотрудники правоохранительных органов, задействованные в спецоперациях и деятельности по противодействию терроризму, а также их уголовное преследование почти всегда неэффективны. Ряд причин тому изложен выше. В их числе объективные трудности с преодолением многоуровневой секретности, установление личностей сотрудников правоохранительных органов и их

ведомственной принадлежности, а также получение показаний свидетелей. Однако следователи теоретически могут преодолеть эти трудности, по крайней мере в некоторых, если не во всех случаях. Поэтому крайне сложно не прийти к выводу о том, что в большинстве случаев сотрудники прокуратуры и следствия не склонны проводить эффективные и беспристрастные проверки и расследования, и привлекать к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в нарушениях прав человека.

Несмотря на формальную независимость обоих органов, Следственный комитет и Прокуратура тесно сотрудничают с правоохранительными органами в ходе борьбы с преступностью, по крайней мере, в том, что касается противодействия незаконным вооруженным формированиям. Трудно надеяться на беспристрастность, когда поступают жалобы на коллег. Учитывая, что независимых источников информации мало; свидетели, как правило, не готовы давать показания; спецоперации носят секретный характер, а система выстроена так, чтобы личности участников спецопераций и их ведомственную принадлежность установить было невозможно, у следователей практически всегда могут найтись основания, чтобы отказать в возбуждении дела, либо приостановить или прекратить следствие, а у сотрудников Прокуратуры – не ставить под вопрос их решение. Действительно, именно это, судя по всему, и наблюдается почти во всех известных случаях предполагаемых нарушений прав человека, в совершении которых подозреваются сотрудники правоохранительных органов в Ингушетии.

Рассказы потерпевших о случившемся и предположения о том, кто мог в этом участвовать, можно отвергнуть именно на этом основании — как предположения и домыслы, а не «факты». Это неизменно предлагает для следствия простой, а также безопасный, исход. Подобные «выводы» не вызовут конфликта с другими государственными структурами, часть из которых в реальности представляется более влиятельной, чем Следственный комитет и Прокуратура, в силу имеющихся у них полномочий и средств защиты своих сотрудников. Добрым отношениям с нужными партнерами в таком случае ничто не повредит, и можно будет избежать негативной огласки в СМИ. Личные отношения между профессиональными коллегами, возникновение которых неизбежно в столь маленькой республике, также не пострадают.

Дело Рашида Оздоева — показательный пример как глубины ведомственной солидарности в системе уголовного правосудия на Северном Кавказе, так и опасности, с которой сталкиваются отдельные представители системы, решившиеся пойти против нее.

ДЕЛО РАШИДА ОЗДОЕВА

Рашид Оздоев, которому во время описываемых событий было 27 лет, работал заместителем прокурора Республики Ингушетия и занимался надзором за деятельностью правоохранительных органов. По словам его отца Бориса Оздоева, Рашида глубоко возмущали нарушения, предположительно совершенные силовиками, в том числе насильственные исчезновения и незаконные убийства, о которых ему стало известно в ходе работы. Он составил досье на ФСБ по Республике Ингушетия и направил его ингушским и федеральным властям, в том числе Генеральному прокурору Российской Федерации. Судя по всему, Рашида Оздоева неоднократно

предупреждали об опасности этой затеи, но он отмахивался от предупреждений, настаивая, что его профессиональный долг — бороться с подобными нарушениями. В начале марта 2004 года он находился в Москве и, пользуясь этой возможностью, отнес свое заявление и досье в центральный аппарат ФСБ и депутату Государственной Думы. В последний раз коллеги видели Рашида Оздоева 11 марта 2004 года в городе Магасе (столица Ингушетии), откуда он отправился на своем автомобиле домой в Малгобек. Родственники Рашида с тех пор его больше не видели.

По свидетельствам очевидцев, которых позже удалось разыскать ингушскому судье в отставке Борису Оздоеву, в тот вечер неподалеку от заправочной станции в Верхних Ачалуках (расположенной по дороге на Малгобек) автомобиль ехавшего домой Рашида был заблокирован тремя машинами. 15 марта было возбуждено уголовное дело по статье 126 Уголовного кодекса («Похищение человека»), однако в первые — самые важные дни — эффективного расследования так и не проводилось. Сообщалось, что машину Рашида Оздоева видели на территории ФСБ в Магасе, однако уже на следующий день после требования его отца об официальном досмотре территории следователем машина исчезла — до того, как прибыл следователь. Кроме того, следователь так и не затребовал официальный журнал регистрации въезда в выезда на территорию ФСБ в Магасе. После многократных требований со стороны Бориса Оздоева о проверке журнала, спустя несколько месяцев он получил письмо от главы ФСБ Ингушетии, в котором говорилось, без каких либо объяснений, что все записи за 11 марта 2004 года уничтожены.

Борис Оздоев провел собственное расследование, которое вывело его на местного сотрудника ФСБ. Тот признался в присутствии старейшин, что участвовал в похищении Рашида Оздоева в составе подразделения ФСБ. Аудиозапись его показаний была передана в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и в местные следственные органы. Однако сотрудник ФСБ, чьи показания содержались на аудиозаписи, отказался от своих слов на официальном допросе. Борис Оздоев рассказал, что он направил копию аудиозаписи в на экспертизу за пределами Ингушетии для установления ее подлинности. Несколько месяцев спустя ему сообщили, что копия утеряна, и что найти ее не представляется возможным. Борис Оздоев быстро отправил еще одну копию, но позже ему сообщили, что произошла ее «размагнитизация», и запись, содержащаяся на ней, не воспроизводится.

27 мая 2004 года независимое российское издание «Новая газета» опубликовало копию письма, предположительно подлинного и, по-видимому, официально зарегистрированного под входящим номером от 12 апреля 2004 года. Письмо было адресовано Генеральному прокурору Российской Федерации и подписано «Онищенко Игорь Н.». Автор письма утверждал, что являлся сотрудником ФСБ и ранее служил в Ингушетии, где участвовал в преступлениях по распоряжению начальства, в том числе в пытках 50 человек и убийстве 35.¹⁵⁶ Он также упомянул, что последней жертвой похищения и пыток с его участием стал «местный прокурор», собравший досье на главу ФСБ Ингушетии. Автор объяснил свои признания тем, что его мучает совесть. Позже Заместитель генерального прокурора публично опроверг эти утверждения, заявив, что по данным ФСБ, такого сотрудника не существовало в природе.

В письме, полученном Amnesty International в мае 2004 года, Прокурор Ингушетии заверил организацию, что следствие отработывало несколько версий произошедшего, в том числе версию о связи предполагаемого насильственного исчезновения Рашида Оздоева с его профессиональной деятельностью. Согласно письму, отправленному Генеральной прокуратурой 1 марта 2005 года в адрес Amnesty International, расследование «обстоятельств исчезновения» Рашида Оздоева еще продолжалось. Прошло много лет; дело так и остается нераскрытым.

Некоторые препятствия на пути беспристрастных расследований теоретически можно было бы ослабить, предусмотрев автоматическую передачу производства по соответствующим делам на федеральный уровень – следователям и прокурорам, которым не приходится изо дня в день работать с сотрудниками правоохранительных органов в северокавказских республиках. Иногда это и происходит, если дело становится предметом особого внимания, либо если где-то в системе возникает запрос на положительный результат.¹⁵⁷ Однако как показывают приведенные в данном докладе случаи, чаще всего этого не происходит. На встрече с делегатами Amnesty International в июне 2011 года представители центрального аппарата Следственного комитета в Москве не подтвердили, что существуют какие-либо четкие критерии для автоматической передачи дел «наверх», помимо особой важности дела. Однако трудно представить более важные дела, чем те, о которых рассказывается в настоящем докладе: с точки зрения и потерпевшего, и репутации российской системы уголовного правосудия, и долгосрочной стабильности в регионе. Все дела о предполагаемых грубых нарушениях прав человека, которые сами по себе являются тяжкими преступлениями, должны, в порядке строгих правил, передаваться в производство следователям и прокурорам на федеральный уровень. И то, сколь редки такие случаи, может рассматриваться как свидетельство отсутствия на высоком уровне в системе Следственного комитета и Прокуратуры политической воли к искоренению безнаказанности за грубые нарушения прав человека на Северном Кавказе. В тоже время без решимости добиться этого, сложившаяся система будет продолжать давать сбой.

Официальное признание проблемы безнаказанности за нарушения прав человека

Этот доклад является попыткой показать, в силу каких причин российская система уголовного правосудия склонна принимать отрицание причастности либо подтверждать версию событий, представленную возможными виновными в грубых нарушениях прав человека со стороны сотрудников силовых структур Ингушетии. Как следствие, возможность для нарушения закона со стороны сотрудников правоохранительных органов открыта, поскольку существует осознание того, что такие правонарушения остаются нераскрытыми, и наказания не следует. Создается впечатление, что в Ингушетии, как и по всему Северному Кавказу, отрицание вины на девять десятых определяет исход дел.

Однако время от времени высокопоставленные должностные лица признают изъёны сложившейся системы, подчас достаточно откровенно. В числе наиболее критических замечаний последних лет — выступление Заместителя генерального прокурора Ивана Сыдорука, курирующего деятельность правоохранительных органов на Северном

Кавказе, на заседании Комитета по правовым и судебным вопросам Совета Федерации 25 сентября 2010 года. Как сообщалось с СМИ, он заявил о «крайне сложной» обстановке на Северном Кавказе, следствием чего стал четырехкратный рост преступности в регионе. Он говорил о проявлениях халатности и коррупции со стороны милиции и военных, а также трусости и предательства. Как сообщалось позже, на следующий день он попытался придать несколько иное значение сказанному, и частично отозвать некоторые из своих заявлений.¹⁵⁸

По сообщениям, Генеральный прокурор Юрий Чайка тоже ставил вопрос о значительных проблемах, связанных с расследованием преступлений на Северном Кавказе на межведомственном совещании руководителей правоохранительных органов, состоявшемся в Ессентуках в феврале 2010 года. Как сообщалось, он осудил укоренившуюся коррупцию в правоохранительных органах, многочисленные нарушения в ходе расследований и утаивание нераскрытых преступлений (он упомянул 260 таких случаев в Ингушетии, когда, по его словам, дела были незаконно списаны в архив под предлогом, что поступившая информация не подтвердилась). Неясно однако, входили ли в это число предполагаемые нарушения прав человека.¹⁵⁹

Особо откровенное признание недостатков в расследовании случаев насильственных исчезновений, незаконных задержаний и пыток прозвучало в письме руководителя Следственного управления по Чеченской Республике (на тот момент действовавшего при Прокуратуре) Виктора Леденева Министру внутренних дел республики от 17 августа 2010 года, а также в письме Заместителя прокурора Чеченской Республики Николая Хабарова от 11 марта 2011 года, полученных правозащитной организацией «Межрегиональный комитет против пыток».¹⁶⁰ В первом письме прозвучала резкая критика в адрес сотрудников МВД по Чеченской Республике в связи с их отказом сотрудничать с официальным следствием, отсутствием реакции с их стороны на официальные запросы работников Следственного комитета и ответы, в которых требуемая информация не предоставлялась. Автор второго письма жаловался на «проблему похищений людей и отсутствие... должного эффективного расследования», нарушения закона сотрудниками Следственного управления, неэффективное расследование похищений и даже осуждал «факты укрытия преступлений... непосредственно самими следователями».¹⁶¹

Хотя в этих письмах говорится о Чеченской Республике, многие упомянутые в них проблемы — например, неэффективное расследование преступлений, предположительно совершенных сотрудниками правоохранительных органов, отказ сотрудничать со следствием, без каких-либо последствий — по всей видимости, в равной мере относятся и к Ингушетии. Это следует из описанных в докладе примеров.

На встрече с делегатами Amnesty International в Москве сотрудники Следственного комитета признали, что непроведение расследований утверждений о насильственных исчезновениях представляет собой проблему, особенно на Северном Кавказе. Однако они не согласились с тем, что причина лежит в неэффективности расследований. Они указали на такие по их словам объективные трудности, как обстоятельства конфликта в Чечне несколько лет назад, когда поступало множество жалоб, но проводить эффективные расследования не представлялось возможным из-за опасной обстановки, невозможности утери важнейших улик и недоверия со

стороны местного населения (лишь последний из этих трех факторов относится к Ингушетии).¹⁶² При этом они согласились, что за насильственными исчезновениями могут стоять силовые структуры, и подтвердили, что эта версия всегда рассматривалась среди прочих.¹⁶³

В ответ на вопрос о конкретных примерах успешного расследования и уголовного преследования сотрудников правоохранительных органов, подозревавшихся в совершении преступлений в Ингушетии, сотрудники Следственного комитета привели один такой случай — дело Магомеда Евлоева, видного правозащитника и владельца независимого информационного сайта, известного резкой критикой тогдашнего ингушского руководства. Милиционеры задержали Магомеда Евлоева в аэропорту Магас 31 августа 2008 года. Его посадили в машину и увезли в неизвестном направлении. Позже в тот же день его привезли в больницу с огнестрельным ранением в голову, где он скончался, не приходя в сознание.¹⁶⁴ Одиннадцатого декабря 2009 года ингушского милиционера Ибрагима Евлоева (однофамильца, не не состоявший в родстве с погибшим) признали виновным в его убийстве по неосторожности и приговорили к двум годам лишения свободы (позже по итогам обжалования приговор был заменен на ограничение свободы).¹⁶⁵ Других примеров приведено не было. Amnesty International известно лишь еще об одном случае — деле Зелимхана Читигова (см. выше). Есть вероятность, что хотя бы один из причастных к пыткам Зелимхана Читигова из числа сотрудников правоохранительных органов, возможно, понесет наказание.

Такие эпизодические подтверждения со стороны официальных органов не равнозначны полновесному и необходимому признанию на высших уровнях Следственного комитета и Генеральной Прокуратуры, а в конечном итоге — и политического руководства Российской Федерации, того факта, что существующая безнаказанность за нарушения прав человека в Ингушетии и на Северном Кавказе недопустима и должна быть немедленно устранена.

Однако весной 2012 года на федеральном уровне произошло признание отсутствия эффективного расследования и проблемы безнаказанности в Российской Федерации в целом с связи со случаями пыток и других нарушений прав человека, в совершении которых подозреваются сотрудники полиции и других правоохранительных органов. 18 апреля пресс-служба Следственного комитета сообщила, что Председатель комитета Александр Бастрыкин принял решение о создании внутри Следственного комитета на федеральном уровне, на уровне всех федеральных округов (включая Северо-Кавказский федеральный округ), а также на уровне Москвы и Санкт-Петербурга новой структуры. Она призвана создать условия для расследования преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, чтобы следствие не зависело от потенциального влияния со стороны сотрудников этих органов на местном уровне. В частности, в отличие от случаев, когда расследуются иные преступления, полиция на местах не будет заниматься оперативным сопровождением расследований, проводимых сотрудниками этого отдела — во избежание предвзятости и конфликта интересов. Ожидается, что вместо этого оперативное сопровождение следствия будет осуществлять ФСБ.¹⁶⁶ Сообщалось, что это решение было принято в ответ на коллективное обращение со стороны ряда российских правозащитных организаций, занимающихся проблемой пыток.¹⁶⁷ На

момент подготовки доклада более подробные сведения отсутствовали, и оставался ряд вопросов относительно этого регения (в частности, согласно какой процедуре дела будут передаваться в эту структуру, и как будет обеспечиваться независимость нового отдела от ФСБ в случаях, когда среди возможных виновных в расследуемых преступлениях могут быть сотрудники ФСБ). Таким образом, об эффективности этой позитивной инициативы, ставшей результатом признания властями Российской Федерации проблемы нерасследуемых пыток, а также начала диалога с российским правозащитным сообществом, можно будет судить лишь после того, как ее потенциал будет продемонстрирован на практике.

Европейский суд по правам человека: последняя надежда на справедливость?

Учитывая, что российская система уголовного правосудия систематически не приводит к восстановлению справедливости в отношении тех, чьи права оказались нарушены сотрудниками правоохранительных органов в Ингушетии и других северокавказских республиках, многие потерпевшие обращаются в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), рассматривая его как последнее и единственное эффективное средство добиться судебной защиты нарушенных прав, хотя бы частично. Однако путь в Страсбург долог и сложен, и на сегодня лишь небольшое число подобных дел доходит до ЕСПЧ. По состоянию на 22 февраля 2012 года ЕСПЧ вынес решения всего по 10 делам из Ингушетии,¹⁶⁸ причем во всех случаях, полностью или частично, в пользу заявителей. Обстоятельства этих дел представляют собой убедительную хронику насильственных исчезновений, применения пыток сотрудниками правоохранительных органов, случаев смерти под стражей, в том числе внесудебных казней, и уклонения от расследования этих преступлений. Что касается других республик Северного Кавказа, по состоянию на 22 февраля 2012 года ЕСПЧ вынес решения по 184 делам, из которых почти все — за исключением одного — были в пользу заявителей.

Российские власти прилежно выплачивают потерпевшим компенсацию, присужденную ЕСПЧ. Однако Российская Федерация систематически не демонстрирует выполнения решений суда как в части создания эффективного подхода к расследованиям таких дел в целом,¹⁶⁹ так и в части индивидуальных мер, предписанных судом.¹⁷⁰

Продолжающаяся со стороны российских властей неспособность соблюсти требования эффективного расследования тех дел, где ЕСПЧ явным образом предписал сделать это, нашла отражение в одном из решений суда, касающегося двух дел из Чечни. 24 февраля 2005 года ЕСПЧ вынес решение в пользу заявителя по делу «Исаева против России»¹⁷¹. Жалоба касалась бомбардировки села Катыр-Юрт в Чечне российскими вооруженными силами в феврале 2000 года, когда были убиты 23-летний сын Зары Исаевой и три ее несовершеннолетние племянницы. Суд единогласно признал факт нарушения права на жизнь. Суд также установил, что российские власти не предоставили заявителю достаточных средств правовой защиты в российских судах и не провели эффективного расследования обстоятельств бомбардировки. 2 декабря 2010 года суд вынес решение по делу «Абуева и другие против России» (решение вступило в силу 11 апреля 2011 года) по жалобе в связи с той же бомбардировкой села Катыр-Юрт в феврале 2000 года. В этом решении суд

подтвердил выводы по делу Исаевой и вновь подчеркнул, что российские власти не расследовали должным образом этот инцидент и не обеспечили эффективных средств правовой защиты. Суд также отметил, что в период между двумя решениями по операции в Катыр-Юрте проводилось новое расследование, однако *«все основные изъяны следствия, отмеченные судом в решении от 2005 года, имели место и во второй раз»*.¹⁷² Суд также пришел к выводу о том, что *«государство-ответчик явно проигнорировало конкретные указания об эффективности расследования в решении суда, имеющего обязательную силу»*.¹⁷³ Суд заявил, что в этой связи в соответствии со статьей 46 Европейской конвенции о защите прав человека, возможно, потребуется проверка выполнения решений суда при содействии Комитета министров.¹⁷⁴

В свете дел о нарушениях прав человека, описанных в настоящем докладе, и решений ЕСПЧ по делам из Ингушетии, становится ясно, что систематическое несоблюдение требований эффективного расследования подобных дел имеет место не только в Чечне, но и в Ингушетии. Согласно решению ЕСПЧ по делу из Ингушетии «Вельхийев и другие против России», невозможность установить личности виновных в преступлении, приведенная российским властями в качестве причины прекращения следствия по уголовному делу, «можно объяснить только нежеланием со стороны органов уголовного преследования заниматься расследованием».¹⁷⁵

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нападения незаконных вооружённых формирований на должностных лиц и гражданское население несут реальную угрозу — как самой Ингушетии, так и другим северокавказским республикам в составе Российской Федерации. Государство обязано предотвращать и расследовать подобные нападения, бороться с ними и привлекать виновников к ответственности по закону. Однако ответные меры со стороны государства не должны ущемлять права человека.

Армейские операции и локальные спецоперации — основная модель поведения российских властей в ответ на возникающие угрозы, включая тайные операции против НВФ, их подозреваемых членов и сторонников, — характеризуются многочисленными нарушениями прав человека, в том числе насильственными исчезновениями, внесудебными казнями и пытками. Сотрудники правоохранительных органов неоднократно преступали закон и пренебрегали базовыми правами человека, в том числе правом на жизнь, игнорировали запрет на пытки и незаконные задержания и при этом практически всегда оставались безнаказанными.

В Ингушетии крайне неэффективно расследуются нарушения прав человека, представляющие собой тяжкие преступления, если в причастности к ним подозреваются сотрудники правоохранительных органов. Это соответствует тенденции, наблюдающейся на Северном Кавказе в целом. В ответ на жалобы потерпевших власти, как правило, не признают наличие веских оснований подозревать причастность должностных лиц к нарушениям либо не признают сам факт преступления — сколь бы убедительны ни были доказательства. В тех случаях, когда по факту сообщений о нарушениях прав человека уголовное дело всё же возбуждают, следствие неизменно проводится вяло и неэффективно, и в итоге расследование по делу прекращают либо приостанавливают. Личности виновников практически никогда не устанавливают, не говоря уже о том, чтобы привлечь их к ответственности. Их защищает система, которая без лишних вопросов соглашается с отказом сотрудников правоохранительных органов признавать свою причастность, с завесой секретности вокруг спецопераций, а также с правом скрывать личности и ведомственную принадлежность их участников.

Следователи сталкиваются с объективными трудностями при расследовании нарушений прав человека, к которым причастны сотрудники правоохранительных органов. Однако они зачастую и не проявляют заинтересованности в выяснении правды. Число предполагаемых насильственных исчезновений в Ингушетии год от года растёт и, по некоторым оценкам, превышает 200 случаев. И всё же ни одно из подобных дел так и не было раскрыто, даже те из них, где хотя бы некоторые факты можно легко установить в ходе официального расследования, например, выяснить подразделение, задержавшее лицо, которое после этого исчезло, как произошло в случае Исраила Торшхоева.

Лица, чьи права нарушили сотрудники правоохранительных органов Ингушетии — те из них, кто проявил смелость и решимость добиваться правосудия вопреки давлению и запугиванию, с которыми они сталкиваются, как только подают жалобу — оказываются в порочном круге несправедливости. Все рассказы, собранные Amnesty

International в ходе исследовательских поездок в Ингушетию, различны. Но их объединяет одно — отказ в правосудии.

Принцип верховенства закона по всей России соблюдается слабо, а в тех случаях, когда речь идёт об охране правопорядка на Северном Кавказе, им почти всегда пренебрегают. Такая ситуация не просто недопустима, она идёт вразрез с обязательствами России в области прав человека. Высшее руководство Российской Федерации должно немедленно принять на себя обязательство по искоренению произвола, наказанию виновников и предоставлению потерпевшим средств судебной правовой защиты.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Властям Российской Федерации

Признание нарушений прав человека, их искоренение и возмещение ущерба

- Признать — публично и на самом высоком уровне — что в ходе спецопераций на территории Ингушетии, а также Северного Кавказа в целом, имели место нарушения прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов, в том числе деяния, являющиеся преступлениями согласно международному праву, включая насильственные исчезновения, тайные задержания, возможные внесудебные казни, пытки и другие виды жестокого обращения.
- Ясно выразить твердое намерение искоренить подобные нарушения и привлечь виновных к ответственности.
- С учетом приведенных ниже рекомендаций, разработать практическую и всестороннюю политику по искоренению таких нарушений, отражающую их категорическое неприятие, и опубликовать ее.
- Принести публичные извинения потерпевшим и их родственникам, предоставить им соответствующее эффективное возмещение вреда, включая — но не ограничиваясь этим — компенсацию за понесенные страдания, реабилитацию и установление истины в каждом случае.

Эффективность следствия

- В дополнение к принятию решения о создании в рамках Следственного комитета нового отдела по расследованию преступлений, в совершении которых подозреваются сотрудники правоохранительных органов, необходимо: (i) проследить за тем, чтобы он был сформирован быстро и должным образом обеспечен всеми необходимыми ресурсами, а также укомплектован независимыми, опытными и квалифицированными следователями, обладающими всеми необходимыми полномочиями и средствами, чтобы расследовать нарушения прав человека, в которых подозреваются сотрудники правоохранительных органов и военных ведомств, в том числе из числа сотрудников органов, обеспечивающих оперативное сопровождение следствия; (ii) принять соответствующие поправки к действующему законодательству.
- В кратчайшие сроки тщательно и беспристрастно расследовать все случаи, в которых, возможно, имели место насильственные исчезновения, тайные задержания, внесудебные казни, применение пыток и иных видов жестокого обращения, и в которых имеются веские основания подозревать возможную причастность сотрудников любых правоохранительных органов (включая

органов, обеспечивающих оперативное сопровождение следствия), в том числе случаи, когда ведомственная принадлежность виновных неясна.

- Следует издать и добиться исполнения четких инструкций (при необходимости приняв поправки к действующему законодательству) о том, чтобы в новый отдел Следственного комитета с целью скорейшего, тщательного и беспристрастного расследования передавались все дела, в которых, возможно, имели место насильственные исчезновения, тайные задержания, внесудебные казни, пытки и иные виды жестокого обращения, и в которых имеются серьезные основания подозревать причастность сотрудников любых правоохранительных органов (включая тех, которые обеспечивают оперативное сопровождение следствия), в том числе случаи, когда ведомственная принадлежность виновных изначально неясна.
- Необходимо проследить за тем, чтобы официальные заявления сотрудников правоохранительных органов об их непричастности к нарушениям прав человека проверялись следствием так же тщательно, как и любые иные обстоятельства дела, и не могли сами по себе являться основанием для отказа в возбуждении дела или его закрытия.
- В связи с тем, что беспристрастность сотрудников правоохранительной системы на местном уровне может вызывать вопросы, расследование следует вести таким образом, чтобы местных сотрудников не привлекали для оперативного сопровождения (и в прочих целях, связанных с расследованием и уголовным преследованием подозреваемых) ни при каких обстоятельствах.
- С появлением в структуре Следственного комитета нового отдела по расследованию преступлений, в совершении которых подозреваются сотрудники правоохранительных органов, обеспечить тем, кто стал жертвой преступлений, имевших место в прошлом, возможность инициировать пересмотр ранее не раскрытых дел.

Расследование гибели людей

- Обязать следственные органы в законодательном порядке расследовать все случаи гибели людей в ходе или в результате спецопераций или во время содержания под стражей – своевременно, тщательно, эффективно и беспристрастно, и в полном соответствии с Принципами ООН, касающимися эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней. Выводы о законности применения сотрудниками правоохранительных органов силы со смертельным исходом должны основываться на всестороннем и беспристрастном изучении всех имеющихся обстоятельств. Ни при каких обстоятельствах не следует полагаться только на рапорты сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в операции.
- Во всех случаях гибели людей в ходе или в результате спецопераций или во время содержания под стражей перед экспертизой, включающей вскрытие

тела, должен ставиться вопрос о причинах и характере смерти. Такую информацию родственники покойных должны получать автоматически, а не при условии признания их потерпевшими по делу, с внесением соответствующих поправок в Уголовно-процессуальный кодекс.

Меры, направленные на привлечение виновных к ответственности

- Пересмотреть все нормативные акты, основы политики и инструкции, имеющие отношение к засекречиванию и защите информации о личности сотрудников и о подразделениях, участвующих в контр-террористических операциях и оперативно-розыскных мероприятиях. Составить четкий, минимальный и исчерпывающий перечень обстоятельств и критериев, в соответствии с которыми допустимо прибегать к сокрытию личности сотрудника правоохранительных органов; этот перечень должен содержать недвусмысленные указания на то, что подобная практика ни в коем случае не может применяться для ухода от ответственности за нарушения прав человека.
- Добиться неукоснительного соблюдения требования о том, что любой сотрудник правоохранительных органов при выполнении таких правоохранительных задач, как проведение ареста, обыск и проверка документов должен носить ясно различимый нагрудный жетон с личным номером (либо иной отличительный знак), который позволял бы человеку, в отношении которого проводится соответствующие действия, и прочим очевидцам события точно знать, к какому ведомству тот принадлежит. Кроме того, такой отличительный знак должен позволить следователю установить личность его носителя в ходе официального расследования. Если подобные действия производит сотрудник в штатском, он должен предъявить человеку, в отношении которого применяется соответствующая мера, и прочим очевидцам события свое официальное удостоверение.
- Наделить следственные органы и Прокуратуру полномочиями запрашивать и беспрепятственно получать любые сведения, включая засекреченную информацию, которой располагают сотрудники правоохранительных органов, если это требуется для расследования сообщений о нарушениях прав человека.
- В отношении сотрудников, препятствующих следствию (в том числе посредством предоставления ложной информации, введения в заблуждение, угроз в адрес следователей или свидетелей, воспрепятствования расследованию при сборе доказательств), в зависимости от обстоятельств, принимать дисциплинарные или уголовные меры.

Защита заявителей и свидетелей

- Обеспечить отстранение от должностных обязанностей на время следствия и последующего разбирательства сотрудников правоохранительных органов, в отношении которых проводится проверка или следствие по сообщениям о

возможных насильственных исчезновениях, тайных задержаниях, внесудебных казнях и (или) пытках и иных видах жестокого обращения, – независимо от их ведомственной принадлежности, звания и занимаемой должности.

- В ходе предварительного следствия, во время суда и после него в течение всего времени, пока существует такая необходимость, обеспечивать надлежащую и эффективную защиту всем заявителям, свидетелям и экспертам, задействованным в деле и имеющим достаточные основания опасаться возможной мести или давления в связи с их ролью в процессе. Средства и уровень защиты должны быть соразмерны возможному максимальному риску.

Уголовное преследование и меры дисциплинарного взыскания

- Немедленно возбуждать уголовное производство в отношении сотрудников правоохранительных органов, которые подозреваются в совершении деяний, являющиеся преступлениями согласно международному праву (независимо от срока давности соответствующего события), включая подозрения о пытках, внесудебных казнях и насильственных исчезновениях, а также привлекать к ответственности руководителей, сознательно отдавших приказ, повлекший за собой такие нарушения, либо допустивших халатность в тех случаях, когда им было известно либо должно было быть известно о противоправных действиях подчиненных.
- Эффективно обеспечить, чтобы должностные лица, которые нарушают требования закона, правила и процедуры, регламентирующие деятельность сотрудников правоохранительных органов, привлекались к дисциплинарной или уголовной ответственности — согласно тяжести содеянного.
- Обеспечить, чтобы всем лицам из числа сотрудников правоохранительных органов, признан виновным в совершении деяний, являющихся преступлениями согласно международному праву, выносились приговоры, соразмерные тяжести содеянного.

Недопущение пыток и других видов жестокого обращения

- Добиться того, чтобы никто не подвергался произвольному и тайному задержанию, а равно содержанию под стражей без связи с внешним миром (инкоммунадо), а также гарантировать соблюдение всех прав задержанных — во всех случаях без исключения — в соответствии с международными нормами в области прав человека, в том числе права на защитника по собственному выбору, на уведомление родственников или других лиц о факте задержания, на свидания с родными и на медицинскую помощь.
- В полном объеме отразить в действующем законодательстве основные положения Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенции

против пыток), а также прочие международные стандарты, касающиеся запрета пыток и жестокого обращения. В частности, понятие «пытки» должно быть четко определено в действующем законодательстве, а само определение – содержать указание на то, что к применению пыток причастны должностные либо иные лица, выступающие в официальном качестве, в том числе подталкивающие других к применению пыток либо действующие с ведома или молчаливого согласия должностных лиц.

- Обеспечить, чтобы органы прокуратуры и суд не допускали того, чтобы любые заявления, иные материалы и сведения, полученные под пыткой или в результате жестокого обращения, принимались в качестве доказательства в ходе какого-либо судебного разбирательства, за исключением случаев, когда они служат доказательством против лица, обвиняемого в применении пыток.
- Принять меры к тому, чтобы судьи были четко проинструктированы о необходимости строгого соблюдения части 4 статьи 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно требованиям которой бремя доказывания того, что соответствующее свидетельство не было получено в результате пыток и жестокого обращения, возлагалось на сторону обвинения.
- Гарантировать, чтобы создаваемый в структуре Следственного комитета отдел по расследованию преступлений, в совершении которых подозреваются сотрудники правоохранительных органов, надлежащим образом расследовал все случаи, в которых в ходе медицинского освидетельствования при поступлении задержанного в места содержания под стражей были выявлены телесные повреждения, если имеются основания подозревать, что таковые были получены в результате пыток или иных форм жестокого обращения, – независимо от наличия жалобы со стороны предполагаемого пострадавшего.
- Обеспечить эффективные меры защиты в рамках программы по защите свидетелей для всех тех, кто предположительно подвергся тайному задержанию, и/или принудительному исчезновению, и/или пыткам и иным формам жестокого обращения и впоследствии был освобожден, на то время, пока виновные не будут установлены и привлечены к уголовной ответственности.
- Все сообщения о насильственных исчезновениях, тайных задержаниях, содержании под стражей без связи с внешним миром, а также о пытках и других видах жестокого обращения должны безотлагательно и всесторонне расследоваться, а те должностные лица, чья причастность к подобным правонарушениям будет установлена, привлекаться к уголовной ответственности.
- Принять меры к тому, чтобы сотрудники правоохранительных органов, персонал мест содержания под стражей, а также должностные лица, участвующие в допросах и медицинском обслуживании задержанных и

заключенных, прошли надлежащие обучение тому, как правильно обращаться с задержанными и заключенными, и в том числе четко знали: (i) что пытки и другие виды жестокого обращения уголовно наказуемы; (ii) что они не должны подчиняться приказам, когда речь идет о применении пыток и жестокого обращения, и у них есть на это полное право; а также (iii) что они обязаны сообщать компетентным органам обо всех случаях, когда имеются веские основания подозревать применение пыток или жестокого обращения.

- Обеспечить исполнение мер, гарантирующих недопущение пыток и других видов жестокого обращения в местах содержания под стражей, в том числе:
 - Безотлагательно уведомлять всех лиц, лишенных свободы, об их законных правах, включая право на защитника по выбору, право незамедлительно сообщить родным или другим лицам о своем задержании, право общаться с родственниками, право на медицинское освидетельствование и помощь, право пожаловать жалобу на недопустимое обращение, а также право на своевременное рассмотрение судом вопроса о законности своего содержания под стражей.
 - Обеспечить беспрепятственную возможность адвокату, которого задержанный выбрал самостоятельно либо счел приемлемым, присутствовать на всех допросах.
 - Привести условия содержания под стражей в соответствие с международными стандартами обращения с заключенными.
 - Гарантировать возможность беспрепятственно и без предупреждения посещать любые места содержания под стражей с целью независимой проверки соответствующим государственным органам, осуществляющим надзор за местами лишения свободы и содержания под стражей, а равно независимым национальным и международным правозащитным организациям.

Восстановление прав пострадавших с возмещением вреда

- Гарантировать жертвам нарушений прав человека эффективное возмещение вреда со стороны государства, включая реституцию, справедливую и достаточную материальную компенсацию, при необходимости — надлежащую медицинскую помощь и реабилитацию, а также установление истины о событиях и эффективные гарантии того, что они не повторятся.
- Всем лицам, пострадавшим от нарушения их прав со стороны сотрудников правоохранительных органов, должен быть возмещен нанесенный ущерб.

Сотрудничество с международными и региональными правозащитными механизмами.

- Эффективно сотрудничать с соответствующими Специальными процедурами ООН, в том числе возобновлять и продлевать приглашения Специальным докладчикам по вопросу о пытках, по вопросу о суммарных и произвольных казнях, по вопросу о поощрении и защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом, Рабочим группам по произвольным задержаниям и по насильственным и недобровольным исчезновениям, а также оперативно содействовать организации поездок представителей указанных Специальных процедур на Северный Кавказ.
- Обеспечивать публикацию всех докладов Европейского комитета по предупреждению пыток, касающихся России, а также выполнять соответствующие рекомендации Комитета.
- Подписать, ратифицировать и соблюдать Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.
- Гарантировать всестороннее исполнение решений Европейского суда по правам человека по делам заявителей с Северного Кавказа, в том числе мер индивидуального и общего характера.

Международному сообществу

Мониторинг и подготовка докладов о ситуации с правами человека

- Возобновлять, продолжать и содействовать деятельности, связанной с мониторингом и подготовкой докладов о ситуации с соблюдением прав человека на Северном Кавказе, в том числе осуществляемой Специальными процедурами ООН, Комиссией Парламентской Ассамблеи Совета Европы по юридическим вопросам и правам человека, и иными действующими механизмами.
- Взаимодействовать с Россией в целях предупреждения дальнейших нарушений прав человека на Северном Кавказе.
- Выносить на обсуждение вопросы соблюдения прав человека и конкретные случаи нарушений, изложенные в настоящем докладе и выявленные другими организациями в Ингушетии и на Северном Кавказе в целом, в рамках многосторонних и двусторонних встреч с российскими властями, а также твердо высказываться о том, что безнаказанность и нарушения прав человека в регионе недопустимы.
- Потребовать от российских властей признать, что на государстве лежит обязанность расследовать прошлые нарушения прав человека, привлекать виновных к уголовной ответственности, обеспечивать пострадавшим

возмещение вреда, а также безотлагательно принимать все необходимые для этого меры.

- Призвать российские власти незамедлительно принять меры, в соответствии с рекомендациями доклада, к недопущению дальнейших нарушений прав человека в Ингушетии и на Северном Кавказе.

Оказание поддержки соответствующим международным механизмам

- Настаивать на том, чтобы Российская Федерация исполняла в полном объеме решения Европейского суда по правам человека по делам заявителей с Северного Кавказа, при этом не только выплачивая компенсации, присужденные заявителям, но и осуществляя меры индивидуального (к таковым относится, например, эффективное расследование соответствующих заявлений), а также общего характера, необходимые для устранения соответствующих нарушений.
- Настаивать на том, чтобы Российская Федерация как можно быстрее дала разрешение на публикацию всех докладов Европейского Комитета по предупреждению пыток, касающихся России, а также полноценно сотрудничала с Комитетом в части исполнения его рекомендаций.
- Призвать Российскую Федерацию возобновить приглашение для Специального докладчика по вопросу о пытках, а также пригласить в страну Специальных докладчиков по вопросу о суммарных и произвольных казнях, по вопросу о поощрении и защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом, Рабочим группам по произвольным задержаниям и по насильственным и недобровольным исчезновениям, а также содействовать организации их поездок. Призвать Российскую Федерацию обеспечить возможность посещения Северного Кавказа всем Специальным процедурам ООН.
- Призвать Российскую Федерацию подписать, ратифицировать и исполнять Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном докладе под «спецоперациями» подразумеваются любые мероприятия, проводимые правоохранительными органами и сопряженные с правоохранительными функциями и применением силы и особых полномочий, таких как задержание или обыск и т.д., с целью пресечения деятельности незаконных вооруженных формирований и их сторонников, в том числе оперативно-розыскную деятельность, и включая негласные правоохранительные и оперативно-розыскные мероприятия. В широком смысле это соответствует принятому в российской практике термину «противодействие терроризму», определение которого дано в действующем законодательстве. В это понятие входит и так называемая контртеррористическая операция, или КТО — также законодательный термин, обозначающий боевые операции, направленные на предотвращение террористического нападения, задержание или уничтожение его организаторов и минимизацию последствий).

² Высшее должностное лицо в Республике Ингушетия, как и в других российских республиках, раньше называли президентом. Так было до 2011 года, когда по предложению Рамзана Кадырова в Чечне при поддержке президента России Дмитрия Медведева название этой должности заменили на «главу республики». Использование этих двух терминов в настоящем докладе отражает это изменение и зависит от периода, о котором идёт речь («президент» — до конца 2010 года, «глава республики» — далее). Президенты республик и губернаторы областей в России избирались народным голосованием до декабря 2004 года, а затем стали назначаться президентом страны.

³ В таких случаях указаны ссылки на эти документы.

⁴ Федеральная служба статистики, «Численность городского и сельского населения Российской Федерации. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года», приложение 2, 2011 год, см. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/pril2-1.xls и http://rg.ru/img/content/46/88/30/5440_1.gif По данным предыдущей переписи, население Ингушетии составляло 467 000 в октябре 2002 года. Источник: Федеральная служба статистики, «Население по полу и возрастным группам по Российской Федерации», см.: <http://www.gks.ru/PEREPIS/t2.htm> (все ссылки по состоянию на 14 ноября 2011 года).

⁵ В Ингушетии мало других этнических групп, из них самая многочисленная — этнические русские — составляет лишь 1,2% населения. Источник: Федеральная служба статистики, «Национальный состав населения Российской Федерации», данные переписи 2002 года, см. www.perepis2002.ru/ct/doc/nationalchange.doc Similar (ссылка по состоянию на 15 ноября 2011 года).

⁶ Норвежский совет по беженцам и правозащитный центр «Мемориал», «Есть ли у них

будущее? Проблемы возвращения и реинтеграции внутриперемещённых лиц на Северном Кавказе», октябрь 2006 года, см. http://refugee.memo.ru/For_All/rupor.nsf/1a83520628d78e69c325702e0065b29b/2fa8541ca65630dbc3257207007c6954!OpenDocument (ссылка по состоянию на 14 ноября 2011 года)

⁷ Human Rights Watch, 'As If They Fell From the Sky'. Counterinsurgency, Rights Violations, and Rampant Impunity in Ingushetia («Они как будто упали с неба!» Контртерроризм, нарушения прав человека и безнаказанность в Ингушетии», на англ. яз.), 24 июня 2008 года, страница 13, см. <http://www.hrw.org/reports/2008/06/24/if-they-fell-sky-0> (ссылка по состоянию на 14 ноября 2011 года). См. также Никита Венцовский, «Сколько людей бежало в Ингушетию», Коммерсант, 1 апреля 2011 года, см. <http://www.kommersant.ru/doc-rss/1612140> (ссылка по состоянию на 14 ноября 2011 года).

⁸ Оценки правозащитного центра «Мемориал», основанные на данных Федеральной миграционной службы и верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), и партнёрской организации УВКБ в Ингушетии «Веста».

⁹ «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», утверждённая указом № 1485-р правительства Российской Федерации, 6 сентября 2010 года, см. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/175166>. Этот показатель упал с 96% в 2008 году, но по-прежнему остаётся самым высоким в Российской Федерации наравне с данными по Чечне. См. Юнус-Бек Евкуров: «В Ингушетии нужна не столько амнистия, сколько реабилитация», интервью с главой Ингушетии, взятое Григорием Шведовым для «Кавказского узла», 31 мая 2011 года, см. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/186395/> (обе ссылки по состоянию на 14 ноября 2011 года).

¹⁰ Федеральная служба статистики, «Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2011 года», 2011 год, см. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/37.htm. См. также Территориальное управление Федеральной службы статистики по Республике Ингушетия, <http://ingstat.gks.ru/default.aspx>. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» предлагает другую цифру, основанную на данных, полученных по методу Международной организации труда (МОТ), которые указывают, что уровень безработицы в 2008 году составлял 55%. (Источник: <http://www.raexpert.ru/database/regions/ingush/>, ссылка по состоянию на 14 ноября 2011 года).

¹¹ Никита Венцовский, «Сколько людей бежало в Ингушетию», Коммерсант, 1 апреля 2011 года, см. <http://www.kommersant.ru/doc-rss/1612140> (ссылка по состоянию на 14 ноября 2011 года).

¹² «Чеченцы сожгли дембельскую колонну», Коммерсант, 12 мая 2000 года, см.

<http://kommersant.ru/doc/147669/print> (ссылка по состоянию на 14 ноября 2011 года).

¹³ Лариса Дановская, «Трагедия в день скорби», Южные новости, июнь 2004 года, копию см. <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/002172.shtml> (ссылка по состоянию на 15 ноября 2011 года).

¹⁴ «Кавказский узел», «Ингушетия: хроника терактов, обстрелов, похищений». Регулярно обновляется. Опубликовано по адресу <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/122475?print=true> (ссылка по состоянию на 23 января 2012 года).

¹⁵ Эти ссылки представляют собой оценки, составленные «Кавказским узлом» для правозащитной НПО «Машр» за соответствующие годы. Источник: «Кавказский узел», «Муцольгов: снижение количества убийств в Ингушетии отчасти связано с работой властей», 27 декабря 2011 года, см. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/198415/> (ссылка по состоянию на 23 января 2012 года).

¹⁶ Юнус-Бек Евкуров: «В Ингушетии нужна не столько амнистия, сколько реабилитация».

¹⁷ Юнус-Бек Евкуров: «В Ингушетии нужна не столько амнистия, сколько реабилитация».

¹⁸ Никита Могутин, «Комиссия по адаптации боевиков создана в Ингушетии», Life News Online, 5 сентября 2011 года, см. <http://www.lifenews.ru/news/68645> (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

¹⁹ «Семьям раскаявшихся боевиков помогут уехать из Ингушетии», Lenta.ru, 12 сентября 2011 года, см. <http://lenta.ru/news/2011/09/12/adaptatsia/> (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

²⁰ Подробнее об обычае кровной мести в Ингушетии, в том числе об урегулировании, по сообщениям, 150 длительных межклановых кровных распрей, читайте в материале «Комиссия в Ингушетии помогла прекратить 150 случаев кровной вражды», РИА «Новости», 27 августа 2011 года, см. <http://www.ria.ru/society/20110827/425201488.html> (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

²¹ Иван Егоров, «Боевики нацелились на слабых. ФСБ отмечает серьезные перемены в борьбе с остатками террористических банд в Ингушетии», «Российская газета», 19 января 2011 года, см. <http://www.rg.ru/2011/01/19/podpolia.html> (ссылка по состоянию на 15 ноября 2011 года).

²² РИА «Новости», «ФСБ Ингушетии знает оставшихся активистов бандподполья поименно, заявил глава ведомства», 18 декабря 2010 года, см. <http://ug.ria.ru/incidents/20101218/82075800.html> (ссылка по состоянию на 15 ноября 2011 года).

²³ Юнус-Бек Евкуров: «В Ингушетии нужна не столько амнистия, сколько реабилитация». См. также: Иван Егоров, «Боевики нацелились на слабых».

²⁴ Ингушское ответвление «Имарата Кавказ» иногда называют «Джамаат Галгайче» или «Ингушский сектор Имарата Кавказ».

²⁵ В августе 2010 года на ряде веб-сайтов, связанных с незаконными вооружёнными формированиями на Северном Кавказе, стала появляться информация о том, что Доку Умаров передал обязанности лидера «Имарата Кавказ» своему заместителю Асламбеку Вадалову. Впоследствии появились сообщения, что Доку Умаров опроверг это, и с тех пор он, судя по всему, остаётся руководителем. Это привело к появлению высказываний о возможном расколе в лагере Доку Умарова, возможными причинами которого называли разногласия в вопросах финансирования и целей вооружённой борьбы (создание исламского государства на всём Северном Кавказе или независимость Чечни).

²⁶ Юнус-Бек Евкуров: «В Ингушетии нужна не столько амнистия, сколько реабилитация».

²⁷ В их числе — гражданин Иордании, убитый в апреле, и гражданин Турции, убитый в мае. Последний, по сообщениям, принадлежал к незаконному вооружённому формированию, враждующей с Умаровым и его «Имаратом Кавказ», см. Lenta.Ru, «В Чечне уничтожили эмиссара "Аль-Каеды"», 22 апреля 2011 года, см. <http://lenta.ru/news/2011/04/22/killed/>; Андрей Кузнецов, «Это не бин Ладен», Lenta.Ru, 5 мая 2011 года, см. <http://lenta.ru/articles/2011/05/05/chechkayeda/> (обе ссылки по состоянию на 23 января 2012 года).

²⁸ РИА «Новости», «ФСБ Ингушетии знает оставшихся активистов бандподполья поимённо».

²⁹ Lenta.Ru, «Среди ликвидированных боевиков опознали врача Доку Умарова», 31 марта 2011 года, см. <http://lenta.ru/news/2011/03/31/doctor/> (ссылка по состоянию на 23 января 2012 года).

³⁰ Правозащитный центр «Мемориал», «Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. Зима 2010 – 2011 г.г.», 2011 год, с. 5-14, см. <http://www.memo.ru/2011/05/04/0405111.pdf> (ссылка по состоянию на 16 ноября 2011 года).

³¹ Бюллетени правозащитного центра «Мемориал», см. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/k-belyten/index.htm> (ссылка по состоянию на 16 ноября 2011 года).

³² Веб-сайт клуба «Антивоенное движение» находится по адресу: <http://www.voinenet.ru/> (ссылка по состоянию на 16 ноября 2011 года)

³³ Источники: «Кавказский узел», «В Ингушетии за 2011 год жертвами вооружённого конфликта стали 108 человек», 1 января 2012 года, см. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/198680/> (ссылка по состоянию на 23 января 2012 года); «Кавказский узел», «В Ингушетии в 2010 году в вооружённых конфликтах убиты 134 человека», 16 января 2011 года, см. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/179694/>. Предлагаемая «Мемориалом» статистика потерь среди сотрудников правоохранительных органов также основана на различных открытых источниках. По этим данным, было убито 40 человек и 132 ранено в 2010 году, 92 убито и 231 ранен в 2009 году (см.: правозащитный центр «Мемориал», «Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. Зима 2010 – 2011 г.г.», 2011 год, с. 6). По собственным данным Министерства внутренних дел, потери ведомства в 2010 году составили 32 человек убитыми и 102 ранеными, хотя сюда не вошли потери других правоохранительных органов (см. Министерство внутренних дел по Республике Ингушетия, «Подведены итоги деятельности МВД Ингушетии за 2010 год», 14 января 2011 года, см. <http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=353>, все ссылки по состоянию на 16 ноября 2011 года).

³⁴ К некоторым более поздним сообщениям относятся следующие:

«Машр», «Иллюзия права», 2010 год; «Машр», «Диктат бесправия», 2009 год; «Машр», «Насилие под контролем», 2008 год; «Машр», «Большая трагедия маленькой республики», 2007 года (все эти доклады можно найти на сайте http://www.mashr.org/?page_id=9); правозащитный центр «Мемориал», «Механизмы безнаказанности на Северному Кавказе (2009-2010 г.г.) — как они работают?», июнь 2010 года, см. <http://www.memo.ru/2010/06/18/1806103.htm>; правозащитный центр «Мемориал», «Ингушетия: 2007 год. — Куда дальше?», январь 2008 года, см. http://ingushetiya.org/history/political_life/files/kuda_dalshe.doc (обе ссылки в последний раз посещались 17 ноября 2011 года).

³⁵ Human Rights Watch, 'As If They Fell From the Sky'. Counterinsurgency, Rights Violations, and Rampant Impunity in Ingushetia («Они как будто упали с неба!» Контртерроризм, нарушения прав человека и безнаказанность в Ингушетии», на англ. яз.), 24 июня 2008 года, см. <http://www.hrw.org/en/reports/2008/06/24/if-they-fell-sky-0>; Amnesty International, «Российская Федерация: Верховенство бесправия: нарушения прав человека на Северном Кавказе», 2009 год (индекс: EUR 46/012/2009, см. <http://amnesty.org.ru/node/293>).

³⁶ Доклад временной комиссии Народного Собрания Ингушетии по итогам проверки фактов нарушений прав граждан в Республике Ингушетия, 2008 год. Текст доклада можно найти на странице <http://ingushetiya.org/news/print.html?id=13463> (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

³⁷ Комитет по юридическим вопросам и правам человека, Legal remedies for human rights violations in the North-Caucasus Region («Средства правовой защиты в случаях нарушения прав человека в Северокавказском регионе», на англ. яз.), докладчик Дик

Марти, май 2009 года, параграф 4.2, см. http://www.assembly.coe.int/CommitteeDocs/2010/20100531_caucasus_E.pdf, (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

³⁸ Машр, «Список похищенных и пропавших без вести», 2011 год (обновляется ежегодно), см. <http://www.mashr.org/wp-content/uploads/2011/05/Spisok-propavshih.pdf> (ссылка по состоянию на 26 марта 2012 года).

³⁹ Любопытно, что тенденции насильственных исчезновений, судя по всему, не коррелируют с интенсивностью вооружённого насилия в Ингушетии. Так, хотя последнее нарастало с начала 2000-х годов, достигло максимума в 2009 году и с тех пор пошло на спад, число предполагаемых насильственных исчезновений достигло пика намного раньше — в 2003-2004 годах, и снова растёт с 2011 года. Это можно объяснить большим числом насильственных исчезновений среди вынужденных переселенцев из Чечни, нашедших тогда убежище в Ингушетии, многие из которых с тех пор вернулись в свою республику.

⁴⁰ Указ президента Российской Федерации № 116 от 2 февраля 2006 года «О мерах противодействия терроризму».

⁴¹ См. «Закон об оперативно-розыскной деятельности», в частности, статью 12.

⁴² Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (текст можно найти по ссылке http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml) была принята 20 декабря 2006 года и вступила в силу 23 декабря 2010 года. Российская Федерация в конвенции не участвует.

⁴³ «Курт против Турции» (Kurt v Turkey) (ЕСПЧ) № 24276/94, 25 мая 1998 года, параграф 129. Многочисленные иные дела, включая «Идалова и Идалов против России» (Idalova and Idalov v Russia) (ЕСПЧ) № 41515/04, 5 февраля 2009 года.

⁴⁴ Ваха Белхароев, «Евкуров: к похищениям людей в Ингушетии причастны сотрудники спецслужб», «Кавказский узел», 19 февраля 2012 года, см. <http://dagestan.kavkaz-uzel.ru/articles/201447/> (ссылка по состоянию на 22 февраля 2012 года).

⁴⁵ Сотрудника Отряда милиции особого назначения (ОМОН) Сергея Лапина, командированного в Чечню из Ханты-Мансийского автономного округа, в 2005 году признали виновным по обвинениям, связанным с применением пыток к похищенному в 2001 году чеченцу Зелимхану Мурдалову. Однако никто не был признан виновным в самом насильственном исчезновении (похищении). Ещё два сотрудника милиции были объявлены в розыск по данному делу, однако установить их местонахождение не удалось.

⁴⁶ Примером может служить дело Ибрагима Муцольгова 1986 года рождения из села

Сурхахи, который ушёл на вечернюю молитву в мечеть 29 июля 2010 года, и с тех пор родственники ничего о нём не знают. Родственники сообщили о его отсутствии в полицию Назранского района, а также обратились в правозащитный центр «Мемориал». «Мемориал» писал о его исчезновении в контексте роста числа подобных случаев, но при этом осторожно отметил, что некоторые из них могут быть связаны с уходом молодых людей в незаконные вооружённые формирования. Судьба Ибрагима Муцольгова оставалась неизвестной до тех пор, пока не поступило сообщение, что он убит в ходе операции силовиков 28 марта 2011 года на юге Ингушетии. Официальные сведения по этой операции можно найти на странице <http://www.mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=518>.

⁴⁷ The International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance, Article 12, see above footnote 46. Kurt v Turkey (ECHR) no 24276/94, 25 May 1998, para 124.

⁴⁸ Машр, «Список похищенных и пропавших без вести», 2011 год (обновляется ежегодно), см. <http://www.mashr.org/wp-content/uploads/2011/05/Spisok-propavshih.pdf>; а также http://www.mashr.org/?page_id=7 (обе ссылки указаны по состоянию на 12 марта 2012 года).

⁴⁹ «Мемориал», «О событиях на Северном Кавказе», постоянно обновляется, см. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm> (ссылка по состоянию на 25 января 2012 года).

⁵⁰ «Мемориал» использует более широкое понятие «похищения», но эти данные относятся именно к похищенным, чья судьба остаётся неизвестной. Источник: Международная федерация за права человека (FIDH) и правозащитный центр «Мемориал», «Ситуация на Северном Кавказе 2009-2010 г.г.: нарушения прав человека в ходе борьбы с терроризмом продолжаются», 2010 года, с. 9 (см. http://www.fidh.org/IMG/pdf/Antiterro_FIDH_Memorial_RUS.pdf, ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

⁵¹ Министерство внутренних дел по Республике Ингушетия, «Лица, находящиеся в розыске как без вести пропавшие», <http://www.mvd-ing.ru/finder/missing/>.

⁵² Министерство внутренних дел по Республике Ингушетия, «Внимание — розыск», срочное сообщение, 16 апреля 2011 года, см. <http://www.mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=585> (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года). В этом срочном сообщении его имя написано как «Исрапил», но указанные подробности и фотография не оставляют сомнений, что это то же лицо

⁵³ Управление Федеральной службы безопасности по Республике Ингушетия, пресс-релиз, 22 февраля 2011 года, см. http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=452&sphrase_id=1283 (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

⁵⁴ «Кавказский узел», «Отец пропавшего жителя Ингушетии жалуется на вялость следствия», 30 августа 2011 года, см. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/191681/> (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

⁵⁵ Министерство внутренних дел по Республике Ингушетия, пресс-релиз, 27 мая 2011 года, см. http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=710&spphrase_id=1390 (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

⁵⁶ Правозащитный центр «Мемориал», «Ингушетия: похищен местный житель», 8 августа 2011 года, см. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2011/08/m257751.htm>; Правозащитный центр «Мемориал», «Ингушетия: по факту похищения возбуждено уголовное дело», 12 августа 2011 года, см. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2011/08/m259322.htm> (обе ссылки по состоянию на 19 января 2012 года).

⁵⁷ См., например Магомед Ториев, «Зачем ингушей сажают в североосетинские СИЗО?», «Эхо Кавказа», 16 января 2011 года, см. <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/2277824.html> (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

⁵⁸ См. главу 40 (статьи 314 – 317) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

⁵⁹ Управление Федеральной службы безопасности по Республике Ингушетия, пресс-релиз, 22 февраля 2011 года, см. http://www.mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=452&spphrase_id=1309 (ссылка по состоянию на 17 ноября 2011 года).

⁶⁰ Встреча с прокурором Ингушетии Юрием Турыгиным, Назрань, 31 мая 2011 года.

⁶¹ Amnesty International опубликовала заявление с требованием провести расследование обстоятельств ареста Магомеда Хазбиева и двух его братьев, которых обвинили в участии в «массовых беспорядках», а также, как утверждалось, подвергли жестокому обращению и побоям под стражей в полиции. См. заявление Amnesty International «Российская Федерация: активистов, выступивших против насильственных исчезновений в Ингушетии, избили и взяли под стражу», 24 марта 2011 года (индекс AI: EUR 46/014/2011, по адресу: <http://www.amnesty.org/en/library/info/EUR46/014/2011/en>).

⁶² Пресс-служба главы Республики Ингушетия, «Глава республики провёл экстренное совещание с руководителями силовых структур», 24 марта 2011 года, см. по адресу: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/014109.shtml> (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

⁶³ Рекомендованы резолюцией 1989/65 Экономического и Социального совета ООН от 24 мая 1989 года.

⁶⁴ Комиссия ООН по правам человека, «Резолюция Комиссии по правам человека 2004/37: внесудебные, суммарные и произвольные казни», 19 апреля 2004 года, E/CN.4/RES/2004/37, п. 5, см. по адресу: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/43f3136cc.html> (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

⁶⁵ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год», см. по адресу: <http://ombudsmanrf.ru/2009-11-05-14-00-18/2009-11-05-14-09-33/6306--2010-.html> (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

⁶⁶ Управление Федеральной службы безопасности по Республике Ингушетия, пресс-релиз, 29 июля 2010 года, см. по адресу: <http://ingush.tv/novosti-ingushetii/861-press-reliz-ufsb-rf-po-ri.html#ixzz1UwDyA2e9> (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

⁶⁷ Министерство внутренних дел по Республике Ингушетия, «Раскрыто убийство жителя Плиево Котиева», 31 августа 2010 года, см. по адресу: http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=161&sphrase_id=1396 (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

⁶⁸ Правозащитный центр «Мемориал», «Ингушетия: силовики избили студента Исламского института во время проверки паспортного режима», 12 декабря 2011 года, см. по адресу: <http://www.memo.ru/2011/12/12/1212112.html> (дата последнего просмотра 31 января 2012 года).

⁶⁹ Управление Федеральной службы безопасности по Республике Ингушетия, пресс-релиз, 22 ноября 2011 года, см. по адресу: http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=289&sphrase_id=1283 (дата последнего просмотра 23 ноября 2011 года).

⁷⁰ Управление Федеральной службы безопасности по Республике Ингушетия, пресс-релиз, 26 ноября 2010 года, см. по адресу: <http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=291> (дата последнего просмотра 23 ноября 2011 года).

⁷¹ Министерство внутренних дел по Республике Ингушетия, «Опознаны личности боевиков», 1 июля 2011 года, см. по адресу: http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=827&sphrase_id=1284 (дата последнего просмотра 23 ноября 2011 года).

⁷² Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 31 «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта», 2004 год, CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, п. 15.

⁷³ Согласно статье 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле», тела лиц, «смерть которых наступила в результате их террористической акции», родственникам для захоронения не выдаются, о месте их захоронения не сообщается. На основании Постановления правительства «Об утверждении положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершённой ими террористической акции» родственникам могут предоставляться только копии свидетельства о смерти и акта патологоанатомического вскрытия, а также передаваться личные вещи усопшего, если таковые не были изъяты. В июне 2007 года Конституционный суд признал эту норму не противоречащей положениям Конституции Российской Федерации.

⁷⁴ Статья 196, часть 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

⁷⁵ Статья 7 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

⁷⁶ В некоторых сообщениях и репортажах СМИ «Кузигов».

⁷⁷ Управление Федеральной службы безопасности по Республике Ингушетия, пресс-релиз, 11 октября 2010 года, см. по адресу: <http://www.mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=218> (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

⁷⁸ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи 10 декабря 1984 года.

⁷⁹ По состоянию на момент составления доклада, в суде рассматривается дело двух бывших сотрудников полиции, обвиняемых по целому ряду эпизодов. Однако лишь одному из них предъявлены обвинения в связи с делом Зелимхана Читигова.

⁸⁰ «Юнус-бек Евкуров: “Хватит отчитываться трупами!”», интервью с главой Республики Ингушетия Шуры Буртина для издания «Русский репортёр», 19 сентября 2011 года, см. по адресу: <http://rusrep.ru/article/2011/09/19/evkurov> (дата последнего просмотра 6 февраля 2011 года).

⁸¹ «Вельхийев и другие против России», жалоба № 34085/06, Совет Европы: Европейский суд по правам человека, 5 июля 2011 года, см. по адресу: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4e26dff2.html> (дата последнего просмотра 18 ноября 2011 года).

⁸² «Вельхийев и другие против России», пп. 106-107.

⁸³ «Вельхийев и другие против России», пп. 108, 110.

⁸⁴ «Вельхийев и другие против России», п. 114.

⁸⁵ Министерство внутренних дел Республики Ингушетия, «За попытку организации массовых беспорядков задержан Магомед Хазбиев», новости, 23 марта 2011 года, см. по адресу: http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=507&sphrase_id=1361; пресс-релиз Министерства внутренних дел Республики Ингушетия, 25 марта 2011 года, см. по адресу: http://mvd-ing.ru/news/detail.php?ID=510&sphrase_id=1361 (дата последнего просмотра обеих ссылок 18 ноября 2011 года).

⁸⁶ В сети можно найти несколько видеозаписей указанных событий. Например, см. материалы «Кавказского узла» для «Эха Москвы» «Ингушское дежавю: в Назрани похищен оппозиционер Магомед Хазбиев (видео)», 24 марта 2011 года, см. по адресу: <http://echo.msk.ru/blog/cknot/760101-echo/>; «Ингушетия: митинг против похищений, Магомед Хазбиев был избит и похищен», см. по адресу: <http://freedomrussia.org.ru/2011/03/25/ingushetiya-miting-protiv-pohishheniy-magomed-hazbiev-byil-izbit-i-pohishhen/> (дата последнего просмотра обеих ссылок 18 ноября 2011 года).

⁸⁷ Фотографии выложены в сеть, например, см. «Ингушетия: митинг против похищений, Магомед Хазбиев был избит и похищен», <http://freedomrussia.org.ru/2011/03/25/ingushetiya-miting-protiv-pohishheniy-magomed-hazbiev-byil-izbit-i-pohishhen/> (дата последнего просмотра 18 ноября 2011 года).

⁸⁸ Статья 94, часть 2 и статья 92, часть 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

⁸⁹ УПК РФ, статья 46, часть 4 и статья 92, часть 1.

⁹⁰ УПК РФ, статья 92, часть 3 и статья 96, часть 1.

⁹¹ УПК РФ, статья 46, часть 2.

⁹² УПК РФ, статья 92, часть 4.

⁹³ УПК РФ, статья 75.

⁹⁴ УПК РФ, статья 94, часть 2 и статья 108, часть 7.

⁹⁵ До июля 2010 года на территории Ингушетии не было следственных изоляторов, в связи с чем задержанных доставляли в СИЗО сопредельных республик. См. статью Магомеда Барахоева «Отдел Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Ингушетия отчитывается о работе», см. по адресу: <http://www.mashr.org/?p=1944> (дата последнего просмотра 18 ноября 2011 года).

⁹⁶ Статья 14, часть 16 Федерального закона «О полиции».

⁹⁷ Статья 24, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и

обвиняемых в совершении преступлений».

⁹⁸ См. по адресу: http://www.president-sovet.ru/structure/group_10/materials/federal_law/index.php (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

⁹⁹ См. информацию «МАШР» о создании общественной наблюдательно комиссии Ингушетии, декабрь 2010 года, по адресу: <http://www.mashr.org/?p=1933> (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

¹⁰⁰ Статьи 15 и 16 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания».

¹⁰¹ Статья 18.1 Федерального закона « О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

¹⁰² См. материал Магомета Барахоева «Общественная наблюдательная комиссия Ингушетии награждена Общественной палатой Российской Федерации», февраль 2011 года, по адресу: <http://www.mashr.org/?p=1952> (дата последнего просмотра 17 ноября 2011 года).

¹⁰³ См. материал Малики Бацаевой «Комиссия правозащитников и Общественной палаты: условия содержания в ИВС и СИЗО Ингушетии улучшились», «Кавказский узел», 13 августа 2011 года, по адресу: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/190765/> (дата последнего просмотра 18 ноября 2011 года).

¹⁰⁴ В числе таких случаев следует отметить дело Адама Хамхоева, вошедшее в доклад НПО «МАШР» 2010 года, к которому удалось приложить фотографии пострадавшего до и сразу после похищения. См. материал «МАШР» под названием «Иллюзия права», 2010 год, по адресу: http://www.mashr.org/?page_id=9 (дата последнего просмотра 18 ноября 2011 года). Amnesty International не удалось встретиться с Адамом Хамхоевым и его родственниками в ходе посещения Ингушетии с миссией по установлению фактов.

¹⁰⁵ См. материал Ярослава Козулина, «В Ингушетии Зураб Албогачиев похищен людьми в камуфляже, сообщают его родные», «Кавказский узел», 23 июля 2011 года, по адресу: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/189575/> (дата последнего просмотра 18 ноября 2011 года).

¹⁰⁶ «Кавказский узел», «Жителя Ингушетии Албогачиева, вернувшегося после похищения домой, принял секретарь Совбеза республики», 27 июля 2011 года, см. по адресу: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/189809/>; Кавказский узел, «Житель Ингушетии Албогачиев рассказал следователю об обстоятельствах своего покушения», 29 июля 2011 года, см. по адресу: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/189951/> (дата последнего просмотра обеих ссылок 18 ноября 2011 года).

¹⁰⁷ Представителям Amnesty International удалось лично встретиться с Зелимханом Читиговым. Более подробное интервью Зелимхана журналистам см. в материале Шуры Буртина «Сто часов в аду. История чеченца, которого даже пытки не сделали боевиком», «Русский репортёр», 16 сентября 2011 года, по адресу: <http://rusrep.ru/article/2011/09/16/zelim>; а также в статье Светланы Ганнушкиной «Система фальсификации уголовных дел и пыток. О человеке, который не умеет лгать, и президенте Республики Ингушетии», сайт Комитета «Гражданское содействие», 30 мая 2011 года, см. по адресу: http://refugee.ru/news/sistema_falsifikacii_ugolovnykh_del_i_pytok_o_cheloveke_kotoryj_ne_umeet_lgat_i_prezidente_respubliki_ingushetii/2011-08-09-153 (дата последнего просмотра обеих ссылок 5 декабря 2011 года).

¹⁰⁸ «Кавказский узел», «В Ингушетии прошёл митинг протеста милиционеров», 11 августа 2010 года, см. по адресу: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/172835/> (дата последнего просмотра 5 декабря 2011 года).

¹⁰⁹ См. подробный отчет о встрече с Юнус-Беком Евкуровым при участии соответствующих должностных лиц Ингушетии в материале председателя НПО «Гражданское содействие» Светланы Ганнушкиной «Система фальсификации уголовных дел и пыток. О человеке, который не умеет лгать».

¹¹⁰ Материал Карины Гаджиевой «Потерпевшие по делу о пытках Зелимхана Читигова просят о государственной защите», «Кавказский узел», 6 декабря 2011 года, см. по адресу: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/197133/> (дата последнего просмотра 10 февраля 2012 года).

¹¹¹ Содержание под стражей без связи с внешним миром допускается нормами международного права в весьма ограниченных обстоятельствах на очень краткий срок и лишь в случаях, особо оговариваемых национальным законодательством. Российское законодательство таких оговорок не предусматривает, даже в отношении преступлений, связанных с террористической деятельностью.

¹¹² Статья 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении. Следователь не обязан отвечать на ходатайство (статья 198 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

¹¹³ Например, правозащитный центр «Мемориал» и другие организации сообщили о спецоперации, проводившейся сотрудниками правоохранительных органов ранним утром 28 июля 2007 года в ингушском селе Али-Юрт. Как сообщалось, операция была произвольно нацелена против десятков мужчин и женщин, в том числе несовершеннолетних и людей пожилого возраста, которых жестоко избили, и многим

пришлось обратиться за медицинской помощью в больницу в Назрани. Несколько человек выписали без медицинских документов о полученных травмах, а в других случаях сообщалось, что медиков под угрозой увольнения заставили потребовать назад справки. Источник:
<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/08/m95812.htm> (ссылка по состоянию на 8 февраля 2012 года).

¹¹⁴ См. «Amnesty International осуждает теракт в Северной Осетии», 10 сентября 2010 года: <http://www.amnesty.org.ru/node/1529>.

¹¹⁵ Екатерина Селезнёва, «Задержанный силовиками Исса Хашагульгов содержится в СИЗО Лефортово», портал «Кавказский узел», 27 сентября 2010 года:
<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174805/> (ссылка по состоянию на 24 февраля 2012 года).

¹¹⁶ Владимир Шишлин, «Раскрыт теракт во Владикавказе», «Интерфакс», 12 октября 2010 года: <http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=159629> (ссылка по состоянию на 24 февраля 2012 года).

¹¹⁷ Екатерина Селезнёва, «Задержанного по подозрению в причастности к теракту Хашагульгова нет ни в Лефортово, ни в СИЗО Владикавказа», портал «Кавказский узел», 13 апреля 2011 года: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/183673/> (ссылка по состоянию на 24 февраля 2012 года).

¹¹⁸ Татьяна Гантимурова, Екатерина Савельева, «Султан-Гирей Хашагульгов после покушения опасается за свою жизнь», портал «Кавказский узел», 15 апреля 2011 года: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/183770/> (ссылка по состоянию на 24 февраля 2012 года).

¹¹⁹ Согласно статье 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», подозреваемым и обвиняемым может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками с разрешения Следственного комитета или следователя, в производстве которых находится дело, полностью по их усмотрению. В таких свиданиях систематически отказывают, что нередко рассматривается как форма дополнительного давления на подследственных.

¹²⁰ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи 10 декабря 1984 года. Россия – участница Конвенции. См. Также Комитет ООН против пыток, Замечание общего порядка 2, 24 января 2008, UN Doc. CAT/C/GC/2.

¹²¹ Статья 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

¹²² Статья 235 УПК РФ.

¹²³ Статья 29(4) УПК РФ.

¹²⁴ Статья 252 УПК РФ.

¹²⁵ Самым наглядным примером такого давления стал открытый конфликт в конце 2009 года между президентом Ингушетии и высокопоставленными судьями республики. Юнус-Бек Евкуров выступил с рядом резких публичных заявлений, в которых обвинил ингушских судей в коррупции и снисходительном отношении к преступникам за вынесение оправдательных и мягких приговоров, а также в том, что отдельные «недобросовестные судьи» подрывают усилия по улучшению обстановки в республике в целом. Например, см. одно из наиболее часто цитируемых интервью Юнуса-Бека Евкурова: «Евкуров: ситуация стабилизируется, но спокойствия у меня нет», интервью президента Ингушетии с Адамом Буражевым для РИА «Новости», 24 декабря 2009 года: <http://ria.ru/interview/20091224/201140144.html>. См. также «Нечистоплотные судьи ответственны за ситуацию в Ингушетии — Евкуров», РИА «Новости», 24 марта 2010 года: <http://ria.ru/pravo/20100324/216198567.html>. Сообщалось, что Евкуров попросил высокопоставленного кремлёвского чиновника содействовать отстранению от должностей нескольких высокопоставленных ингушских судей (см. Ольга Боброва, «Евкуров и ритуал», «Новая газета», 19 апреля 2011 года: <http://www.novayagazeta.ru/data/2011/042/17.html>). В ответ судейское сообщество раскололось, и ряд высокопоставленных судей выступили с резким публичным заявлением, обвинив Евкурова в попытке дискредитировать судебную власть и в посягательстве на её независимость (см. Постановление Совета судей Республики Ингушетия №1 от 12 февраля 2010 года: http://www.ingnews.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6235:2010-03-19-05-17-54. (все ссылки по состоянию 18 ноября 2011 года).

¹²⁶ Беседа с М. М. Даурбековым, 10 ноября 2010 года, г. Магас.

¹²⁷ Обвиняемые по делу: Илез Ганиев, Адам Муталиев, Бейбулат Амирханов, Мурат Эсмурзиев, Мусса Дзортов, Акрамат Гамботов, Темури Пареулидзе, Арби Хатуев, Зелимхан Гардалоев, Магомед Коздоев, Зураб Эстоев и Дауд Муталиев.

¹²⁸ Например, см. интервью Магомеда Гагиева правозащитному центру «Мемориал» «Вынесен приговор по “Делу двенадцати”», 9 февраля 2011 года.

¹²⁹ Статья 12 Конвенции ООН против пыток, также см. прим. 120.

¹³⁰ Например, по делу о пытках 14-летнего Ахмеда Махмудова в Дагестане в июле 2010 года (описанному Amnesty International в Годовом докладе-2011 «Права человека в современном мире», индекс: POL 10/001/2011, стр. 374), получившего тяжёлые телесные повреждения, психологическую травму и частично потерявшего слух, троих местных милиционеров признали виновными в превышении должностных полномочий и в мае 2011 года вынесли им условные приговоры. Родственники подростка обжаловали решение суда.

¹³¹ Статья 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 144 и 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

¹³² Бехан Теркакиев, Акроман Измайлов, Джабраил Декаев, Магомед Котиев, Джамалейл Озиев, Бехан Байялиев, Казбек Дидигов, Амерхан Цечоев, Аллаудин Налгиев, Абдрахман Узиев и Руслан Тебоев.

¹³³ См. пресс-релиз пресс-службы Уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетии от 2 июня 2011 года: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/014407.shtml#more>; Тимур Акиев, «В Ингушетии избиты заключённые», «Эхо Кавказа», 5 июня 2011 года: <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24216122.html> (ссылки по состоянию 18 ноября 2011 года).

¹³⁴ По информации, предоставленной Amnesty International аппаратом Уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия.

¹³⁵ 186 по состоянию на конец февраля 2012 года

¹³⁶ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», статья 1(2).

¹³⁷ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», статья 27(1).

¹³⁸ Статья 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 10 и 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

¹³⁹ Материалы для возбуждения уголовного дела могут быть переданы другим правоохранительным органам в зависимости от характера предполагаемого преступления. Однако все предполагаемые нарушения прав человека, описанные в настоящем докладе, должен расследовать Следственный комитет.

¹⁴⁰ Статья 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

¹⁴¹ Статьи 24 и 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

¹⁴² Статья 221(1) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

¹⁴³ Лишь после того, как будут исчерпаны все средства судебной защиты на родине (согласно сегодняшней практике, после рассмотрения дела в кассационном суде), потерпевший может обратиться в Европейский суд по правам человека (см. изложение соответствующих прецедентов ниже).

¹⁴⁴ Европейский кодекс полицейской этики. Рекомендация Rec(2001)10, принятая Комитетом министров Совета Европы 19 сентября 2001 года и изложение мотивов, пункт 45, стр. 9. Текст документа на русском и английском языке см.:

http://polis.osce.org/library/details?doc_id=2687&_ru=/library/details%3Fdoc_id%3D2658
(ссылка по состоянию на 21 ноября 2011 года).

¹⁴⁵ Европейский кодекс полицейской этики. Рекомендация Rec(2001)10,
http://polis.osce.org/library/details?doc_id=2687&_ru=/library/details%3Fdoc_id%3D2658
(ссылка по состоянию на 21 ноября 2011 года), стр. 49.

¹⁴⁶ Помимо прочих: Федеральный закон «О противодействии терроризму»,
Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», приказ Генеральной
прокуратуры №33 от 15 февраля 2011 года «Об организации прокурорского надзора
за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»,
Федеральный закон «О безопасности».

¹⁴⁷ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», статья 15. Ранее в
том же абзаце авторы ссылаются на статьи 1, 2 и 13 закона.

¹⁴⁸ Указание Генеральной прокуратуры РФ «О порядке осуществления прокурорского
надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной
деятельности» органами федеральной службы безопасности».

¹⁴⁹ Независимые обозреватели отметили, что данное указание — это фактическое
соглашение между прокуратурой и ФСБ, призванное ещё более ограничить надзорные
полномочия прокуратуры за деятельностью ФСБ. Они отмечают ряд положений,
которые негласно, но эффективно ограничивают возможности прокуроров проводить
эффективные и независимые проверки законности деятельности органов ФСБ.
Например, об этом говорится в положении, требующем, что оперативно-служебные
материалы, на которые распространяется действие закона «О государственной
тайне», изучаются лишь ограниченным числом прокуроров и, «как правило», лишь в
помещениях органов федеральной службы безопасности. См. статью Андрея
Солдатова и Ирины Бороган «Границы прокурорского контроля», «Ежедневный
журнал», 7 июля 2011 года: <http://ej.ru/?a=note&id=11162> (ссылка по состоянию на 21
ноября 2011 года). Цитата из пункта 3 Указания Генеральной прокуратуры РФ № 20-
27/10 от 18 апреля 2002 года.

¹⁵⁰ Как объяснили Amnesty International ингушские следователи, в ответ на сообщение
о нарушении прав человека, совершённом неизвестными лицами, Следственный
комитет направляет к потенциально причастным к этому правоохранительным
органам относительно их возможного участия в инциденте. Закон обязывает
правоохранительные органы реагировать на такие запросы (хотя в некоторых случаях
их попросту игнорируют; см. раздел «Официальное признание проблемы
безнаказанности за нарушения прав человека». Иногда содержание и формулировки
этих ответов становятся известны потерпевшим — через письма, непосредственно
направляемые им данными органами, либо из писем следователей (например, из
писем, в которых сообщается о приостановке или прекращении следствия по делу).
Случается, что эти правоохранительные органы уклоняются от прямого и подробного

ответа на соответствующий запрос. Примеры такой переписки, с которой ознакомилась Amnesty International, включают заявления о том, что причастность сотрудников конкретного правоохранительного органа к определённому инциденту «не подтвердилась» либо «не установлена».

¹⁵¹ Комитет «Гражданское содействие», «Затянуть, запугать и удрать», репортаж о судебном заседании, 5 октября 2011 года:
http://refugee.ru/news/zatjanut_zapugat_i_udrat/2011-10-05-155 (ссылка по состоянию на 2 декабря 2011 года).

¹⁵² Правозащитный центр «Мемориал», «Процесс по делу “карабулакских оборотней” продолжается», 27 декабря 2011 года:
<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/index.htm> (ссылка по состоянию на 17 февраля 2012 года)

¹⁵³ «Юнус-Бек Евкуров: “Хватит отчитываться трупами!”», интервью с главой Республики Ингушетия, Шура Буртин для «Русского репортёра», 19 сентября 2011 года: <http://rusrep.ru/article/2011/09/19/evkurov> (ссылка по состоянию на 6 февраля 2011 года).

¹⁵⁴ Статья 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 года.

¹⁵⁵ Встреча с Магомедом Хамхоевым, заместителем главы Следственного комитета в Ингушетии, Магас, 2 июня 2011 года.

¹⁵⁶ Копия письма опубликована в статье Анны Политковской «Признания бойца эскадрона смерти: мы возвращались и добивали людей...», «Новая газета», 27 мая 2004 года: <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/37n/n37n-s00.shtml> (ссылка по состоянию на 21 ноября 2011 года).

¹⁵⁷ В одном таком случае на Северном Кавказе передача расследования из рук местных (чеченских) следственных органов в федеральные органы по Северокавказскому округу оказала огромное положительное влияние на ход расследования по делу Ислама Умарпашаева (насильственное исчезновение, незаконное задержание и пытки). См. Amnesty International, «Новая информация: пострадавшему от пыток чеченцу вновь угрожают», 18 февраля 2011 года (индекс: EUR 46/006/2011, на англ. яз.: <http://amnesty.org/en/library/info/EUR46/006/2011/en>). Решающую роль в этом решении сыграли международные кампании по делу и личное вмешательство Томаса Хаммарберга, Комиссара Совета Европы по правам человека (см. портал «Кавказский узел», «Международные правозащитные организации требуют скорейшего расследования похищения Умарпашаева», 6 марта, 2011 года: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/181962/?print=true> (ссылка по состоянию на 2 декабря 2011 года).

¹⁵⁸ Сергей Машкин, «Опровержимые доказательства: замгенпрокурора разоблачил свои же выступления в Совете Федерации», «Коммерсантъ», 28 октября 2010 года: <http://kommersant.ru/doc/1530053> (ссылка по состоянию на 2 декабря 2011 года).

¹⁵⁹ Юрий Чайка, вступительное слово на межведомственном совещании руководителей правоохранительных органов Российской Федерации 25 февраля 2010 года.

¹⁶⁰ Оба письма были преданы огласке Межрегиональным Комитетом против пыток на совместной пресс-конференции с рядом других правозащитных НПО под названием «Чечня: Следственный комитет и прокуратура расписались в собственном бессилии», которая состоялась 21 апреля 2011 года в Москве. Подробнее о пресс-конференции: <http://www.mhg.ru/news/1097AF39>. Копии упомянутых писем опубликованы по адресу: <http://www.memo.ru/2011/04/20/pc/led.pdf> и <http://www.memo.ru/2011/04/20/pc/pr.pdf> (ссылки по состоянию на 2 декабря 2011 года).

¹⁶¹ Подробнее см. в открытом письме председателя Межрегиональной организации «Комитет против пыток» Игоря Каляпина, 4 февраля 2011 года: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/184035/> (ссылка по состоянию на 2 декабря 2011 года).

¹⁶² Правовая инициатива по России категорически отвергла этот довод, который также приводился в Представлении правительства Российской Федерации, но который прежде всего относится к делам по Чечне, указав: «Несмотря на несомненные и многочисленные трудности с расследованием прошлых преступлений... отсутствие продвижений в расследовании этой категории дел по большей части обусловлено нежеланием со стороны властей искать доказательства причастности военнослужащих. В то же время власти, по всей видимости, вполне способны расследовать прошлые преступления с участием подозреваемых, не являющихся государственными субъектами». Источник: Правовая инициатива по России, «Ответ на представление правительства Российской Федерации от 25 февраля 2011 года относительно исполнения решений Европейского суда по Северному Кавказу», 19 мая 2011 года. Опубликовано в виде коммуникации НПО на основании правила 9.2 Правил Комитета министров Совета Европы 1 июня 2011 года (на англ. яз.): <https://wcd.coe.int/wcd/ViewDoc.jsp?id=1795647&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383> (ссылка по состоянию на 5 декабря 2011 года).

¹⁶³ Встреча с представителями Следственного комитета, Москва, 7 июня 2011 года.

¹⁶⁴ См. Amnesty International, Russian Federation: Briefing to the Human Rights Committee («Российская Федерация: брифинг для Комитета по правам человека», на англ. яз.), октябрь 2009 года.

¹⁶⁵ 4 августа 2010 года в кафе города Назрани Ибрагима Евлоева убил неизвестный, скрывшийся с места преступления. См. портал «Кавказский узел», «В Ингушетии

убит экс-милиционер, виновный в смерти Магомеда Евлоева», 4 августа 2010 года: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/172542/> (ссылка по состоянию на 5 декабря 2011 года).

¹⁶⁶ «В СКР создан отдел по делам сотрудников правоохранительных органов», «Российская газета», 18 апреля 2012 года, <http://www.rg.ru/2012/04/18/podrazdelenie-anons.html>, (последний заход на страницу 25 мая 2012 года)

¹⁶⁷ Заявление Amnesty International от 16 апреля 2012 года (индекс AI: EUR 46/016/2012), <http://amnesty.org.ru/node/2218>).

¹⁶⁸ А именно: «Вельхийев и другие против России» (пытки и внесудебная казнь, произошедшие в июле 2004 года), решение от 5 июля 2011 года; «Шоккаров и другие против России» (пытки и внесудебная казнь, произошедшие в 2003 году), решение от 3 мая 2011 года; «Цечоев против России» (насильственное исчезновение и внесудебная казнь в 1999 году), решение от 15 марта 2011 года; «Товсултанова против России» (насильственное исчезновение в 2004 году), решение от 17 июня 2010 года; «Хатуева против России» (насильственное исчезновение, 2004 год), решение от 22 апреля 2010 года; «Муцольгова и другие против России» (насильственное исчезновение, 2003 год), решение от 1 апреля 2010 года; «Забиева и другие против России» (внесудебная казнь и жестокое обращение, 2003 год), решение от 17 сентября 2009 года; «Медова против России» (насильственное исчезновение, 2004 год), решение от 15 января 2009 года; «Халидова и другие против России» (насильственное исчезновение, 2002 год), решение от 2 октября 2008 года; «Хациева и другие против России» (внесудебная казнь, 2000 год), решение от 17 января 2008 года.

¹⁶⁹ См. Правовая инициатива по России, «Ответ на представление правительства Российской Федерации от 25 февраля 2011 года относительно исполнения решений Европейского суда по Северному Кавказу».

¹⁷⁰ Правовая инициатива по России, «Относительно замечаний истцов об исполнении решений Европейского суда по правам человека по Северному Кавказу», меморандум Комитету министров Совета Европы, 23 мая 2011 года. Опубликовано в качестве коммуникации от НПО на основании правила 9.2 Правил Комитета министров от 30 мая 2011 года (на англ. яз.): <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=1869412&SecMode=1&DocId=1745860&Usage=2> (ссылка по состоянию на 5 декабря 2011 года).

¹⁷¹ «Исаева против России», жалоба № 57950/00, Совет Европы: Европейский суд по правам человека, 24 февраля 2005 года (на англ. яз.): <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4223422f6.html> (ссылка по состоянию на 5 декабря 2011 года).

¹⁷² «Абуева и другие против России», жалоба № 27065/05, Совет Европы: Европейский суд по правам человека, 2 декабря 2010 года, пункт 210 (на англ. яз.): <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4d5b9a7d2.html> (ссылка по состоянию на 5 октября 2011 года).

¹⁷³ «Абуева и другие против России», пункт 241.

¹⁷⁴ «Абуева и другие против России», пункт 243.

¹⁷⁵ «Вельхийев и другие против России», жалоба № 34085/06, Совет Европы: Европейский суд по правам человека, 5 июля 2011 года, пункт 114 (на англ. яз.): <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4e26dff2.html> (ссылка по состоянию на 5 октября 2011 года).

**ХОЧУ
ПОМОЧЬ**

БУДЬ ТО КОНФЛИКТ В ЦЕНТРЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ВНИМАНИЯ ИЛИ
ЗАБЫТЫЙ УГОЛОК ЗЕМНОГО ШАРА,
AMNESTY INTERNATIONAL БОРЕТСЯ
ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СВОБОДУ И
ДОСТОИНСТВО ДЛЯ ВСЕХ, СПЛАЧИВАЯ
ОБЩЕСТВЕННУЮ ПОДДЕРЖКУ НА ТО,
ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ МИР ЛУЧШЕ

ЧТО МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ВЫ?

Активисты во всём мире показали, что можно противостоять силам, угрожающим правам человека. Включайтесь в движение!

- Вступайте в Amnesty International и включайтесь в борьбу международного движения за прекращение нарушений прав человека. Помогите нам изменить мир к лучшему.
- Внесите пожертвование в поддержку деятельности Amnesty International.

Наш общий голос будет услышан.

Я хочу получить полную информацию о вступлении в Amnesty International

ФИО

Адрес

Страна

Электронная почта

Я хочу внести пожертвование в пользу Amnesty International (пожертвования принимаются в фунтах стерлингов, долларах США и евро)

Сумма

Снимите указанную сумму с моей карты

Visa

Mastercard

Номер

Действительна до

Подпись

Отправьте эту форму в представительство Amnesty International в своей стране.

Информацию о представительствах организации в мире см.: www.amnesty.org/en/worldwide-sites
Если в вашей стране нет представительства Amnesty International, отправьте форму по адресу:

Amnesty International, International Secretariat, Peter Benenson House,
1 Easton Street, London WC1X 0DW, United Kingdom

amnesty.org

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ СПЕЦОПЕРАЦИИ И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНГУШЕТИИ

Ингушетии, как и другим северокавказским республикам Российской Федерации, приходится сталкиваться с подлинными угрозами в сфере безопасности. Члены незаконных вооружённых формирований регулярно посягают на жизнь представителей власти и гражданских лиц. Несоблюдение правоохранительными органами, оказывающими противодействие этим угрозам, принципа верховенства права лишь усугубляет и без того небезопасную обстановку в регионе. Представители полиции и других силовых структур безнаказанно совершают грубые нарушения прав человека, в том числе насильственные исчезновения, пытки и, предположительно, внесудебные казни.

В своих попытках добиться справедливости, жертвы этих нарушений и их близкие попадают в замкнутый круг. Силовые структуры отрицают причастность к нарушениям прав человека, следствие не находит виновных, российские суды не восстанавливают справедливость, а потерпевшие и их родственники оказываются беззащитными перед лицом дальнейших нарушений со стороны представителей силовых структур.

Взяв Ингушетию в качестве примера, доклад раскрывает системные механизмы, позволяющие сотрудникам силовых структур на Северном Кавказе безнаказанно действовать вне правового поля. Виновников нарушений прав человека, совершённых как в прошлом, так и в настоящем, следует выявить и привлечь к ответственности. Систему, допускающую неоднократные нарушения прав человека, надлежит реформировать, и создать условия для их эффективного и подлинно независимого расследования.

amnesty.org

Индекс: EUR 46/012/2012
Июнь 2012 года

AMNESTY
INTERNATIONAL

